

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. КУЛЕШОВА»

Научно-образовательный центр гендерных исследований

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО
СОЗНАНИЯ**

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
27 октября 2017 года

Под редакцией *О. В. Дьяченко*

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2018

УДК 340 (043.2)
ББК 67.400 я 431
Г72

Печатается по решению редакционно-издательского совета МГУ имени А. А. Кулешова

Рецензенты:

доктор социологических наук *Ю. М. Бубнов*;
доктор экономических наук, профессор *Н. В. Маковская*;
доктор социологических наук, профессор *Н. Е. Лихачев*

Редакционный совет:

кандидат философских наук, доцент *В. В. Старостенко*;
кандидат политических наук, доцент *Д. А. Роговцов*;
кандидат исторических наук, доцент *В. Н. Бураков*;
кандидат философских наук, доцент *О. В. Дьяченко*;
кандидат юридических наук, доцент *Н. В. Пантелеева*;
кандидат социологических наук, доцент *С. Н. Лихачева*

Г72 **Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания** : сборник статей Международной научно-практической конференции, 27 октября 2017 г., Могилев / под ред. О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 284 с. : ил.

ISBN 978-985-568-394-1

В сборнике статей, подготовленных на основе докладов и выступлений участников Международной научно-практической конференции «Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания», состоявшейся 27 октября 2017 года в г. Могилеве (Республика Беларусь), рассматриваются общеправовые проблемы совершенствования отраслей частного права, конституционно-правовые аспекты развития правосознания в Республике Беларусь, практика формирования и тенденции развития правовой культуры молодежи в системе общего среднего, среднего специального, профессионально-технического и высшего образования.

Исследуются правовые аспекты развития бизнеса в Республике Беларусь. Отдельное внимание уделяется правам человека в религиозных сообществах и проблемам обеспечения гендерного равенства.

Отдельные материалы публикуются в порядке дискуссии и в авторской редакции.

УДК 340 (043.2)
ББК 67.400 я 431

© Коллектив авторов, 2018
© Оформление.

ISBN 978-985-568-394-1

МГУ имени А. А. Кулешова, 2018

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА

УДК 347.4

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Калинин Владимир Николаевич,

АНО ВО «Институт законоведения и управления Всероссийской
полицейской ассоциации» (г. Тула, Российская Федерация)

Основу содержания обязательств составляют имущественные аспекты обязательственных правоотношений. Имущественные аспекты обязательственных правоотношений составляют, как правило, основное содержание обязательства и выступают как фактическая основа осуществления договора (сделки).

Обязательства характеризуются тем, что стороны данного правоотношения имеют по отношению друг к другу права и обязанности. Обязанность исполнения определенного действия должником и право требования кредитора определяют содержание обязательств.

Имущественные аспекты обязательственных правоотношений составляют, как правило, основное содержание обязательства. В рамках договорных форм обязательств имущественный аспект проявляется в том, что стороны договора заключают сделку, имея целью получение определенного имущественного результата.

Имущество и имущественные права выступают необходимым элементом, который позволяет сторонам участвовать в договорных отношениях. Применительно к договорам имущество представляет собой правовую возможность осуществлять действия, связанные с заключением и исполнением сделок. Как указывает Г.Ф. Шершеневич «содержание имущества с юридической точки зрения выражается в совокупности вещей, принадлежащих лицу и в совокупности прав на чужие действия» [3, с. 94].

Необходимо отметить, что имущество представляет собой один из аспектов договорных обязательств. Его роль в обязательственных правоотношениях заключается в формировании фактической основы для участия сторон договора в гражданском обороте. Кроме того, данный вопрос связан и с другими аспектами договорных обязательств, а именно с вопросами заключения договора и защиты имущественных прав по договорам.

Обязательственные отношения предполагают осуществление прав и обязанностей. Имущественный аспект договоров предполагает наличие имущественных прав. По мнению К.П. Победоносцева «предметом права служит не вещь непосредственно, а действие другого лица по поводу вещи» [2, с. 7].

Важно учитывать, что право требования является действием лица в рамках обязательства. Право требования определяет характерную специфику обязательственных правоотношений. Важно учитывать характер данного действия. С точки зрения Д.И. Мейера «действие другого лица, составляющее предмет соглашения, должно представлять имущественный характер» [1, с. 156].

Имущественный аспект обязательства связан с вещно-правовыми отношениями, которые определяют первоначальный статус имущества. Особенности вещно-правового статуса имущества указывают на возможности лица выступать в гражданском обороте, а именно заключать сделки. И в данном случае важным вопросом является возможность лица распоряжаться данным имуществом. Например, предприятие, за которым недвижимое имущество закреплено на праве хозяйственного ведения, не вправе сдавать данное имущество в аренду без согласия собственника.

Именно поэтому возможность вступления в договорные правоотношения предполагает возможность распоряжаться имуществом. Данная возможность может заключаться в том, что лицо имеет право распоряжаться имуществом, либо возможность использования этого имущества предоставлена собственником.

В этом плане важно учитывать предмет обязательства, которым является право требования кредитора по отношению к исполнению обязанности должника. Однако, фактической основой, определяющей предмет обязательства, является имущество, по поводу которого осуществляются действия сторон договора.

Например, в рамках купли-продажи продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором. Товар как имущество является главным условием, по поводу которого складываются правоотношения сторон. Именно имущество является объектом, по поводу которого стороны могут осуществить права и обязанности. Исходя из этого, имущество является фактической основой обязательства. При этом речь идет о юридическом факте, во-первых, осуществления права требования по отношению к должнику, а во-вторых, правомерности выполнения данного требования конкретным лицом по поводу данного имущества. Тем самым лицо, обязанное выполнить обязательство должно иметь правовую возможность распоряжения данным имуществом.

В рамках продажи недвижимого имущества законодательство устанавливает требование, в соответствии с которым в договоре должны быть указаны данные, позволяющие определить недвижимое имущество, подлежащее передаче. При этом важно учитывать юридический факт наличия имущества, а также вещные права лица, являющегося стороной обязательства. Именно поэтому осуществление обязательственного права стороной договора, являющегося

субъектом права, зависит от принадлежащих ему вещных прав на недвижимое имущество.

В этом плане важно учитывать вещно-правовой статус имущества. Если вещные права на имущество позволяют им распоряжаться, то лицо может осуществить сделку по поводу этого имущества. Поэтому передача имущества определяется с позиции юридического факта только при том условии, что правовые свойства данного имущества, а именно вещно-правовой статус, позволяют применить его к заключению сделки как конкретного объекта, по поводу которого формируются права и обязанности сторон.

Передача имущества как юридический факт базируется на юридическом факте наличия имущества. Как вещно-правовой аспект наличие имущества только указывает на то, что лицо может распоряжаться им по своему усмотрению. В этом плане вещное правоотношение связано с обязательственным в том плане, что правовая возможность распоряжаться имуществом определяет правовую возможность вступления в договорные отношения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопросы распоряжения имуществом являются одним из важнейших аспектов не только вещно-правовых отношений, но и обязательств. Имущество выступает как фактическая основа осуществления сделки. Заключение сделки, в свою очередь, предполагает осуществление определенных действий по поводу имущества или имущественных прав.

Список источников

1. **Мейер, Д. И.** Русское гражданское право : в 2 ч. / Д. И. Мейер. – М. : Статут, 2000. – 455 с.
2. **Победоносцев, К. П.** Курс гражданского права. Часть третья: договоры и обязательства / К. П. Победоносцев. – М. : Статут, 2003. – 622 с.
3. **Шершеневич, Г. Ф.** Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : СПАРК, 1995. – 556 с.

УДК 340.114.5

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ: СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Демидова Ирина Андреевна,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
(г. Могилев, Беларусь)

В статье определяются качественные особенности правового сознания как формы общественного сознания. Устанавливаются наличные теоретические подходы к содержательной характеристике правового сознания: 1) включение в его состав оценочных отношений; 2) структурирование по уровню рациональной мысли. Конституционное правосознание характеризуется как высшая форма правового сознания.

В научной литературе правовое сознание традиционно рассматривается как форма общественного сознания. В общенаучном плане проблема генезиса сознания исследуется на разных уровнях: в контексте общеприродной эволюции (оформление сущностных характеристик сознания выступает своеобразным итогом антропогенеза), в связи с происхождением культуры и общества, а также в аспекте онтогенеза (индивидуального развития человека), что позволяет интерпретировать сознание как сложную многоуровневую систему, включающую в себя природно-психические, индивидуально-личностные и социокультурные проекты [1, с. 386, 387]. В юридическом аспекте имеет место научная позиция отождествления правового сознания с юридическим мировоззрением с выделением его методологических форм: философско-правовой, логической, юридической, догматической, исторической, социологической, психологической, политической [2, с. 36].

В аргументации российского теоретика права В.П. Малахова качественную особенность правового сознания в отличие от других форм общественного сознания определяют его базовые установки, под которыми понимаются те его свойства, которые в своем сочетании отражают негативность и формальность. «Признание негативности (негативной установленности) правосознания означает, что механизм приведения правосознания в актуальное состояние связан с появлением ситуаций, которые осознаются как неправовые» [3, с. 111]. Восприятие ситуации как неправовой связано с тем, что она не обеспечена или не поддержана правом, не вызывает чувства права, либо воспринимается как нарушение права. Вторая базовая установка правосознания – установленность на форму предполагает, что необходимым и важным для правовой личности является определенным образом организованные, структурированные отношения или действия [3, с. 115]. В данном случае значимым является последовательность, согласованность, цезелезависимость правовых актов (действий или решений), что отражает взаимосвязь правопорядка и нормативности.

В юридической литературе правовое сознание исследуется в его формальном (структурно-функциональном) и в содержательном аспектах. Структурирование правового сознания обусловлено выделением в его составе правовой идеологии, психологии и морали. Функциональный анализ правового сознания проводится с учетом общих функций сознания, в качестве которых определяются познавательная, оценочная, целеполагающая, регулятивная, коммуникативная, прогнозирующая [4, с. 174]. В свою очередь содержательная характеристика правового сознания основана на включении в его состав следующих оценочных отношений: 1) к праву и законодательству (его принципам, нормам, институтам); 2) к правовому поведению окружающих и к объектам деятельности (преступности, преступлениям, преступникам); 3) к правоохранительным органам; 4) к своему поведению (самооценка) [5, с. 160]. При таком подходе приоритетными направлениями по качественному изменению

правового сознания являются утверждение в обществе, а также в сознании и действиях людей позитивного отношения к праву как социально значимой ценности, позволяющей добиться социального порядка, основанного на справедливости, уважении прав и свобод личности; совершенствование всех форм реализации права; повышение статуса и обеспечение эффективности деятельности правоохранительных органов.

В.П. Малаховым предложена модель структурирования содержания правосознания личности по уровням рациональной мысли на правовые понятия, правовые категории и правовые идеи [3, с. 116–119]. Различение смыслообразующих идей, определяющих внутреннюю логику правового сознания, и системообразующих идей, отражающих содержание правового сознания в его культурно-исторических формах, позволяет считать высшей формой правового сознания конституционное правосознание. Конституционное правосознание определяется как совокупность правовых знаний, идей, взглядов, а также проявлений психологического, эмоционально-волевого характера (чувств, эмоций, установок), выражающих отношение индивида, коллектива, общества в целом к положениям Конституции, к другим действующим конституционным правовым нормам, к практике их реализации, а также к желаемым изменениям конституционных правовых институтов [6, с. 10]. Структурно оно предстает как единство правовой конституционной идеологии, психологии и морали. В содержание правовой конституционной идеологии включается совокупность конституционных идей, взглядов, представлений, выражающих степень осознания и понимания отдельными лицами, социальными группами, обществом в целом политико-правовых ценностей, закрепленных в Конституции страны. Ведущей идеей конституционной правовой идеологии признается идея конституционной законности. Элементами конституционной правовой психологии определяются чувство уважения к Конституции, основанное на признании ее высших ценностей; конституционные правовые установки, обусловленные эмоциональным отношением личности к институтам государственной власти и к конституционным правовым ценностям; состояние предрасположенности и готовности предпринимать активные действия в соответствии с требованиями конституционных норм. Основу конституционной правовой морали составляет установление достоинства и прав человека в качестве высшей социальной ценности и цели правового государства, что предполагает подчинение деятельности всех государственных и социальных институтов интересам личности.

Выделяются различные уровни конституционного правосознания, такие как обыденное (индивидуальное) и профессиональное (индивидуальное и коллегиальное) [7, с. 96]. В силу того что конституционное правосознание воплощает базовые ценности, относящиеся к важнейшим сферам жизнедеятельности общества и государства, считается, что оно должно присутствовать на обыденном уровне у всех членов гражданского общества. Для государ-

ственных должностных лиц требуется сформированность профессионального конституционного правосознания, для которого характерно наличие наиболее полных правовых знаний конституционных правовых актов и неуклонное применение их в практической деятельности.

Список источников

1. Философия : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. С. Степин [и др.] ; под общ. ред. Я. С. Яскевич. – Минск : РИВШ, 2006. – 624 с.
2. **Костюкович, Э. П.** Роль правовой культуры в становлении гражданского общества / Э. П. Костюкович : тезисы материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 апр. 1998 г. : в 2 ч. / Акад. МВД Респ. Беларусь ; под ред. И. И. Басецкого. – Минск, 1998. – Ч. 2. – С. 35–37.
3. **Малахов, В. П.** Философия права : учеб. пособие / В. П. Малахов. – Москва : Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 448 с.
4. **Мартынов, М. И.** Философия : курс интенсивной подготовки / М. И. Мартынов, Л. Г. Кравченко. – 3-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2010. – 320 с.
5. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд. – Москва : Юрист, 1996. – 472 с.
6. **Баринов, Э. Э.** Конституционное правосознание в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Э. Э. Баринов ; Ростовский юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2001. – 23 с.
7. **Пересыпкин, А. С.** Некоторые аспекты исследования конституционного правосознания / А. С. Пересыпкин // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 92–96.

УДК 343.123.6

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

Лазутина Людмила Федоровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В настоящей статье рассмотрены вопросы, непосредственно связанные с определением роли и значимости на современном этапе института уголовного преследования по делам частного обвинения.

Основной формой обвинения в уголовном процессе является публичное (государственное) обвинение, которое в наибольшей степени соответствует характеру и принципам уголовного процесса. Исключением из данного принципа является производство по делам частного обвинения. Данная фор-

ма обвинительной деятельности возникает лишь при наличии выраженного в уставленном в уголовно-процессуальном законе порядка требования лица, пострадавшего от преступления, или его законного представителя либо представителя юридического лица о привлечении виновного к уголовной ответственности. Правильное применение судами законодательства по уголовным делам частного обвинения обеспечивает соблюдение конституционных прав граждан, воспитывает у них чувства уважения к закону и нормы поведения, способствует предупреждению правонарушений и преступлений. Каждый гражданин имеет право обращаться в суд с заявлением об уголовном преследовании другого лица, а также выступать в роли обвинителя. Как правило, это преступления, не представляющие большой общественной опасности. Но о таком праве знают далеко не все граждане. По поступившему обращению правоохранительные органы проводят проверку. За год таких проверок проводится около 15 000, но в суд обращается не более тысячи граждан. До настоящего времени причина таких расхождений точно не определена. Перечень дел частного обвинения содержит ст. 26 УПК Республики Беларусь. Среди особенностей производства по уголовным делам в порядке частного обвинения УПК выделяют следующие: уголовное дело возбуждается только по заявлению лица пострадавшего от преступления, за исключением возбуждения дела прокурором; потерпевший выступает в качестве частного обвинителя, который в любой момент производства по уголовному делу имеет право отказаться от обвинения; орган дознания вправе проводить проверку по делам частного обвинения при поступлении соответствующего поручения суда (срок – до 10 суток). Право возбуждения уголовного дела о преступлении, указанном в ч. 2 или ч. 3 ст. 26 УПК, и поддержания по нему обвинения в судебном заседании в качестве частного обвинителя принадлежит лицу, пострадавшему от преступления. В случае его неспособности по возрасту или состоянию здоровья выражать свою волю в уголовном процессе указанные права может осуществлять либо совершеннолетний близкий родственник этого лица или член его семьи, а также его законный представитель [2, ст. 28]. В иных случаях выдвигать и поддерживать обвинения могут лица, уполномоченные на это в установленном законном порядке пострадавшим. Дело частного обвинения от имени юридического лица возбуждается его представителем, действующим на основании выданной доверенности либо в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица. В то же время, в отличие от гражданского процесса, в котором к исковому заявлению гражданин должен приложить обосновывающие иск документы, в уголовном процессе любой гражданин может подать в суд заявление о совершении преступления в отношении него, возбудив уголовное дело. При этом частный обвинитель не обязан предоставлять никаких объективных доказательств, которые бы подтверждали факт совершения преступления, а должен лишь перечислить их в

заявлении. Суд же, в соответствии с действующим УПК не наделен полномочиями выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. По поступившему заявлению суд выясняет: подлежит ли деяние уголовному преследованию в порядке частного обвинения; обладает ли заявитель правом возбуждения уголовного дела частного обвинения; не имеется ли иных обстоятельств исключающих производство по уголовному делу; подсудно ли дело данному суду; соответствует ли заявление требованиям, изложенным в ч. 2 ст. 426 УПК. В зависимости от установленных обстоятельств судья принимает одно из следующих решений: о принятии заявления, когда оно соответствует требованиям закона; о возвращении заявления для его приведения в соответствие с требованиями ч. 2 ст. 426 УПК; об отказе в принятии заявления при наличии обстоятельств, исключающих производства по делу. До начала судебного разбирательства суд обязан разъяснить сторонам возможность примирения [2, ст. 427]. Если примирение между сторонами не достигнуто и отсутствуют иные основания, препятствующие рассмотрению уголовного дела по существу, судья принимает решение о назначении судебного разбирательства, которое должно быть начато не позднее четырнадцати суток с момента принятия судом заявления или материалов проверки, если она проводилась, о чем выносит соответствующее постановление. Однако на этой стадии производства по уголовному делу частного обвинения возникает одна очень существенная проблема данной категории дел – сроки. Судьи считают, что особенно трудно соблюдать сроки принятия заявления и назначения дела частного обвинения к рассмотрению. Чтобы решить данную проблему судьи предлагают не внося изменения в УПК, иметь законные 9 суток не со дня подачи неграмотно составленного заявления, а со дня принятия заявления в соответствии с законом. Для назначения дела не позднее 14 суток с момента принятия заявления и не ранее 5 суток со дня вручения его обвиняемому. Кроме того, устраняется пробел, когда по поступившему из другого суда делу суды не имеют возможности соблюсти 14-дневный срок назначения дела. Судебное разбирательство должно быть начато не позднее четырнадцати суток с момента принятия судом заявления или материалов проверки, если она проводилась. Если лицо было задержано в соответствии с правилами статьи 108 настоящего Кодекса, уголовное дело частного обвинения подлежит рассмотрению в течение 24 часов с момента его поступления в суд. При этом обязанность по обеспечению явки в суд этого лица, а также лиц, от которых были получены объяснения, возлагается на органы дознания [1, с. 24].

В практике встречаются случаи, когда от обвиняемого поступает встречное заявление. Принять заявление, соединить и рассматривать дела в одном производстве судья вправе лишь до начала судебного заседания. Если такое заявление от обвиняемого поступило в ходе судебного разбирательства, то вопрос о его принятии решается в рамках самостоятельного производства по

уголовному делу частного обвинения в порядке, предусмотренном стст. 426, 427 УПК. При рассмотрении соединенного уголовного дела, когда лица подавшие заявления, участвуют в судебном разбирательстве одновременно в качестве частного обвинителя и обвиняемого, по правилам ч. 3 ст. 428 УПК их допрос следующий: допрос лица об обстоятельствах совершения преступления в отношении его проводится по правилам допроса потерпевшего, а об обстоятельствах, изложенных во встречных заявлениях, – по правилам допроса обвиняемого. Судебное следствие начинается с изложения сущности обвинения частным обвинителем или его представителем. При рассмотрении соединенного уголовного дела частного обвинения сущность обвинения излагается в порядке поступления заявлений. Обвинитель представляет доказательства, участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, о применении уголовного закона и назначении обвиняемому наказания, а также по другим вопросам, возникающим во время судебного разбирательства. Частный обвинитель вправе отказаться от обвинения. Частный обвинитель, не являющийся пострадавшим от преступления, не вправе давать показания об обстоятельствах дела вместо потерпевшего. Если пострадавший от преступления не выступает в качестве частного обвинителя, он, в соответствии с положениями ст. 49 УПК, признается потерпевшим и допрашивается в судебном разбирательстве в этом качестве. Частный обвинитель вправе отказаться от обвинения (ч. 5 ст. 428 УПК) без приведения мотивов отказа. В судебном заседании отказ от обвинения допускается в устной форме с занесением в протокол судебного заседания. Неявка частного обвинителя или его представителя в судебное заседание суда первой инстанцией без уважительных причин влечет прекращение производства по уголовному делу. При решении вопроса о прекращении производства по уголовному делу частного обвинения в связи с неявкой частного обвинителя или его представителя в судебное заседание (ч. 6 ст. 428 УПК) суды обязаны проверить своевременность извещения указанных лиц о времени и месте судебного заседания и выяснить причины неявки. Если частный обвинитель или его представитель о невозможности явки в судебное заседание не сообщили и причины неявки не известны, суд откладывает разбирательство уголовного дела до выяснения [2, ст. 302]. Прекращение производства по уголовному делу возможно лишь при наличии данных, с достоверностью свидетельствующих о неважности этих причин. При постановлении обвинительного приговора по уголовным делам частного обвинения и назначении виновному наказания необходимо исходить из общих начал назначения наказания [3, ст. 62] и во всех случаях выяснять мнение пострадавшего от преступления о конкретной мере уголовной ответственности, учитывая его при избирании вида и размера наказания. В случаях оправдания обвиняемого по делу частного обвинения процессуальной издержки полностью или частично взыскиваются с лица, по заявлению

которого было начато производство по уголовному делу. При прекращении производства за примирением потерпевшего с обвиняемым процессуальные издержки подлежат взысканию с обоих или с одного из них. Таким образом, задача судов заключается в том, чтобы создать необходимые условия для доступа к правосудию и обеспечения эффективной судебной защиты нарушенных прав лица, пострадавшего от преступления, не представляющих большой общественной опасности.

Список источников

1. **Клещенок, Г. Ф.** Процессуальные особенности производства по уголовным делам частного обвинения / Г. Ф. Клещенок // Судовы веснік. – 2007. – № 3. – С. 21–25.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-3: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 342:614.8(476)

ПРИЗНАКИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ ПРИРОДНОГО И ТЕХНОГЕННОГО ХАРАКТЕРА

Самусенко Лидия Анатольевна,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Анализ законодательства в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций показывает, что различное закрепление признаков чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в нормативных правовых актах дает возможность неоднозначного толкования норм права и не обеспечивает необходимого упорядочения соответствующих общественных отношений. Тот факт, что в случае возникновения чрезвычайной ситуации природного либо техногенного характера, сопровождающейся особо тяжелыми последствиями, Президентом Республики Беларусь может быть введено чрезвычайное положение (статья 84 Конституции Республики Беларусь), которое сопряжено с ограничением прав и свобод личности, обуславливает актуальность проведения исследования данной темы.

Из определения чрезвычайной ситуации природного и техногенного характера (далее – чрезвычайная ситуация), закрепленного в статье 1 Закона Республики Беларусь от 5 мая 1998 г. «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Закон) следует, что признаками чрезвычайной ситуации являются: человеческие жертвы; вред здоровью людей; нарушение условий жизнедеятельности людей; значительный материальный ущерб; вред окружающей среде.

В то же время Инструкция о классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, утвержденная постановлением Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь от 19 февраля 2003 г. № 17 (далее – Инструкция), устанавливает такие признаки чрезвычайных ситуаций, как наличие или угроза гибели людей или значительное нарушение условий их жизнедеятельности; причинение экономического ущерба; значительное ухудшение состояния окружающей среды.

Сравнительный анализ признаков чрезвычайных ситуаций, закрепленных в вышеназванных нормативных правовых актах показывает, что *возможность* наступления негативных последствий в Законе предусмотрена в отношении всех признаков, а в Инструкции – только относительно гибели людей; критерий *«значительный»* в Законе связан только с материальным ущербом, а в Инструкции касается нарушения условий жизнедеятельности людей и ухудшения состояния окружающей среды и не применяется к экономическому ущербу; *вред здоровью людей* в Инструкции признаком не является.

Следует обратить внимание также на несовпадение терминологии, касающейся признаков чрезвычайной ситуации в Законе и Инструкции соответственно: «человеческие жертвы» – «гибель людей»; «материальный ущерб» – «экономический ущерб»; «вред окружающей среде» – «ухудшение состояния окружающей среды».

Рассмотрим закрепление названных признаков в нормативных правовых актах.

Так, термины **«вред здоровью людей»** и **«вред имуществу»** определяются в соответствии с гражданским законодательством. Согласно статье 954 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. вред, причиненный здоровью гражданина, выражается в увечье или ином повреждении здоровья. Под вредом имуществу понимается его утрата или повреждение (статья 14). Количественное значение значительного материального ущерба определяется в соответствии с законодательством в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, зависит от уровня чрезвычайной ситуации и составляет для: локальной чрезвычайной ситуации – свыше 40, но не более 1000 базовых величин; местной – свыше 1000, но не более 5000 базовых величин; региональной – свыше 5000, но не более 0,5 млн базовых величин; республиканской (государственной) – свыше 0,5 млн базовых величин (статья 5 Закона).

Термин **«вред, причиненный окружающей среде»** закреплен в законодательстве об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов и, согласно статье 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июля 2002 г., понимается как имеющее денежную оценку отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов, выразившееся в их загрязнении, деградации, истощении, повреждении, уничтожении, незаконном изъятии и (или) ином ухудшении их состояния, в результате вредного воздействия на окружающую среду, связанного с нарушением требований в области охраны окружающей среды, иным нарушением законодательства.

Как видим, определения терминов, обозначающих такие последствия чрезвычайных ситуаций, как «вред здоровью людей», «вред имуществу», «вред окружающей среде» содержатся в разных отраслях законодательства, что обусловлено характером регулируемых отношений. Признак **«нарушение условий жизнедеятельности людей»** в законодательстве не определен, что порождает проблемы как с позиции эффективности юридической техники при разработке нормативной правовой базы в данной сфере, так и с позиции правоприменительной практики и может повлечь возникновение споров.

Обратим внимание на то, что в российском законодательстве содержится определение понятия «факт нарушения условий жизнедеятельности при аварии на опасном объекте», под которым понимается наличие ситуации, которая возникла в результате аварии на опасном объекте и при которой на определенной территории невозможно проживание людей в связи с гибелью или повреждением имущества, угрозой их жизни или здоровью (пункт 2 Порядка установления факта нарушения условий жизнедеятельности при аварии на опасном объекте, включая критерии, по которым устанавливается указанный факт, утвержденного приказом Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий от 30 декабря 2011 г. № 795).

В число критериев для установления факта нарушения условий жизнедеятельности входят следующие: а) невозможность проживания потерпевшего в жилых помещениях (местах проживания), которая оценивается по таким показателям как степень повреждения здания (помещения); состояние теплоснабжения здания (помещения); состояние водоснабжения здания (помещения); состояние электроснабжения здания (помещения); возможность использования лифта; б) невозможность осуществления транспортного сообщения между территорией проживания потерпевшего и иными территориями, где условия жизнедеятельности не были нарушены, при наличии абсолютной невозможности функционирования общественного транспорта между этими территориями; в) нарушение санитарно-эпидемиологического благополучия

потерпевшего, если в районе проживания потерпевшего в результате аварии на опасном объекте произошло загрязнение атмосферного воздуха, воды и почвы загрязняющими веществами, превышающее предельно допустимые концентрации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Признаки чрезвычайных ситуаций закреплены в Законе и Инструкции, при этом их перечень, наименование и содержание не совпадают, что свидетельствует о коллизии нормативных правовых актов, т. е. о противоречии (несоответствии) их норм. Для устранения коллизии необходимо привести нормы Инструкции в соответствие с нормами Закона. Кроме того, законодательство в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций необходимо дополнить определением такого признака чрезвычайных ситуаций, как «нарушение условий жизнедеятельности людей».

Список источников

1. Самусенко, Л. А. Чрезвычайная ситуация природного и техногенного характера: проблемы правового определения / Л. А. Самусенко // София. – 2017. – № 2. – С. 72–77.

УДК 349.4

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ОХРАНА НЕДР» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Слепцов Андрей Витальевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье автором затрагиваются вопросы содержания правовой охраны недр, рассматривается понятие «охрана недр», проводится сравнительно-правовой анализ юридического закрепления данного понятия в законодательных актах стран ближнего зарубежья.

Природа является совокупностью естественных условий жизнедеятельности людей. В свою очередь, человек, как часть природы, осуществляя свою деятельность, всегда взаимодействует с ней. Приходится констатировать, что на современном этапе развития общества, наиболее остро стоят противоречия между научно-техническим прогрессом, экономическими интересами общества и ресурсовоспроизводящими возможностями природы.

В соответствии с п. 4 Всемирной хартии природы от 28 октября 1982 г., используемые человеком экосистемы и организмы, а также ресурсы суши, моря и атмосферы должны управляться таким образом, чтобы можно было обеспечить и сохранить их оптимальную и постоянную производительность, но без ущерба для целостности тех экосистем или видов, с которыми они со-
существуют [1].

В правовом регулировании отношений по использованию и охране окружающей среды находит свое отражение экологическая функция государства. Как отмечает Н. А. Карпович, экологическая функция государства представляет собой «устойчиво сложившееся основное направление его деятельности, осуществляемое в целях сохранения и приумножения потенциала природы – мирового универсума – во всем ее многообразии при одновременном создании экологически благоприятных условий жизнедеятельности человека и общества» [2, с. 5].

В соответствии с п. 14 Всемирной хартии природы, принципы, изложенные в Хартии, должны найти отражение в законодательствах и практике каждого государства, а также на международном уровне.

Так как недра являются частью природы, следовательно, правовое регулирование отношений по охране недр соответствует общим принципам по охране природы в целом и выражает взаимосвязь между законодательством о недрах и об охране окружающей среды.

В настоящее время в силу того, что развитие экономики каждого государства, а также мировой экономики в целом, характеризуется постоянно увеличивающимся потреблением минерально-сырьевых ресурсов, задача обеспечения охраны недр становится определяющей в развитии правового регулирования недропользования. Бережное отношение к содержащимся в недрах полезным ископаемым и их охрана, как в процессе использования, так и вне его, необходимы, поскольку ресурсы недр являются невозобновляемыми, и потребление их человеком происходит несравнимо быстрее, чем восстановление природной среды.

«Исчерпаемость ресурсов недр явным образом демонстрирует статистика в отношении такого стратегически важного сырья, как нефть. По данным BP Statistical Review of World Energy в России при существующем уровне потребления разведанных запасов нефти хватит лишь на 20,6 года, в США – на 11,3, а в Саудовской Аравии – на 72,4 года» [3].

Как отмечает В. С. Комиссаренко, «объективная потребность минимизировать негативное воздействие в процессе недропользования на природу, обеспечить бережное использование запасов минерального сырья, реализовать право гражданина на благоприятную окружающую среду обуславливают необходимость правового воздействия на отношения по охране недр» [4, с. 18].

Так, в соответствии с п. 31 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о недрах от 14.07.2008 г. [5] (далее – КоН), охрана недр – комплекс мероприятий, обеспечивающих соблюдение установленных КоН и иными актами законодательства порядка и условий пользования недрами и предотвращающих нерациональное использование ресурсов недр и вредное воздействие на окружающую среду.

В законе Российской Федерации «О недрах» от 21.02.1992 № 2395-1 [6] определение данного термина вообще отсутствует. Российский законодатель раскрывает понятие «охрана недр» через перечисление соответствующих обязанностей и требований, предъявляемых к недропользователям.

На наш взгляд, в законодательстве о недрах Республики Казахстан содержится более емкое и полное определение данного термина, так в соответствии с п. 16 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О недрах и недропользовании» от 24 июня 2010 года № 291-IV [7], охрана недр – система мероприятий, в том числе контрольных, предусмотренных экологическим законодательством Республики Казахстан, направленных на рациональное и комплексное использование недр, предотвращение их загрязнения при проведении операций по недропользованию, снижение вредного воздействия этих операций на окружающую среду, а также выявление и пресечение незаконного пользования недрами.

Исходя из анализа норм, регулирующих правоотношения в исследуемой области, закрепленных в законодательных актах Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан, можно сделать вывод, что главная цель реализации комплекса мероприятий, направленных на охрану недр, заключается в предотвращении вреда недрам, их охрана от различных негативных последствий.

Содержание правовой охраны недр, по мнению Р.Р. Ямалетдинова, состоит из трех взаимосвязанных элементов. «Во-первых, это недра, как объект охраны и обязательный элемент соответствующих правоотношений. Во-вторых, это сформулированные законодательством требования и меры, направленные на охрану недр. В-третьих, это деятельность органов государственной власти, местного управления, общественных объединений, организаций и отдельных граждан по реализации названных требований и мер посредством, с одной стороны, управления в данной области, нормотворческой деятельности, применения мер ответственности, с другой – соблюдения и выполнения возложенных обязанностей» [8, с. 38].

Таким образом, под правовой охраной недр можно понимать совокупность, установленных государством правовых норм и возникающих в результате их реализации правоотношений, направленных на выполнение мероприятий по рациональному и комплексному использованию недр, предотвращающих вредное воздействие на составные компоненты недр и окружающую среду, а также выявление и пресечение незаконного пользования недрами.

Список источников

1. Всемирной хартии природы [Электронный ресурс] : [принята Генеральной Ассамблеей ООН 28 окт. 1982 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. **Карпович, Н. А.** Теоретические проблемы реализации экологической функции государства : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.06 / Н. А. Карпович ; Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. – Минск, 2012. – 22 с.
3. **Цуранова, А. И.** Рациональное использование недр: понятие и юридические критерии [Электронный ресурс] / А. И. Цуранова // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnoe-ispolzovanie-ne-dr-ponyatie-i-yuridicheskie-kriterii>. – Дата доступа: 27.09.2017.
4. **Комиссаренко, В. С.** Правовое регулирование охраны недр и окружающей среды при освоении месторождений нефти и газа : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / В. С. Комиссаренко. – Москва, 2004. – 226 с.
5. Кодекс Республики Беларусь о недрах [Электронный ресурс] : 14 июля 2008 г., № 406-3 : принят палатой представителей 10 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 20 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. № 400-3 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. О недрах [Электронный ресурс] : Закон Российской Федерации от 21.02.1992 № 2395-1 : в ред. Законов Российской Федерации от 26.07.2017 № 188-ФЗ / Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.0.2967872613979492#0>. – Дата доступа: 27.09.2017.
7. О недрах и недропользовании [Электронный ресурс] : Закон Республики Казахстан от 24 июня 2010 года № 291-IV : в ред. Законов РК от 11.07.17 г. № 89-VI / Режим доступа: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30770874. – Дата доступа: 27.09.2017.
8. **Ямалетдинов, Р. Р.** Правовая охрана недр в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Р. Р. Ямалетдинов. – Уфа, 2004. – 178 с.

УДК 347.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИСКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: ПОЗИТИВНЫЙ ОПЫТ ДЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Борщевская Анна Эдуардовна,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь»
(г. Могилев, Беларусь)

Проводится сравнительный анализ институтов обеспечения иска в гражданском процессуальном праве Республики Беларусь и зарубежных стран (Германии, Франции,

Российской Федерации и Украины). Автором предлагаются с учетом позитивного зарубежного опыта дополнения и изменения в ГПК Республики Беларусь.

По состоянию на сегодня довольно сложно найти достаточно информации о функционировании института обеспечения иска в зарубежных странах. Это вызвано, в первую очередь, сложностями в переводе нормативно-правовых актов зарубежных стран, а, во-вторых, отсутствием полной кодификации гражданского процессуального законодательства в некоторых из них.

В Германии основным нормативно-правовым актом, регулирующим гражданские процессуальные правоотношения, является Гражданское процессуальное уложение Германии. В нем несколько раз упоминается об «обеспечительном распоряжении суда» и «обеспечительном постановлении». Однако отдельного раздела или статьи, которые бы регулировали обеспечительные меры, настоящий нормативный акт не содержит.

Приводятся лишь такие определения: «Обеспечительное распоряжение суда относится к числу срочных предварительных мер обеспечения спорного требования. С его помощью обеспечивается только индивидуальное требование, например, о передаче какой-то вещи, однако не право требования денежной выплаты. Обеспечительное постановление также относится к числу предварительных мер; она принимается в процессе основного судебного производства, по итогам которого суду следует принять окончательное решение» [1, с. 76].

Также содержится отсылка к другому нормативному акту, регулирующему правоотношения по обеспечению иска, – «Steinfelds. Op. Cit». Из доступных автору источников оказалось невозможным найти аутентичный текст настоящего нормативного акта.

Во Франции на сегодняшний день действует Гражданский процессуальный кодекс 2007 г. Вопросы обеспечения иска регулируются в нем главой «Постановления, которые выносятся в порядке срочной состязательной процедуры». В частности, этой главой предусматривается, что во всех неотложных случаях председатель в «паритетном суде» может распорядиться, в порядке срочной состязательной процедуры, в пределах компетенции суда, о любых мерах, которые не встречают каких-либо серьезных возражений или которые вызваны характером спора.

Действуя в тех же пределах, председатель вправе, в том числе при наличии серьезных возражений, произвести предписание в порядке срочной состязательной процедуры о совершении обеспечительных или восстанавливающих мер, необходимых или для предупреждения угрозы причинения ущерба, или для прекращения явных противоправных действий. Также, в случаях, когда наличие обязательства «серьезно не оспаривается», суд может распорядиться о предоставлении кредитору денежного возмещения или о

выполнении обязательства, даже если идет речь об обязательстве совершить определенные действия. Также устанавливается срок для апелляционного обжалования таких постановлений – 15 дней с момента его провозглашения [2]. Другие вопросы правового регулирования обеспечения иска во Франции отнесены к усмотрению суда, предоставляя ему определенную свободу применения таких мер.

Таким образом, в отличие от гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь, ГПК Франции допускает обеспечение иска путем фактического решения дела до принятия решения относительно спора по существу.

Сравнительный анализ белорусского, российского и украинского гражданского процессуального законодательства, регулирующего институт обеспечения иска, позволяет выделить такие отличия:

1) в ГПК Республики Беларусь [3], как и ГПК Российской Федерации [4], не предусмотрено такого вида обеспечения иска, как передача вещи являющейся предметом спора, на хранение третьим лицам, а обязанность совершить определенные действия, в отличие от ГПК Украины [5], может быть возложена исключительно на ответчика;

2) невыполнение запретов совершать определенные действия, в соответствии с ГПК Российской Федерации, влечет за собой наложение штрафа до 1000 рублей, в то время как в белорусском и украинском законодательстве механизма обеспечения выполнения этих запретов не предусмотрено;

3) на замену способа обеспечения иска по заявлению ответчика в белорусском и российском законодательстве, в отличие от украинского, не требуется согласие истца;

4) заявление об отмене мер обеспечения иска в Республике Беларусь и Российской Федерации может быть подано в любое время, в отличие от Украины, где на подачу такого заявления устанавливается пятидневный срок;

5) в качестве специальных обеспечительных мер по искам о защите прав интеллектуальной собственности ГПК Российской Федерации и ГПК Украины предусмотрены следующие меры:

– «возложение на ответчика и других лиц обязанности совершить определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»» (п. 3.1 ч. 1 ст. 140 ГПК Российской Федерации);

– «установление обязанности совершить действия, делающие невозможным доступ пользователей сети Интернет к объектам права интеллектуальной собственности, правомерность использования (размещение) которых в сети Интернет является предметом спора» (п. 8 ч. 1 ст. 152 ГПК Украины).

В процессуальном законодательстве, в специальных законах (например, в Законе «Об авторском праве и смежных правах») Республики Беларусь не предусматриваются обеспечительные меры по искам о защите прав интеллектуальной собственности.

6) статья 144-1 ГПК Российской Федерации, в отличие от ГПК Республики Беларусь и ГПК Украины, четко регламентирует порядок защиты прав на фильмы в информационно-телекоммуникационных сетях путем обеспечения иска: в частности, заявителю предоставляется возможность заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда, до подачи искового заявления, при этом заявитель имеет не трехдневный (ч. 5 ст. 151 ГПК Украины), а пятнадцатидневный срок для подачи искового заявления.

Большинство из отмеченных выше отличий выделяют с лучшей стороны правовое регулирование института обеспечения иска в российском и украинском процессуальном законодательстве.

Например, по нашему мнению, достойно внесение в ГПК Республики Беларусь дополнений относительно введения ответственности за невыполнение установленного судом запрета на совершение определенных действий, ведь это будет улучшать эффективность такого вида обеспечения иска.

Позитивным было бы и включение в ГПК Республики Беларусь положений относительно порядка защиты прав на фильмы в информационно-телекоммуникационных сетях, аналогичного в ГПК Российской Федерации.

Также считаем, что положения ГПК Украины, позволяющие возлагать обязанность совершить определенные действия не только на ответчика, являются более прогрессивными по сравнению с соответствующим положением в ГПК Республики Беларусь. Считаем, что в конкретной ситуации для того, чтобы выполнение решения суда было возможным, необходимо возложить определенную обязанность на других субъектов, например, на орган государственной власти или орган местного самоуправления.

Вместе с тем в российском и украинском процессуальном законодательстве можно найти много общего. Так, например, в обоих случаях обжалование постановления об обеспечении иска не останавливает его выполнения, в то время как обжалование постановления об отмене обеспечения иска – останавливает выполнение постановления. Также суд вправе требовать от истца предоставить обеспечение возможных убытков ответчика (обеспечить свое требование залогом). При этом ни в ГПК Украины, ни в ГПК Российской Федерации не установлено, может ли ответчик инициировать установление соответствующего залога.

Следует отметить, что ГПК Республики Беларусь не содержит многих моментов, урегулированных в гражданском процессуальном законодательстве соседних государств. Например, в случае отказа в иске меры обеспечения иска сохраняются до вступления решения в законную силу. Однако не указывается

о судьбе мер обеспечения иска, например, в случае закрытия производства по делу, отказа в возбуждении производства по делу.

Также неурегулированным остается вопрос обеспечения иска до подачи искового заявления, равно как и не предусмотрено в ГПК Республики Беларусь специальных способов защиты права интеллектуальной собственности с помощью обеспечения иска.

Подытоживая вышесказанное, необходимо определиться, какие именно правовые нормы из некоторых источников гражданского процессуального права зарубежных стран достойны заимствования в законодательство Республики Беларусь. По нашему мнению, следует изложить некоторые из положений ГПК Республики Беларусь таким образом:

а) изложить пункт 1 части 1 статьи 255 в такой редакции: «запрещение совершать определенные действия», исключив ограничение такого запрета только ответчиком;

б) дополнить часть 2 статьи 257 словами «в течение двух дней» после слова «разрешается», определив тем самым срок рассмотрения заявлений об отмене или замене мер обеспечения иска.

Также считаем, что институт обеспечения иска в сфере защиты прав интеллектуальной собственности нуждается в совершенствовании, но это требует дополнительных исследований в данной области.

Список источников

1. Гражданское процессуальное уложение Германии = Deutsche Zivilprozessordnung mit Einfuhrungsgesets : Ввод. закон к Гражд. процессуальному уложению : пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 472 с.
2. Гражданский процессуальный кодекс Франции (Code de procédure civile). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070716>
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 11 января 1999 г., № 238-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/12128809/>.
5. Гражданский процессуальный кодекс Украины (Цивільний процесуальний кодекс України). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1618-15>.

ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО: ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Чичина Елена Вацлавовна,

Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Беларусь)

Статья посвящена исследованию корреляции общих положений о третейском разбирательстве, установленных международными актами, и дифференциации в отношении отдельных аспектов на уровне национального законодательства (на примере законодательства государств-членов ЕАЭС).

Статус третейского разбирательства как альтернативного способа урегулирования частноправовых споров получил формальное закрепление в Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ) [1].

В частности, в Типовом законе ЮНСИТРАЛ устанавливаются: подведомственность споров арбитражу (через использование и дальнейшее толкование уточняющего термина «торговый»); возможные организационные формы арбитража (институциональный и ad hoc); пределы вмешательства суда в третейское разбирательство; сущность, виды и требования к форме арбитражного соглашения; подходы к определению состава арбитражного суда; компетенция арбитражного суда по вынесению постановления о своей юрисдикции; возможность арбитражного суда выносить постановления о принятии обеспечительных мер и предварительных постановлений; рамочные правила процедуры арбитражного разбирательства; порядок вынесения, требования к форме и содержанию арбитражного соглашения; основания прекращения арбитражного разбирательства; исключительность обжалования арбитражного решения; основания и порядок такого обжалования; вопросы признания и приведения в исполнение арбитражного решения судом, основания для отказа в исполнении.

Указанные выше положения Типового закона ЮНСИТРАЛ стали «точками гармонизации» и основой для создания или совершенствования законодательства о третейских судах на национальном уровне.

Вместе с тем анализ национального законодательства (на примере стран ЕАЭС) показывает значительную вариативность в части регламентации арбитража (при сохранении ее сущности).

Проведенный анализ показывает, что различия затрагивают, чаще всего, следующие позиции: порядок создания третейского суда; вопросы компетенции; пределы судебного вмешательства в третейское разбирательство.

Порядок организации третейского суда. Отметим, что Типовой закон ЮНИСТРАЛ не содержит единого стандарта образования третейских судов, переводя этот вопрос в плоскость национального усмотрения.

Согласно Закону Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-3 «О третейских судах» (далее – Закон о третейских судах) [2] постоянно действующие третейские суды, созданные в качестве некоммерческих организаций, подлежат государственной регистрации, а созданные в качестве обособленных подразделений (подразделений) юридических лиц – постановке на учет. Решения постоянно действующего третейского суда, не зарегистрированного или не поставленного на учет, не имеют юридической силы и не подлежат исполнению (ч. 7 ст. 3).

Схожие подходы применительно к созданию международного арбитражного третейского содержатся и в Законе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 279-3 «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее – Закон о МАС) [3].

Для полноты обзора отметим, что регистрационный порядок создания третейских судов предусмотрен в законодательстве Украины и Узбекистана.

Помимо Республики Беларусь, ни один национальный закон, регламентирующий деятельность третейских судов в государствах-членах ЕАЭС, не содержит положений об их регистрации или учете со стороны государства.

Вопросы компетенции. Как указывалось выше, Типовым законом ЮНСИТРАЛ заложено «ядро» компетенции третейских судов. В частности, в примечании к п. 1 ст. 1 указывается, что термин «торговый» следует толковать широко, с тем, чтобы он охватывал вопросы, вытекающие из всех отношений торгового характера, как договорных, так и внедоговорных, т.е. основой компетенции третейского суда являются гражданско-правовые споры. Однако можно утверждать, что на национальном уровне имеет место уточнение, усечение или, напротив, расширение круга арбитрабельных дел.

Так, согласно Закону о третейских судах третейский суд разрешает любые споры, возникающие между сторонами, заключившими третейское соглашение, за исключением споров, стороной которых является учредитель постоянно действующего третейского суда, созданного в качестве некоммерческой организации, либо юридическое лицо, обособленным подразделением (подразделением) которого является такой третейский суд, а также споров, непосредственно затрагивающих права и законные интересы третьих лиц, не являющихся сторонами третейского соглашения, и споров, которые не могут быть предметом третейского разбирательства в соответствии с законодательством Республики Беларусь или законодательством иностранного государства, если применение законодательства иностранного государства предусмотрено третейским соглашением или иным договором между сторонами (ст. 19).

В международный арбитражный суд по соглашению сторон могут передаваться гражданско-правовые споры между любыми субъектами права, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если местонахождение или местожительство хотя бы одного из них находится за границей Республики Беларусь, а также иные споры экономического характера, если соглашением сторон предусмотрена передача спора на разрешение международного арбитражного суда и если это не запрещено законодательством Республики Беларусь (ст. 4 Закона о МАС).

В соответствии с п. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» [4] в третейский суд может по соглашению сторон третейского разбирательства передаваться любой спор, вытекающий из гражданских правоотношений, если иное не установлено федеральным законом.

Далее, согласно ст. 1 Закона Республики Казахстан от 8 апреля 2016 г. № 488-V «Об арбитраже» [5] данный закон применяется в отношении споров, возникших из гражданско-правовых отношений с участием физических и (или) юридических лиц, независимо от места жительства или места нахождения субъектов спора внутри государства или за его пределами, разрешаемых арбитражем, если иное не установлено законодательными актами Республики Казахстан.

Как усматривается из приведенных норм, белорусский, российский и казахский законодатели поддерживают начала диспозитивности гражданских правоотношений, в том числе и при разрешении вопроса о передаче спора, допуская лишь определенные исключения, как правило, в целях обеспечения принципов третейского разбирательства или защиты публичного правопорядка. Отметим, что исключения при этом носят оценочный характер.

Согласно Закону Кыргызской Республики от 30 июля 2002 г. № 135 «О третейских судах в Кыргызской Республике» [6] данный Закон применяется при передаче по соглашению сторон на рассмотрение третейского суда споров, возникающих из гражданских правоотношений, включая инвестиционные споры, подведомственные компетентному суду, за исключением споров, установленных этим Законом. Интересной особенностью изучаемого законодательного акта является выделение в его структуре отдельной главы 8 «Рассмотрение третейским судом отдельных видов споров», содержащей две статьи об особенностях рассмотрения третейским судом двух категорий споров: с участием граждан и инвестиционных споров.

Пределы судебного вмешательства в третейское разбирательство. Согласно Типовому закону ЮНСИТРАЛ возможность судебного вмешательства в третейское разбирательство предусмотрено в следующих случаях: назначение, отвод и прекращение действия мандата арбитра (ст. 11, 13 и 14), юрисдик-

ция арбитражного суда (ст. 16) и отмена арбитражного решения (ст. 34). Указанные случаи перечислены в ст. 6 Типового закона ЮНСИТРАЛ как функции, выполнение которых следует возложить на специально назначенный суд (на другой орган). Кроме того, в полномочия такого суда также входит: содействие суда в получении доказательств (ст. 27); признание арбитражного соглашения, включая его совместимость с обеспечительными мерами по постановлению суда (ст. 8 и 9); обеспечительные меры, предписываемые судом (ст. 17 J); признание и приведение в исполнение как обеспечительных мер (ст. 17 H и 17 I), так и арбитражных решений (ст. 35 и 36). В других случаях судебное вмешательство не допускается.

Анализ материального и процессуального законодательства государств-членов ЕАЭС показал, что наиболее ярко дифференциация на национальном уровне по критерию степени судебного вмешательства просматривается в вопросах отказа в выдаче исполнительного листа для принудительного исполнения арбитражного решения.

В целом, можно утверждать, что такие основания идентичны, однако можно выделить две группы различий, которые государство использует в качестве оснований для отказа в выдаче исполнительного листа: нарушение материального закона страны (Республика Беларусь, Республика Армения) или же нарушение ее публичного порядка (Российская Федерация, Республика Казахстан, Кыргызская республика).

Список источников

1. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-conc/03-90955_Ebook.pdf – Дата доступа: 23.06.2017.
2. О третейских судах: Закон Республики Беларусь от 18.07.2011 № 301-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 2011. – 2/1853.
3. О международном арбитражном (третейском) суде: Закон Республики Беларусь от 09.07.1999 № 279-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 1999. – 2/60.
4. О третейских судах в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 24.07.2002 № 102-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37831/ – Дата доступа: 23.06.2017.
5. Об арбитраже: Закон Республики Казахстан от 08.04.2016 № 488-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35110250 – Дата доступа: 23.06.2017.
6. О третейских судах в Кыргызской Республике: Закон Кыргызской Республики от 30.07.2002 № 135 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1092>. – Дата доступа: 23.06.2017.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Михайловская Вероника Юрьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Медиация – это одна из технологий альтернативного, несудебного урегулирования споров с участием третьей стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору. В международной практике медиация как институт альтернативного разрешения споров является довольно востребованным. Однако в Республике Беларусь данный институт не нашел должного применения, что показывает недостаточное развитие правовой культуры и гражданского общества в целом.

Медиация как способ альтернативного разрешения споров является довольно известным институтом международного права, имеющим богатую историю. Медиация сегодня – это признанный и востребованный метод разрешения конфликтов в мире, в особенности гражданско-правовых, экономических, политических и социальных. Данное обстоятельство подтверждается закреплением медиации на международном уровне: Комиссия ООН по праву международной торговли (UNCITRAL) приняла Типовой закон о медиации (2002 г.); Европейская комиссия разработала Кодекс медиатора (2004 г.); Европейский союз также выпустил ряд директив относительно некоторых аспектов медиации. В настоящее время медиация широко используется в США, Англии, Германии, Швеции, Швейцарии, Австрии в самых разных ее проявлениях (например, в виде «горячей линии») либо же медиаторы непосредственно включены в состав судебной системы).

Международный опыт в рассматриваемой сфере повлиял также и на развитие медиации в Республике Беларусь. Ее законодательное закрепление нашло свое отражение в Законе Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З «О медиации», которым впервые были определены правовые основы применения данной процедуры [4]. Однако практическое применение медиации не достаточно распространено.

В настоящее время в Республике Беларусь зарегистрировано около 140 специально обученных медиаторов; проведено более 500 медиаций, а добровольное исполнение медиативных соглашений составляет более 85% [3]. Несмотря на относительно небольшое число проведения медиации, можно все же наблюдать положительную динамику в области исполнения медиативных соглашений, чего не скажешь об исполнении судебных решений.

Однако на данный момент времени в Республике Беларусь медиация по некоторым причинам представляет собой все же недостаточно устоявшийся институт альтернативного разрешения споров, а также недостаточно популярный и заслуживающий доверие.

По нашему мнению, непопулярность института медиации сводится к следующим причинам:

- 1) недостаточная информированность граждан;
- 2) «незрелость» гражданского общества в целом.

Из-за недостаточной осведомленности о существовании такой процедуры альтернативного разрешения споров как медиация, граждане предпочитают обращаться напрямую в суд. С одной стороны, прямое обращение в суд свидетельствует о повышении правовой культуры граждан в части передачи спора компетентным государственным органам. Так, за первое полугодие 2017 г. судами общей юрисдикции было разрешено 99150 тысяч гражданских дел [1]. Однако, как верно подметила Т.С. Таранова, «одним из инструментов совершенствования правовой культуры общества может выступать развитие альтернативных способов урегулирования правовых конфликтов, в том числе посредством медиации» [5, с. 112]. С другой стороны, данное явление обращает внимание на наличие в гражданском обществе множества проблем, требующих незамедлительного решения, причем не обязательно судом.

Своевременность и правильность рассмотрения дел в суде по большей части зависит от нагрузки на судей. Большая загруженность последних может привести к серьезным ошибкам при рассмотрении дел, а это в свою очередь может повлечь за собой вынесение незаконного и необоснованного судебного решения, нарушение прав граждан и их общую неудовлетворенность системой правосудия. Избежать негативных последствий возможно путем распространения информации о существовании процедуры медиации в форме листовок, информационных часов, стендов.

На наш взгляд, немаловажной причиной медленного развития медиации в Республики Беларусь также является «незрелость» гражданского общества.

Невозможно не согласиться с мнением О.Ю. Голуб относительно того, что «институт медиации наряду с другими альтернативными способами урегулирования споров является признаком развитого гражданского общества, показателем высокого уровня правовой культуры и зрелости экономического оборота, важнейшим критерием развития демократии» [2, с. 57].

Граждане нашей же страны в какой-то степени еще не готовы доверить разрешение спора «неизвестному» институту; не готовы идти на цивилизованный и благоразумный диалог друг с другом. К сожалению, корень данной проблемы кроется в образе мышления большинства белорусского

народа. Устранение этого «недостатка» видится в правильном воспитании будущих поколений. На данный момент времени в наших силах «работать» на перспективу. Так, в Республике Беларусь в некоторых школах уже вводятся экспериментальные занятия по основам альтернативного разрешения споров. Повсеместное же их внедрение позволит заложить подрастающему поколению мысль о том, что пусть и не любой, но хотя бы гражданский спор можно разрешить собственными силами, не прибегая к «помощи» судебных органов, сохранив при этом человеческие отношения и собственное достоинство.

Медиация – это новый уровень культуры общения и преодоления противоречий между людьми, что позволяет конфликтующим сторонам выразить свои потребности и интересы, быть услышанными и понятыми, выработать согласованное взаимоприемлемое решение [2, с. 57].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на международную поддержку, проблема развития медиации в Республике Беларусь существует и требует своего разрешения. Основные причины данного обстоятельства мы видим в недостаточной информированности граждан, а также невысоком уровне развития гражданского общества в целом. И, устранив их, с течением времени медиация может стать реальной и эффективной альтернативой судебному рассмотрению споров.

Список источников

1. Верховный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/justice_RB/statistics/. – Дата доступа: 01.10.2017.
2. **Голуб, О. Ю.** О взаимосвязи медиации и правовой культуры / О. Ю. Голуб // Известия Саратовского университета. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2016. – № 4. – С. 56–59.
3. Медиация в Беларуси [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.mediacia.by/mediacia-v-belarusi>. – Дата доступа: 01.10.2017.
4. О медиации : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-3 : текст по состоянию на 24 янв. 2014 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. **Таранова, Т. С.** Роль медиации и медиатора в аспекте развития правовой культуры / Т. С. Таранова // Вестник Национального университета «Юридическая академия Украины имени Я. Мудрого». Серия «Философия, философия права, политология, социология». – 2013. – № 3. – С. 109–114.

ЭМБРИОН КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Демьяненко Никита Олегович, Трамбачева Татьяна Дмитриевна,
ЧУО «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь)

В данной статье дается анализ понятию эмбриона, а также определяется его правовой статус как субъекта или объекта гражданских правоотношений. Показаны различные точки зрения на данную проблематику в науке, рассмотрена российская и зарубежная судебная практика, зарубежное законодательство. В заключение данной статьи сделан вывод о причислении эмбриона к особым субъектам гражданских правоотношений.

На сегодняшний день в современном гражданском законодательстве не урегулирован вопрос, связанный с признанием правового статуса эмбриона. Возникает проблемы отнесения его к субъектам или объектам гражданских правоотношений. Как известно, «эмбрион» не является субъектом гражданских правоотношений, однако он наделяется основным правом – правом на жизнь. Так, правоспособность физических лиц возникает с момента рождения человека (ст. 16 ГК). Однако не угасают дискуссии относительно признания «эмбриона» субъектом. В свою очередь многие ученые предлагают признать и объектом гражданских правоотношений данный организм. Под эмбрионом (от греч. – *embryon*) следует понимать животный или человеческий организм на ранних стадиях его развития [7, с. 388]. Однако необходимо уточнить, что согласно данным биологии и эмбриологии, человеческий зародыш проходит в своем внутриутробном развитии три стадии: проэмбрион (14 дней с момента зачатия) представляет «сгусток» клеток; собственно эмбрион (8 недель с момента зачатия); плод (от 8 недель до момента рождения) [5, с. 39–40].

Например, в российском законодательстве понятие «эмбрион» дается в ст. 2 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека»: это зародыш человека на стадии развития до восьми недель [8]. В законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» эмбрионы упомянуты в качестве разновидностей органов человека, имеющих отношение к процессу воспроизводства. Причем в ст. 2 данного акта указано, что его действие не распространяется на такие органы [9]. Таким образом, утверждает законодатель, что эмбрион не может являться объектом гражданско-правовых отношений.

По мнению ученого Л.В. Майфата, в эмбрионе заложены все основы жизни, собственно, это уже есть жизнь, то есть начало жизни, а не человек, поскольку он не обладает правоспособностью, однако у него есть право на жизнь [4].

Данная точка зрения, на наш взгляд, изображается не в полном объеме, так как не ясен по своей сути способ реализации этого права на законном уровне. Такие ученые, как А. Кольбе и М. Клопфер выделили два основных подхода к определению статуса эмбриона. Во-первых, эмбрион – субъект права, то есть полноправный участник правоотношений, приравненный к человеку. Однако речь идет о необходимости охраны эмбриона как начала человеческой жизни, т. е. признания его в качестве объекта, а не о признании его субъектом права. Во-вторых, эмбрион – объект права: а) вещь, по поводу которой возникают имущественные правоотношения; б) часть организма матери, приравниваемая к органам и тканям человека [4]. По нашему мнению, эмбрион можно выделить в качестве особого участника гражданских правоотношений, который как говорилось выше, обладает правом на жизнь.

Похожей точки зрения придерживаются Н. Клык и В. Соловьев, которые считают необходимым усовершенствовать содержание ст. 17 Гражданского кодекса РФ, а именно закрепить за эмбрионом такой признак, как относительная правоспособность. Это обусловлено требованием его защиты, по причине участившихся случаев таких, как принятие женщиной решения об искусственном прерывании беременности, применении эвтаназии к абортированному жизнеспособному ребенку [3, с. 38]. Все это доказывает, что необходимо реформировать законодательство, связанное с еще не родившимся ребенком, и наделения его статусом особого субъекта в гражданском законодательстве.

Вопрос признания эмбриона субъектом гражданского права необходим в современном обществе, так как данные вопросы связаны с нарушением права на жизнь еще неродившегося ребенка. Это прослеживается и в судебной практике. Самым известным в мировой практике является дело Н. Эванс. В 2000 г. мисс Эванс с женихом обратилась в клинику репродукции для проведения процедуры ЭКО. В ходе обследования у нее был выявлен рак яичников. Перед операцией врачам удалось извлечь и оплодотворить несколько яйцеклеток. Получившиеся эмбрионы были криоконсервированы, став для женщины единственной надеждой на собственного ребенка. Однако вскоре супруги разошлись, и мистер Джонстон отозвал свое согласие на использование их общих эмбрионов [6, с. 38].

Дело рассматривалось в судах разных инстанций в Великобритании, но в иске мисс Эванс неизменно отказывали. Тогда она обратилась в Европейский суд по правам человека. Здесь ей также было отказано, комиссия пришла к единогласному мнению, что эмбрионы не имеют присущего им права на жизнь. Таким образом, Европейский суд не признает эмбрион субъектом правоотношений и тем самым считает зарождение жизни в утробе матери, лишь одним из процессов в организме.

Однако, по мнению некоторых авторов, отношение гражданского права к статусу эмбриона должно строиться на основе признания того факта, что эмбрион является не только частью человеческого организма, но и последующим

началом новой жизни, что и должно определять подходы к созданию соответствующего правового режима всех стадий развития эмбрионов – от «создания» и хранения до имплантации в организм. Если рассматривать этот вопрос с законодательной точки зрения, то согласно преамбуле Конвенции о правах ребенка (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г.), согласно которой, государства-участники Конвенции, принимают во внимание, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [10, с. 51]. Из этого следует, что он может являться субъектом гражданских правоотношений, исходя из Конвенции. С точки зрения законодателя Беларуси, эмбриона можно считать субъектом только в том случае, если он родится живым. И с этого момента возникает гражданская правосубъектность.

Данная точка зрения о правоспособности эмбриона имеет достаточно глубокие исторические корни. Еще в источниках римского права встречаются нормы, приравнивающие зачатого ребенка к уже рожденному субъекту права при наличии двух условий. Во-первых, зачатый ребенок должен родиться живым. Во-вторых, признание гражданской правоспособности за зачатым ребенком должно соответствовать его интересам [10, с. 55].

Следовательно, подводя итог вышесказанному, необходимо учитывать последние достижения генетики и медицины, а также нормы морали. Научные исследования о биологической сущности человеческого эмбриона доказывают, что с момента зачатия человеческий эмбрион обладает всеми характеристиками человеческого индивидуума, при этом на всем протяжении внутриутробного развития новый человеческий организм не может считаться частью тела матери, так как он генетически отличен от матери и телесно самостоятелен. Тем более нельзя рассматривать эмбрион в качестве вещи, по поводу которой могут возникнуть правоотношения имущественного характера. Мы придерживаемся мнения о том, что ребенок нуждается в правовой защите еще до своего рождения. В связи с этим, представляется необходимым закрепление в Конституции Республики Беларусь положения о том, что человеческая жизнь достойна охраны еще до рождения.

Несмотря на то, что законодательно эти положения не закреплены, на практике вовлечение эмбрионов в гражданский процесс в качестве субъекта становится объективной реальностью и игнорировать этот факт невозможно.

Список источников

1. **Беседкина, Н. И.** Права еще не родившегося ребенка / Н. И. Беседкина // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 60.
2. **Гольшова, Л. Ю.** О правовом аспекте происхождения ребенка вследствие искусственных методов репродукции / Л. Ю. Гольшова // Совершенствование методов управления социально-экономическими процессами и их правовое ре-

- гулирование: тезисы докладов науч.-практ. конф. / Ставрополь. – Часть 1. – 2000. – С. 13–18.
3. **Клык, Н. А.** Медицинский кодекс России: каким ему быть? / Н. А. Клык, В.К. Соловьев // Российская юстиция. – 1997. – № 9. – С. 38–42.
 4. **Кольбе, А. Н.** Основы этики [Электронный ресурс] / А. Кольбе, М. Клопфер. – Режим доступа: iu.ru/biblio/archive/klopfer_osnovi. – Дата доступа: 14.09.2017.
 5. **Курило, Л. Ф.** Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции / Л. Ф. Курило // Проблемы репродукции. – 1998. – № 3. – С. 39–41.
 6. **Майфат, А. В.** Собственность на тело человека [Электронный ресурс] / А. В. Майфат. – Режим доступа: http://www.urallaw.ru/articles/person_2/id_35.html. – Дата доступа: 17.05.2017.
 7. **Норвич, Д. Д.** Оксфордская иллюстрированная энциклопедия / Д. Норвич – М. : Прогресс, 1999. – 594 с.
 8. О временном запрете на клонирование человека [Электронный ресурс] : федер. закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ. // Доступ из правовой системы «Консультант Плюс». – Дата доступа: 12.09.2017.
 9. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29 нояб. 2010 г. № 326-ФЗ // Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс». – Дата доступа: 13.09.2017
 10. **Романовский, Г. Б.** Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? / Г. Б. Романовский // Юрист. – 2001. – № 11. – С. 51–56.

УДК 342.721

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАНИНА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Мартынов Владимир Петрович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной работе приводится понятие личной жизни, дана классификация ее сторон, а также приведены основные нормативно-правовые акты, в том числе международные, свидетельствующие о важности соблюдения конфиденциальности при использовании информации, касающейся личной жизни гражданина. Особое внимание в работе обращается на важность правового регулирования со стороны государства вопросов тайны частной жизни.

Живя в обществе, человек обладает совокупностью прав, которые представляют собой обширный социально-правовой институт. Все законы, как

естественные, так и позитивные, призваны служить целям обеспечения свободы личности, живущей в определенном обществе. «Так или иначе, без свободы человека нет его прав, как без прав человека нет свободы». В то же время пользование правами сопряжено с ответственностью человека, с возможными ограничениями, определяемыми мерой и границами свободы, установленными правом, принципами гуманности, солидарности, нравственности [1, с. 156].

В юридической науке под частной жизнью понимается сфера личных, интимных, семейных, бытовых и иных отношений между людьми, «которая контролируется самим индивидом, т. е. свободна от внешнего воздействия» [3, с. 92].

Частная жизнь защищает частную индивидуальность. Важной особенностью неприкосновенности частной жизни является формирование и сохранение дружеских отношений между людьми, семьями, трудовыми коллективами, общественными объединениями и политическими партиями. Неприкосновенность частной жизни позволяет различным группам людей формироваться и функционировать без вмешательства со стороны государства и общества, то есть позволяет обладать своего рода автономией. Однако частная и публичная сферы взаимодействуют и взаимовлияют друг на друга и не являются взаимоисключающими. Именно поэтому в понятие частной жизни включаются личные свободы, независимость личности, персональная целостность и личные отношения. Государство в установленных рамках имеет право контроля над индивидуумами, составляющими общество, а также регламентирует их личное поведение.

Тайна личной жизни понимается как в узком, так и в широком смысле. В широком смысле это понятие включает весь комплекс духовных благ и прав, характеризующих личность, а в узком понимании тайна личной жизни означает право гражданина на свободу проявлений семейной, интимной жизни, неприкосновенность его личной свободы.

Личная жизнь носит разнообразный характер и включает различные стороны. Однако следует отметить тот факт, что в нормативных правовых актах не дается определение «личная жизнь», а лишь перечисляются соответствующие сферы и области жизнедеятельности. Данную тенденцию можно объяснить тем, что взаимоотношения между людьми в сфере частной жизни в большей степени регулируются нормами нравственности.

С целью того чтобы раскрыть данный термин как целостный социальный комплекс и дать более полное представление, которое может быть принято в расчет при охране неприкосновенности личной жизни необходимо привести следующую классификацию личной жизни, характеризующую ее с разных сторон:

1. Личностная (интимная) сторона, относящаяся к данной индивидуальной личности и делающая личную жизнь данного лица самобытной и неповторимой.

2. Бытовая сторона, выражающая уклад повседневной жизни лица по поддержанию его существования путем удовлетворения своих потребностей в пище, одежде, жилище и др.

3. Семейная сторона, охватывающая широкий круг действий и отношений, связанных с выполнением основной семейной функции – продолжением рода, и (кроме супружеских) включающая отношения по воспитанию детей, взаимной материальной и духовной поддержке членов семьи, а также отношения с другими родственниками.

4. Имущественная сторона, которая носит в основном сложный характер, поскольку соответствующие отношения, во-первых, принадлежат к личной жизни гражданина, а во-вторых, являются его социальными связями, однако порядок и характер пользования соответствующими вещами определяются самим гражданином.

5. Культурная сторона, в которой находит свое выражение освоение человеком достижений культуры.

6. Организационная сторона, проявляющая себя в установлении распорядка дня, в решении вопросов приобретения или отчуждения имущества, поступления в то или иное учебное заведение, избрания профессии, места жительства и места работы, а также в иных аналогичных действиях.

7. Санитарно-гигиеническая сторона, охватывающая личную гигиену, поддержание гигиены детей, а также определенный уровень санитарного состояния имущества, занимаемого помещения.

8. Оздоровительная сторона, выражающаяся в действиях, направленных на поддержание здоровья гражданина (обращение за медицинской помощью к врачу или самолечение).

9. Сторона досуга, связанная с отдыхом и развлечениями.

10. Коммуникационная сторона, охватывающая всю систему неформальных связей данного лица с окружающими его людьми, в том числе с друзьями, знакомыми [2, с. 55].

При всем многообразии проявлений личной жизни граждан, применительно к охране тайны личной жизни, их объединяет то, что везде речь идет об информации конфиденциального характера, доступ посторонних лиц к которой возможен только с согласия гражданина либо в силу прямого указания закона без его согласия, но со строгим и тщательным соблюдением оснований, условий, порядка ее получения и использования.

О важности права на неприкосновенность частной жизни свидетельствует то, что оно гарантируется ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (вступил в силу для Республики Беларусь 23.03.1976 г.), закреплено ст. 9 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека (вступила в силу для Республики Беларусь 11.08.1998 г.)

Гарантии данного права содержатся и в нашей Конституции, в соответствии со ст. 28 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство [3, с. 62].

Главной опасностью для частной жизни является то, что информация о ней станет достоянием других лиц. Вследствие этого закон призван закрепить наиболее важные гарантии тайны личной жизни и определить границы проникновения в нее со стороны иных лиц, а сведения о частной жизни физического лица и персональные данные отнести к категории информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено. В ст. 18 Закона Республики Беларусь об информации и информатизации и защите информации установлено, «что никто не вправе требовать от физического лица предоставления информации о его частной жизни и персональных данных, ... либо получать такую информацию иным образом помимо воли данного физического лица» [5, с. 6]. То есть под охрану поставлена не только тайная, но любая информация о личной жизни лица.

Ограничение же прав и свобод личности в юридическом аспекте может выражаться в сужении, приостановлении, отмене, непризнании этих прав и свобод либо в усложнении процедуры их реализации. Следовательно, всякое неправомерное ограничение прав и свобод есть нарушение, но не всякое их нарушение является ограничением.

Таким образом, категория гражданско-правовой охраны личной жизни в своей исходной посылке опирается на то, что правовые нормы имеют определяющее значение как при обеспечении прав и свобод для активных собственных и чужих действий, так и для защиты от вмешательства других лиц в сферу жизнедеятельности данной личности. Институт ограничения неприкосновенности личности, обладая высокими социально-значимыми свойствами, получил широкое распространение не только в гражданском, но и в уголовном судопроизводстве. Несмотря на принципиальное единство отношений, связанных с обеспечением индивидуальной свободы, неприкосновенности и охраной тайны личной жизни граждан, они представляют собой самостоятельные объекты охраны и требуют обособленного регулирования с учетом их специфики.

Список источников

1. **Васильева, Е. Г.** Правовые ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе / Е. Г. Васильева // Уголовное право. – 2002. – С. 156.
2. **Карташов, И. И.** Защита частной жизни / И. И. Карташов // Центральный научный вестник. – 2016. – № 4. – С. 55.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября

- 2004 г. Редакция Решения республиканского референдума 17 октября 2004 года // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – 62 с.
4. **Лушников, А. М.** Защита персональных данных работника : сравнительно-правовой комментарий гл.14 Трудового кодекса РФ / А. М. Лушников // Трудовое право. – 2009. – № 9. – С. 93.
 5. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь 10 ноября 2008 г. № 455-З : в ред. 4 января 2014 г. № 102-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.155.5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЪЯВЛЕНИЯ ГРАЖДАНИНА УМЕРШИМ

**Каранкевич Вероника Игоревна, Трамбачева Татьяна Дмитриевна,
ЧУО «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь)**

Данная статья посвящена изучению основных проблем, связанных с реализацией института объявления гражданина умершим. Проанализирована практика применения норм, регулирующих данные правоотношения, обоснованы пути их решения.

В условиях развития и становления современного общества проблема объявления граждан безвестно отсутствующими или умершими является особо актуальной, поскольку ежегодно исчезает огромное число жителей во многих странах мира. В XXI век, в век всесторонне развитых технологий, гораздо проще определить место нахождения человека или хоть какие-то сведения о нем, чем, допустим, десять лет назад, да и любой здравомыслящий человек сможет найти способ сообщить своим родственникам хоть какие-либо данные о себе и о своем месте пребывания. Другое дело, когда человек скрывается и пытается избежать уголовного преследования, а заинтересованные лица обращаются в суд с заявлением об объявлении его безвестно отсутствующим. В таком случае суд, рассмотрев заявление, установив возможную причину отсутствия, откажет в объявлении гражданина умершим. Для объявления гражданина безвестно отсутствующим, согласно ст. 38 ГК Беларуси необходим срок – 1 год, а умершим, по общему правилу – 3 года. В РФ согласно ст. 42 ГК гражданин может быть по заявлению заинтересованных лиц признан судом безвестно отсутствующим, в течение года, а в соответствии со ст. 45 гражданин может быть объявлен умершим, по общему правилу – в течение пяти лет. При современных средствах коммуникации любой гражданин, находящийся в живых, при желании найдет возможность сообщить близким о месте своего

пребывания. Пять лет, особенно с учетом средней продолжительности жизни в России, – слишком длительный отрезок времени, и его соблюдение создает на практике ряд сложных проблем как для членов семьи безвестно отсутствующего гражданина, так и для других лиц, связанных с ним различными гражданскими обязательствами, поэтому, на наш взгляд, этот срок, по аналогии со сроком исковой давности, следует определить в три года. Именно по этому пути и пошел законодатель Республики Беларусь.

На основании официальных данных число рассматриваемых дел этой категории растет с каждым годом, однако и практических проблем, возникающих у судов, остается немало. Согласно статистическим данным, судами в порядке особого производства довольно часто рассматриваются дела, возбужденные по заявлению заинтересованных лиц о признании гражданина безвестно отсутствующим либо об объявлении гражданина умершим. Число подобных дел составляет в среднем около 40–47% от общего числа рассматриваемых судом дел подобного рода [4, с. 11]. Основанием для подачи заявления служат проблемы, возникающие по вопросам имущественных и личных неимущественных прав гражданина.

Одной из проблем применения законодательства об объявлении гражданина умершим является отсутствие необходимого взаимодействия судебных органов с органами внутренних дел по вопросу розыска гражданина, признанного безвестно отсутствующим.

Данная проблема существует и в сопредельных странах. О.Я. Пимашков по этому поводу пишет, что в ряде стран, таких, например, как Россия, Украина, законодательством закреплено, что судьи обязаны при рассмотрении гражданского дела о признании гражданина безвестно отсутствующим либо объявлении гражданина умершим вовремя уведомлять органы внутренних дел о его розыске [4, с. 12]. Так, в ст. 278 ГПК РФ указывается, что судья при подготовке дела к судебному разбирательству обязан при выяснении обстоятельств исчезновения лица запросить о нем информацию в органах внутренних дел. В ст. 248 ГПК Украины также указано, что суд запрашивает соответствующие организации по последнему месту жительства отсутствующего и по последнему месту работы о наличии информации относительно физического лица, местопребывание которого неизвестно [3, с. 29–30].

Также стоило бы обратить внимание правоприменителей на необходимость более тщательного сбора сведений о лицах, признаваемых безвестно отсутствующими или умершими, во избежание судебных ошибок. С этой целью целесообразно довести до граждан информацию о требованиях, предъявляемых законом, к делам и заявлениям данной категории, разместив ее на информационных стендах, а также в средствах массовой информации.

Еще одной проблемой данного института, является вопрос отмены решения об объявлении гражданина умершим и последующей отмены выпла-

ты пенсии по случаю потери кормильца. Так, в ходе проведенного прокуратурой Могилевской области обобщения судебной практики за последние 10 лет было установлено, что на основании 11 судебных постановлений иждивенцам граждан, объявленных умершими, управлениями социальной защиты были назначены пенсии по случаю потери кормильца на общую сумму 38125,4540 рублей. В результате несвоевременной отмены 8 судебных решений об объявлении гражданина умершим, которые были установлены мерами розыска ОВД в период с 2007 по 2015 г., и несвоевременного прекращения управлениями социальной защиты выплат пенсий их иждивенцам, сумма незаконных выплат составила 20446,4659 рублей [2, с. 222]. Возникает проблема возврата незаконно выплаченных денежных средств.

Необходимо также отметить и достаточно спорные последствия явки лица, ранее ошибочно объявленного умершим, в имущественной сфере. В частности, нужно затронуть виндикацию своего имущества таким лицом, которая может нарушить права его добросовестного владельца. Однако в законодательстве не предусмотрены сроки для предъявления иска о возврате такого имущества в натуре. Предлагается, что эти сроки вполне могут быть сопоставимы со сроками приобретательской давности: в случае явки гражданина по истечении 15 лет с момента объявления его умершим, недвижимое имущество, перешедшее к другим лицам по возмездным или безвозмездным сделкам, в том числе в порядке наследования, не подлежит возврату. Для движимого имущества должен быть установлен пятилетний срок [1, с. 46].

Следовательно, можно сделать вывод, что имеются факты безосновательной выплаты денежных средств государством только оттого, что правоохранительные органы ненадлежаще проявляют инициативу по отысканию должников и впоследствии после возвращения гражданина и отмены решения об объявлении гражданина умершим, оповещения органов социальной защиты об отмене выплаты пенсии. Было бы разумно и целесообразно обременить суд еще одной обязанностью, а именно извещением органов внутренних дел в целях наиболее качественного осуществления поиска гражданина путем проведения ОВД розыскных мероприятий, а также когда человек найден, своевременного оповещения органов соцзащиты о прекращении выплаты пенсии по случаю потери кормильца. Внесение изменений и дополнений в нормативно-правовые акты оказало бы положительное влияние на результативность и эффективность работы правоприменительных органов.

Список источников

1. Кулицкая, Л. И. О целесообразности применения норм о приобретательской давности к институту объявления гражданина умершим // Юрист-Правовед. – 2009. – № 3. – С. 46.

2. **Михайлова, И. А.** Практические проблемы признания гражданина безвестно отсутствующим или объявления его умершим / И. А. Михайлова // Наследственное право. – 2006. – № 2. – С. 29–32.
3. **Пимашков, О. Я.** Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление умершим: проблемы розыска и судебной практики / О. Я. Пимашков // Законность и правопорядок. – 2015. – № 2. – С. 8–12.

УДК 343.9

ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ХУЛИГАНСТВЕ

Пискун Алеся Леонидовна,

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина
(г. Брест, Беларусь)

В данной статье будут рассмотрены основные тактические приемы допроса подозреваемых по уголовным делам о хулиганстве, которые могут помочь как в практической деятельности следователей, так и в теоретической деятельности студентов при изучении схожих тем в учебном процессе.

Допрос – это одно из основных следственных действий, благодаря которому проводится сбор информации при расследовании уголовного дела. В методике расследования уголовных дел по факту хулиганства особое внимание уделяется вопросу тактики допросов. Значительный вклад в изучение данного вопроса внесли работы следующих ученых: Р.С. Белкина, В.С. Кузьмичева, Е.Д. Лукьянчикова, Н.И. Порубова и др.

Следует отметить, что существует ряд тактических аспектов проведения допроса подозреваемых по делам о хулиганстве, нуждающихся в научном исследовании. Перед тем как начать допрос подозреваемого необходимо выбрать тактический прием допроса. От правильно выбранного приема зависит ход и результат как допроса. Следует отметить, что подозреваемые, особенно те, которые ранее были судимы, очень внимательно следят за каждым действием, выражением следователя, стараются получить как можно больше информации и подробностей о доказательствах их вины. Периодически такие подозреваемые во время допроса пытаются спровоцировать следователя, пытаются сбить следователя с допроса, заставить закончить допрос. Подозреваемые делают это для того, чтобы у них было время подготовиться к следующему допросу. В таких случаях они уже знают эмоциональное и психическое состояние следователя и легко могут контролировать ход их допроса. Если следователь видит, что подозреваемый начинает его провоцировать, допрос не следует

прекращать. Следует изменить тактику допроса или приостановить допрос и перейти к нейтральной теме, это делается для того, чтобы сбросить напряжение и начать контролировать допрос.

Если подозреваемый не знает всех обстоятельств дела, ему не известны доказательства его вины в совершении преступления, чтобы избежать ответственности он прибегает к различным уловкам: искажает действительные факты, которые уже были проверены, оговаривает других лиц, дает ложные показания, пытается выстроить версии происходящего, указывает, что он ничего не помнит. Все факты должны быть проверены. В основном все показания проверяются путем сопоставления с материалами уголовного дела и проанализированы следователем. И уже после анализа показаний необходимо определить для себя и выбрать тот тактический прием, который подходит именно к определенному подозреваемому. Если говорить о подозреваемых по делам о хулиганстве, то чаще всего подозреваемые ссылаются на то, что они были в состоянии алкогольного опьянения и не помнят происходившего, или указывают на то, что потерпевший спровоцировал их. В таких случаях следователю не следует вестись на поводу у подозреваемых и думать о том, что у него большой опыт работы, и он обойдется без подбора подходящего приема допроса «хулигана».

Рассмотрим те тактические приемы допроса подозреваемых, которые подходят при расследовании уголовных дел о хулиганстве.

Прием детализации показаний лиц, предъявления доказательств по уголовному делу используется для преодоления противодействия со стороны допрашиваемых лиц. При расследовании уголовных дел о хулиганстве при первом допросе подозреваемого к таким приемам относятся: доведение до подозреваемого отдельных фрагментов изобличающих показаний потерпевших и свидетелей, предъявление одежды потерпевшего со следами биологического происхождения и др. Также к данному тактическому приему можно отнести создание у подозреваемого впечатления преувеличенной осведомленности следователя о совершении им хулиганских действий. Донный прием нередко является залогом правдивых показаний подозреваемых [2, с. 345].

При проведении первого допроса в качестве подозреваемого он не всегда понимает значение сообщаемых им сведений, поэтому нередко именно во время первого допроса удается получить правдивые показания. Следует помнить, что до проведения первого допроса подозреваемого необходимо иметь как можно больше информации о совершенном им преступлении.

Некоторые авторы называют использование «лобовых» вопросов эффективным тактическим приемом, направленным на уличение допрашиваемого во лжи. К данной группе приемов следует отнести и «умалчивание» об отдельных достоверно известных фактах и обстоятельствах, проявление интереса к

второстепенным моментам, не касающимся напрямую расследуемого хулиганства. То есть необходимо сделать вид, как будто следователю неизвестно многое по делу [3, с. 586].

Наиболее часто применяемым тактическим приемом является оглашение смягчающих и отягчающих вину обстоятельств, а также приведение примеров из судебной практики рассмотрения аналогичных дел. Данный тактический прием используется для оказания воздействия на допрашиваемого в целях его психологической подготовки к допросу.

Особое место при допросе отводится формированию его предмета и вопросов, которые необходимо выяснять при проведении допросов. В случае, если у следователя имеется недостаток доказательственной базы в отношении подозреваемого, необходимо использовать метод косвенных вопросов, которые напрямую не связаны с расследуемым событием. Таким образом, возможно получение необходимой информации через призму косвенных вопросов.

Особое же место среди возможных тактических приемов ведения допроса по делам о хулиганстве, по нашему мнению, следует отвести предоставлению подозреваемому возможности схематически изобразить место совершения преступления с обозначением расположения его участников и потерпевших, направления их передвижения [1, с. 60].

Использование этого метода позволяет детализировать показания подозреваемого, сопоставить их с результатами других процессуальных действий, а также выявить роль каждого из них и устранить имеющиеся противоречия.

Допрос подозреваемого имеет большое значение на первоначальном этапе расследования хулиганства. Так как при проведении первого допроса подозреваемого следует полно, с отражением всех вопросов допросить лицо, при этом постараться не упустить важные вопросы. Допрос – это одно из наиболее информативных следственных действий. С помощью данного следственного действия определяются направления и ход дальнейшего расследования. Для успешного проведения допроса необходимо применять соответствующие ситуации и тактические приемы. По этой причине необходимо готовиться перед проведением данного следственного действия, так как от правильно выбранной тактики допроса зависит правильность и достоверность проведения допроса потерпевших.

Список источников

1. **Кузнецов, А. А.** Особенности расследования группового хулиганства : учеб. пособие / А. А. Кузнецов. – Омск : Юрид. ин-т МВД России, 1998. – 72 с.
2. Криминалистика : учеб. / И. А. Анищенко [и др.] ; под ред. Г. Н. Мухина. – Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2006. – 863 с.
3. Криминалистика : учебник для вузов / Р. С. Белкин [и др.] ; под общ. ред. Р. С. Белкина. – Москва : Изд-во Норма, 2004. – 992 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ОСНОВНОГО И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБЪЕКТА СЛУЖЕБНОЙ ХАЛАТНОСТИ

Рыжанков Арнольд Юрьевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена сущностному анализу основного и дополнительного объекта служебной халатности, а также соотношения этих объектов с общественными отношениями, которым причиняется вред при ненадлежащем исполнении или неисполнении служебных обязанностей. Автором обосновывается вывод о смещении законодателем в действующей редакции уголовного закона акцента с охраны интересов службы на защиту жизни и здоровья граждан, государственного имущества от посягательства, при совершении должностным лицом служебной халатности.

Служебная халатность (ст. 428 УК Республики Беларусь) выступает специфическим преступлением против интересов службы, которое существенно отличается как по форме, так и по содержанию от иных должностных преступлений. Одной из существенных особенностей служебной халатности выступает сложный объект состава преступления.

Служебная халатность, как и любое общественно-опасное деяние, посягает на определенную правовую сущность, защита которой и является целью уголовно-правовой деятельности государства. Этой правовой сущностью выступает объект преступления, которым являются общественные отношения, в том числе социальные блага и интересы, которым причиняется или может быть причинен существенный вред в результате его совершения.

В современной теории уголовного права принято классифицировать объекты преступления по двум основаниям: по степени охвата общественных отношений, которые подлежат защите; по направленности причинения вреда. Согласно первой классификации объект преступления делится на: общий, родовый, видовой и непосредственный.

Общий объект един для всех преступлений и закреплен в ст. 2 УК Республики Беларусь. Он включает в себя исходные, лежащие в основе общества, отношения, которые охраняются уголовным законом.

Родовым объектом всех преступлений, предусмотренных разделом 13 УК Республики Беларусь, в том числе и служебной халатностью, являются отношения в области охраны государства и порядка осуществления власти и управления [1, с. 20].

Видовым объектом служебной халатности являются интересы службы, под которыми понимаются общественные отношения, обеспечивающие соответствие служебной деятельности требованиям законности или объективной необходимости при принятии решения в рамках полномочий, возложенных на должностное лицо [2, п. 11].

Непосредственным объектом служебной халатности является особая форма пассивно-активного поведения должностного лица по службе, которое характеризуется неисполнением или ненадлежащим исполнением служебных обязанностей [3, с. 977].

По мнению автора, интересы службы следует понимать несколько шире, а именно включать в это понятие: авторитет государственной службы, уважение к занимаемой должности, общественную стабильность в сфере осуществления властных полномочий. Только убежденность людей в законности и разумности властных действий должностных лиц обеспечивает общественную стабильность, а также взаимодействие между государством и гражданским обществом. Потому любые халатные или злонамеренные действия должностных лиц ставят под угрозу не только существующие отношения, одним из субъектов которых выступает халатное должностное лицо, но и авторитет государственной системы в целом.

Второй классификацией объектов преступления выступает их разделение, в зависимости от направленности общественно-опасных действий, на основной и дополнительный объект преступления.

Основным объектом признается тот, который законодатель указывает как первоочередной по отношению к причиняемому вреду. В случае служебной халатности, как преступления против интересов службы, основным объектом законодатель выделяет интересы службы, которым в первую очередь причиняется вред преступлением.

Дополнительным объектом преступления выступает «то общественное отношение, которое также ставится в опасность причинения вреда при посягательстве на основной объект, но охраняется другой уголовно-правовой нормой и может квалифицироваться самостоятельно» [4, с. 74]. В качестве дополнительного объекта в служебной халатности может выступать жизнь человека, его здоровье (вред которому приравнивается к иным тяжким последствиям должностных преступлений), а также имущество государства, в зависимости от наступивших общественно-опасных последствий.

В действующей редакции такая трактовка объекта служебной халатности представляется противоречивой. Выделяя основным объектом преступления интересы службы, законодатель не предусматривает возможности, когда вред бы причинялся лишь основному объекту. Вред в служебной халатности всегда причиняется как интересам службы, так и государственному имуществу, или жизни человека, а иначе не влечет уголовной ответственности для лица.

Для сравнения, основным и дополнительным объектом такого преступления, как нарушения правил охраны труда (ст. 306 УК Республики Беларусь) выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, как основной объект преступления, жизни и здоровья человека, как дополнительный объект. С объективной стороны оба вышеуказанных преступления весьма схожи и представляют собой нарушение должностных обязанностей лицом, в результате которых по неосторожности причиняется вред жизни и здоровью человека. В обоих случаях привлечение к уголовной ответственности невозможно без наступления общественно опасных последствий.

Так почему же законодатель выделил эти два преступления в отдельные составы, вместе с нарушениями правил пожарной безопасности, нарушениями правил безопасности горных или строительных работ? Ответ, по мнению автора, находится в содержании предыдущей редакции служебной халатности, которая предусматривала такое общественно опасное последствие служебной халатности, как причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам.

Именно причинение вреда личным или общественным интересам выступает тем нарушением интересов службы, которым непосредственно причиняет вред репутации государственных органов и частных организаций. Потому возвращение в действующую редакцию существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам позволит справедливо говорить о том, что интересы службы действительно выступают основным объектом преступления в служебной халатности.

Список источников

1. **Лосев, В. В.** Преступления против интересов службы: юридический анализ и правила квалификации / В. В. Лосев. – Минск : Амалфея, 2010. – 176 с.
2. О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда Республики Беларусь № 12 от 16 декабря 2004 г., в ред. от 2 июня 2011 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. – Минск : ГУ-ИСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
4. **Минакова, И. Г.** Халатность: уголовно-правовые и криминологические аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.01.08 / И. Г. Минакова. – Ростов-на-Дону, 2008. – 205 л.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

**Манько Диана Александровна, Трамбачева Татьяна Дмитриевна,
ЧУО «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь)**

В данной статье авторы проанализировали законодательство, регулирующее особый объект гражданских правоотношений – лекарственные средства – и пришли к выводу, о том, что данный объект имеет признак ограниченно оборотоспособных вещей, так же выделили ряд лекарственных средств, наделенных универсальными свойствами, которые делают их предметом регулирования гражданского законодательства и выяснили, что определяет особенности их обращения.

Сегодня весьма актуальным для юридической науки является вопрос рассмотрения лекарственных средств в качестве объектов гражданских правоотношений. Специфика обращения лекарственных средств уже давно исследуется на стыке различных отраслей права. В июле 2006 года вступил в силу Закон Республики Беларусь «О лекарственных средствах» № 161-З. В рамках подготовки ныне действующего нормативного акта активно велись научные дискуссии, основная их часть сводилась к правомерности применения понятий «оборот» и «обращение» в названии закона. Для гражданских правоотношений более широким является понятие «оборот», поскольку применительно к лекарственным средствам данное понятие включает в себя и отношения, предшествующие появлению лекарственных средств на фармацевтическом рынке в качестве товара [2]. В то время как под оборотом лекарственных средств целесообразно понимать деятельность, которая представляет собой переход субъективных имущественных прав от одних участников правоотношений к другим, выраженную, прежде всего, в отношениях, связанных с переходом права собственности на них. Согласно вышеуказанной статье, под лекарственным средством понимается – вещество или комбинация нескольких веществ природного, синтетического или биотехнологического происхождения, обладающие фармакологической активностью и в определенной лекарственной форме применяемые для медицинской профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации пациентов, предотвращения беременности путем внутреннего или внешнего применения [1].

В настоящее время активно ведутся различные дискуссии на предмет того, следует ли относить лекарственные средства к источникам повышенной опасности. В этих случаях предлагается учитывать два признака: наличие

вредоносных свойств; невозможность полного контроля за ними со стороны человека [3].

Традиционно в лекарственном средстве определенным образом должны сочетаться такие свойства, как эффективность и безопасность. К сожалению, крайне мало лекарств, которые в современных условиях отвечали бы одновременно и критериям эффективности, и критериям высокой безопасности. Поэтому применительно к лекарственным средствам специалистами прямо указывается на необходимость специального технического регламента [1].

Анализируя специальную литературу в области технологии лекарственных средств, а также действующее патентное законодательство, следует сделать вывод, что лекарственные средства являются объектом права интеллектуальной или промышленной собственности. Торговое название лекарственного средства – название, под которым препарат поступает в гражданский оборот и которое служит существенным элементом системы обеспечения качества и безопасности этого оборота. Оно должно идентифицировать товар (лекарственное средство) и опосредованно – его производителя. Свободное обращение объектов гражданских прав является общим правилом. Ограничение оборотоспособности объектов гражданских прав или тем более полное их изъятие из оборота является исключением из этого правила. Определение лекарственных средств, закрепленное в ст. 1 Республики Беларусь «О лекарственных средствах», акцентирует внимание на целевом назначении данных объектов – профилактике, диагностике, лечении заболеваний человека, реабилитации, а также сохранении, предотвращении или прерывании беременности [2]. В Законе «О лекарственных средствах» кроме общего перечня лекарственных средств и препаратов, содержится положение о том, что действие данного закона распространяется и на обращение «наркотических лекарственных средств и психотропных лекарственных средств с учетом особенностей, установленных законодательством Республики Беларусь о наркотических средствах, психотропных веществах и об их прекурсорах, а также на обращение радиофармацевтических лекарственных средств с учетом особенностей, установленных законодательством Республики Беларусь в области обеспечения радиационной безопасности. Таким образом, законодатель дублирует в статье, раскрывающей основные понятия, определение наркотических лекарственных средств и психотропных веществ. Следует сказать, что именно эта категория лекарственных препаратов является ограниченно оборотоспособной, то есть лекарственные средства, входящие в данную категорию препаратов, являются ограниченными в гражданском обороте. Для теории гражданского права и практики все большее значение приобретает деление лекарственных средств на рецептурные и безрецептурные, или отпускаемые по рецепту и без рецепта врача. Такое деление предусматривается законодателем в ст. 5 Закона «О лекарственных средствах», где указано, что лекарственные средства, от-

пускаемые по рецепту врача, подлежат продаже только через аптеки, аптечные пункты. Лекарственные средства, отпускаемые без рецепта врача, могут продаваться также в аптечных магазинах и аптечных киосках.

Таким образом, из вышеизложенного следует сделать следующие выводы: лекарственные средства, кроме особых характеристик, позволяющих выделить их в отдельный объект гражданских правоотношений, наделены и рядом универсальных свойств, которые делают их предметом регулирования гражданского законодательства. Прежде всего, лекарственные средства – это движимые, потребляемые вещи, наделенные родовыми признаками. Именно совокупность общих и отдельных свойств обуславливает особенности их обращения, порядок регулирования которого устанавливается рядом законодательных актов.

Список источников

1. **Душкина, М. Н.** Некоторые проблемы правового регулирования лекарственных средств как объекта гражданских правоотношений [Электронный ресурс] / М. Н. Душкина // Бизнес в законе. Экономико-политический журнал. – 2012. – № 4. – С. 29–31 // Киберленинка.– Режим доступа: file:///C:/Users/admin/Downloads/nekotorye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-lekarstvennyh-sredstv-kak-obekta-grazhdanskih-pravootnosheniy. – Дата доступа: 16.05.2017.
2. «О лекарственных средствах»: Закон Республики Беларусь 20 июля 2006 года №161-З Консультант Плюс: Беларусь. [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Дата доступа: 16.05.2017
3. **Крючкова, П. В.** Реформа технического регулирования / П. В. Крючкова, С. С. Завидова, Р. У. Хабриев // Право и экономика. – 2003. – № 7. – С. 20–28.

УДК 347.6

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ

Ховратова Светлана Николаевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Брак представляет собой свободный, равноправный и бессрочный союз женщины и мужчины, заключенный с соблюдением порядка и условий, установленных законом, образующий семью и создающий обоюдные субъективные, материальные права и круг обязанностей между супругами.

В соответствии с законом, брак – это добровольный союз мужчины и женщины, который заключается на основе условий, предусмотренных статьей 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС), нацеленный на создание новой ячейки общества и образующий взаимные условия мирного сосуществования в качестве супружеской пары [7, с. 313]. Регистрация брака порождает возникновение личных неимущественных и имущественных отношений. КоБС сравнительно больше внимания уделяет имущественным правам и обязанностям супругов, чем личным неимущественным. Дело в том, что имущественные отношения занимают лидирующую позицию в жизни супругов, так как семья не может существовать без расходования определенных средств и на них легче воздействовать с помощью закона. Кроме этого, в определенности имущественных отношений заинтересованы не только сами супруги, но и их наследники или кредиторы. В.И. Пенкрат указывает, что лишь некоторая часть имущественных отношений лежит за пределами правового регулирования – это соглашения супругов, заключаемые в повседневной жизни о том, кто платит за квартиру, платит за продукты и др. [6, с. 54].

Согласно статьи 23 КоБС имущество, нажитое супругами в период брака, независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью. Супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом, если иное не предусмотрено Брачным договором [2]. Данная статья не определяет примерного перечня того, что относим к понятию «общее имущество супругов». Законодатель только в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22.06.2000 г. № 5 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее – постановление № 5) закрепляет, что общей совместной собственностью супругов, подлежащей разделу, является любое нажитое ими в период брака движимое и недвижимое имущество, которое в силу ст.ст. 214, 219, 220, 221 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) может быть объектом права собственности граждан независимо от того, на кого из супругов оно было приобретено или на кого внесены денежные средства, если Брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества [4, п. 20]. КоБС предусматривает два режима имущества супругов:

- законный (супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения и его раздел осуществляется на основании ст. 23–28 КоБС);
- договорной (имущественные права и обязанности супругов в период брака и на случай его расторжения определяются соглашением сторон на основании ст. 13 КоБС) [2].

Договорной режим имущества супругов законодатель закрепил в 1999 г. Как отмечает С.М. Ананич в научно-практическом комментарии к статье 13 КоБС, Брачный договор – это соглашение супругов или лиц, вступающих в

брак, определяющее имущественные и (или) личные неимущественные права и обязанности супругов в период брака и (или) в случае его расторжения [3, с. 59].

Институт Брачного договора дал возможность супругам в Республике Беларусь самим устанавливать правовой режим владения, пользования и распоряжения общим имуществом. Если рассматривать нотариальную практику, то супруги не спешили заключать Брачный договор после официального заключения брака. В целях обеспечения более эффективного правового регулирования данного института были внесены 7 января 2012 г. изменения и дополнения в КоБС. Обратимся к анализу части 1 статьи 13, где обозначено, что Брачный договор заключается в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения лица, вступающие в брак, и супруги в любое время. Таким образом, следует согласиться с утверждением, что субъектами Брачного договора являются: супруги и лица, желающие вступить в брак. Поэтому согласно части 5 статьи 13-1 КоБС Брачный договор, заключенный между лицами, не состоящими в браке, вступает в силу со дня регистрации заключения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния, а следовательно если лица, заключившие Брачный договор, не вступят в брак, то Брачный договор также не вступит в силу и не будет порождать для сторон взаимные права и обязанности [2].

В то же время из толкования содержания части 8 статьи 13-1 КоБС разрешено несовершеннолетним лицам, вступающим в брак, заключать Брачный договор с согласия своих родителей, попечителей, за исключением случаев приобретения несовершеннолетними дееспособности в полном объеме [2]. Брачный договор нельзя заключать по доверенности, так как семейные отношения носят личный характер и их нельзя передать другому человеку.

Также в законодательстве определен порядок регистрации Брачного договора главой 10 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63 (далее – Инструкция о порядке совершения нотариальных действий) и составляется письменно в трех экземплярах, один из которых остается в делах нотариуса, два других выдаются сторонам договора. Нотариус обязан указывать в Брачном договоре, что заключается он между супругами либо между лицами, вступающими в брак, так как имеет значение вступление договора в силу (для одних – со дня нотариального удостоверения, а для других – со дня регистрации заключения брака органами, регистрирующими акты гражданского состояния). Кроме этого, несоблюдение нотариальной формы Брачного договора в соответствии со статьей 166 ГК влечет его недействительность [1]. Односторонний отказ от исполнения Брачного договора не допускается.

Заключение Брачного договора, согласно постановлению № 5, не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав, также не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства [4, п. 11]. В то же время из буквального толкования содержания части 2 статьи 13 КоБС, определяющей, что брачный договор не должен нарушать права и законные интересы других лиц [2]. Например, Брачный договор не может содержать условий, ограничивающих свободу супругов в выборе профессии или уменьшающих установленный законом размер алиментов на несовершеннолетних детей.

Обратимся к анализу статьи 13 КоБС. Законодатель в п. 6 предоставляет право лицам по соглашению сторон вносить изменения либо расторгать Брачный договор. Обязательным условием при этом является то, что указанным договором установлены права и обязанности бывших супругов после прекращения их брака. В соответствии с п. 7 Брачный договор прекращается с момента прекращения брака, но если предусматривает права и обязанности бывших супругов после прекращения брака, тогда действует до их исполнения.

На основании изложенного можно сделать вывод, что Брачный договор призван урегулировать имущественные, личные неимущественные отношения между супругами, а также права и обязанности супругов в отношении их детей. Главная особенность брачного договора – это недопустимость ухудшения положения супругов или других лиц в части прав и гарантий, предусмотренных законодательством о браке и семье.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр., Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. закона Респ. Беларусь от 24 октября 2016 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С. М. Ананич [и др.] ; под ред. В. Г. Тихини, В. Г. Голованова, С. М. Ананич. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.
4. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 22 июня 2000 г., № 5 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 30.03.2017 г. // Консультант Плюс. Беларусь /

ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий [Электронный ресурс] : постановление Министерства юстиции Респ. Беларусь, 23 окт. 2006 г., № 63 : в ред. постановления Министерства юстиции Респ. Беларусь от 07.04.2017 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. **Пенкрат, В. И.** Семейное право Беларуси : учеб. пособие / В. И. Пенкрат ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. и пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 235 с.
7. **Ховратова, С. Н.** Правовое положение супругов в браке в Республики Беларусь / С. Н. Ховратова // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2016 г. : материалы научно-методической конференции, 25 января – 1 февраля 2017 г. / под ред. Е. К. Сычовой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. – С. 313–315.

УДК 347.63

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ БРАКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ

Воробьева Юлия Николаевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной работе проводится исследование правовых последствий расторжения брака в Республике Беларусь и странах континентальной правовой семьи, в результате которого было выявлено несколько аспектов для усовершенствования белорусского семейного права.

В юридической литературе под прекращением брака понимается прекращение правоотношений между супругами, вытекающих из законно заключенного брака, вызванное наступлением определенных юридических фактов [1, с. 256]. В статье 34 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье определен исчерпывающий перечень оснований прекращения брака. Юридическими фактами, с которыми связывается прекращение брака, могут быть как действия, так и события, а именно: смерть одного из супругов, объявление в судебном порядке одного из супругов умершим и расторжение брака. В белорусском семейном законодательстве, как и в законодательстве других стран (например, Венгрии и Польши), учитывая многообразие жизненных ситуаций, не дается перечень

причин, приводящих к распаду семьи. Само основание расторжения брака носит весьма общий характер, что, с одной стороны, создает определенные трудности у правоприменителя, так как непонятно, что конкретно понимать под невозможностью дальнейшей совместной жизни супругов и сохранением семьи, как это обосновывать и по каким критериям оценивать, а с другой – позволяет ему подвести значительный круг обстоятельств под вышеуказанное основание для расторжения брака. Исходя из вышесказанного, белорусское семейное право полностью исключило вину супруга из бракоразводного процесса.

Однако, полагаем, что представляется необходимым ввести в белорусское право, известный некоторым зарубежным правовым порядкам (Великобритания, Германия, США и др.) принцип виновного поведения супруга (например, злоупотребление алкогольными напитками и наркотическими средствами, занятие азартными играми и др.), делающего невозможными дальнейшую совместную жизнь супругов и сохранение семьи, из которого следует исходить при определении причин расторжения брака. Установление данного принципа бракоразводного законодательства позволит добросовестному супругу требовать определенной компенсации при расторжении брака [3, с. 270].

Так же, прекращение брака влечет множество правовых последствий как личного, так и имущественного характера для всех членов семьи. В соответствии со ст. 74 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье при наличии спора между родителями по вопросам воспитания и содержания детей и отсутствии заключенных в соответствии с требованиями закона соглашений о детях или брачного договора, где указанные вопросы были бы разрешены по взаимному согласию супругов, соответствующие требования сторон могут быть разрешены судом. Также, супруги при расторжении брака вправе заключить соглашение об уплате алиментов, самостоятельно предусмотрев в нем обязанности по содержанию несовершеннолетних или нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, а также порядок и форму предоставления содержания детям.

При этом следует отметить, что законодатели некоторых стран не учитывают имущественное положение ответчика при разрешении вопроса о взыскании алиментов. Так, по законодательству Испании возможно взыскание с ответчика алиментов в тех случаях, когда ответчик является безработным или же невозможно определить реальный размер его доходов. Право на получение алиментов имеет также один из супругов от другого супруга. В Венгрии после расторжения брака право на алименты имеет супруг, который нуждается в них, поскольку не может сам покрыть расходы по ведению домашнего хозяйства, а также по содержанию иждивенцев. Немаловажной проблемой является раздел совместной собственности супругов после расторжения брака.

В соответствии со ст. 23 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье и все имущество, нажитое супругами в период брака (за исключением имуще-

ства, которое принадлежало супругам до брака, и имущества, полученного в дар или в порядке наследования, а также имущества, возникшего на основе этого имущества; имущества индивидуального пользования), независимо от того, на кого из супругов оно приобретено либо на кого или кем из супругов внесены денежные средства, является их общей совместной собственностью. Супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом. Законодатель Германии придерживается аналогичной точки зрения, однако при этом каждый из супругов вправе потребовать от другого подробный перечень имущества, которое должно быть разделено. В Германии так же каждый из супругов сохраняет право собственности на то имущество, которым он владел до вступления в брак, и предметом раздела при разводе служит лишь то имущество, которое накоплено супругами во время брака. При этом каждый из супругов вправе потребовать от другого подробный перечень имущества, который должен быть разделен.

В законодательстве большинства стран континентальной правовой семьи предусмотрен законный и договорный режимы имущества супругов. Законный режим имеет два вида: общности (Франция, Швейцария, Польша, Чехия и др.) и раздельности (Германия). При режиме общности супруги имеют совместное право собственности на имущество, приобретенное в браке, на доходы от него, а также от профессиональной деятельности. При этом каждый супруг в собственности имеет личное имущество, принадлежавшее ему до вступления в брак, полученное по наследству или в дар. При режиме раздельности каждому супругу принадлежит не только собственное имущество, принадлежавшее ему до брака, но и приобретенное им в браке на свои деньги.

В Европейских странах предусмотрен такой процесс разрешения споров между супругами как «бракоразводное посредничество» (медиация), которое представляет собой процесс разрешения спора с участием третьих лиц. Беспристрастные и независимые профессионалы помогают проанализировать причины развода и найти наиболее благоприятное решение возникших в этой связи проблем. В этой связи целесообразно использовать Европейский опыт функционирования службы медиации, обязательной составляющей бракоразводного процесса, и ввести в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье институт примирительной процедуры с участием профессионально подготовленных посредников, возложив такие обязанности на государственные семейные консультации, оказывающие данные услуги на безвозмездной основе.

Таким образом, для смягчения последствий расторжения брака в национальном законодательстве необходимо реализовать идею семейной медиации, преследующей цель сохранить человеческие отношения после развода, а также разрешить спор на взаимовыгодных условиях. Нам также представляется необходимым ввести в белорусское право принцип виновного поведения супруга, на который можно ссылаться для начала бракоразводного процесса.

В целом внедрение данных предложений будет способствовать улучшению функционирования отношений, складывающихся при юридическом оформлении фактического распада семьи.

Список источников

1. Советское семейное право : учебник / А. М. Белякова [и др.] ; под общ. ред. В. А. Рясенцева. – М. : Юрид. лит., 1982. – 256 с. – Режим доступа: <http://copyright.iatp.by/abc/index.html>.
2. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье, 9 июля 1999 г., № 439-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.637

ОСНОВАНИЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Кириллова Елена Юрьевна,

Институт правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

В настоящей работе проводится исследование оснований лишения родительских прав в государствах-членах Европейского союза, в результате которого выявляется их специфика в сравнении с законодательством Республики Беларусь.

В государствах-членах Европейского союза (далее – ЕС) наиболее суровой мерой семейно-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение родительских обязанностей является лишение родительских прав, которое осуществляется в судебном порядке. При этом инициаторами иска о лишении родительских прав в Республике Болгария могут выступать один из родителей, прокурор или дирекция «Социальная поддержка» (ст. 133 Семейного кодекса Республики Болгария) [8]. Согласно ст. 378¹ Гражданского кодекса Французской Республики (Кодекс Наполеона) (далее – ГК Франции) иск о лишении родительских прав может предъявляться органами прокуратуры, членом семьи или опекуном ребенка [2]. В соответствии со ст. 134 Закона о семье Эстонской Республики иск о лишении родительских прав может быть подан чиновником государственного или муниципального учреждения, полицейским чиновником, работником здравоохранения, судьей, прокурором, нотариусом, судебным исполнителем, учителем или иным лицом, которое имеет данные о ребенке, находящемся в опасности [5]. Итак, в государствах-членах

ЕС иск о лишении родительских прав может предъявляться достаточно широким кругом субъектов, начиная от одного из родителей и вплоть до лица, которое обладает данными о ребенке, находящемся в опасности.

Основания лишения родительских прав в государствах-членах ЕС обладают существенной спецификой в сравнении с законодательством Республики Беларусь.

Согласно § 1666 Гражданского уложения Федеративной Республики Германия лишение родительских прав возможно, если физическое, психическое, духовное здоровье ребенка или его имущество подвергаются опасности и родители не желают или не в состоянии устранить указанную опасность [4]. Таким образом, в немецком законодательстве используется обобщенная легальная формулировка в части определения оснований лишения родительских прав, тем самым оставляя обширное правовое пространство для применения судебного усмотрения. С одной стороны, такой подход позволяет максимально широко охватить и в перспективе пресечь все возможные случаи неисполнения или ненадлежащего исполнения родительских обязанностей, с другой стороны, он нередко приводит к вынесению ошибочных судебных решений в столь «хрупкой» сфере общественных отношений. Так, в жалобе № 46544/99 от 26 февраля 2002 г. «Kutzner против Федеративной Республики Германия» в Европейский Суд по правам человека заявители ссылались на то, что лишение их родительских прав в отношении дочерей нарушало их право на семейную жизнь, поскольку помещение последних в приемные семьи главным образом основывалось на том, что родители были интеллектуально не способны воспитывать своих детей. Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что допущено нарушение ст. 8 Европейской конвенции по правам человека: «несмотря на то, что причины, указанные немецкими властями и судами, были уместными, вместе с тем они не были достаточными, чтобы оправдать столь серьезное вмешательство в семейную жизнь заявителей» [6].

В соответствии со ст. 200 Гражданского закона Латвийской Республики (далее – ГЗ Латвии), если родители злоупотребляют родительской властью и жестоко обращаются с детьми, суд вправе лишить родительской власти виновного из родителей, оставив детей под властью другого родителя, а также назначить детям опекуна в случае, если власть, которой пользуется второй из родителей, недостаточно защищает детей от вредного влияния виновного родителя или виновными являются оба родителя [1]. Отметим, что белорусское законодательство содержит сходные основания лишения родительских прав: «родители или один из них могут быть лишены родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка, если будет установлено, что они злоупотребляют родительскими правами и (или) жестоко обращаются с ребенком» (абз. 3 ч. 1 ст. 80 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС)) [7]. Различия в обозначенных правовых нормах усматриваются,

во-первых, в терминологической базе: латвийское право оперирует понятием «родительская власть», белорусское право – «родительские права»; во-вторых, КоБС предъявляет более жесткие требования к надлежащему исполнению родительских обязанностей, поскольку их нарушением может быть признано как злоупотребление родительскими правами, так и жестокое обращение с ребенком (то есть данные действия фактически признаются самостоятельными основаниями лишения родительских прав), в то время как положения ГЗ Латвии предусматривают применение к нерадивым родителям крайней меры семейно-правовой ответственности только за совокупность вышеуказанных негативных действий.

Согласно ч. 1 § 871 Гражданского кодекса Чешской Республики (далее – ГК Чехии), если родитель злоупотребляет родительскими правами и обязанностями, пренебрегает ими или их выполнением, суд может лишить его родительских прав и обязанностей [3]. Полагаем, что данные основания коррелируют со следующими основаниями лишения родительских прав, закрепленными в законодательстве Республики Беларусь: «уклонение от воспитания и (или) содержания ребенка», «злоупотребление родительскими правами» (абзацы 2 и 3 ч. 1 ст. 80 КоБС) [7].

Однако ч. 2 § 871 ГК Чехии включает неизвестные белорусскому праву основания лишения родительских прав. В частности, если родитель совершит в отношении ребенка умышленное преступление, использует ребенка, который не подпадает под действие уголовной ответственности, для совершения преступления, если родитель в качестве сообщника, пособника, помощника или организатора примет участие в преступлении, совершенным его ребенком, суд может лишить его родительских прав и обязанностей [3]. Итак, данные основания сопоставимы с такими основаниями лишения родительских прав, предусмотренными в законодательстве Республики Беларусь, как «уклонение от воспитания ребенка», «злоупотребление родительскими правами и (или) жестокое обращение с ребенком» (абзацы 2 и 3 ч. 1 ст. 80 КоБС) [7]. Вместе с тем анализ объема содержания вышеуказанных объектов позволяет заметить, что основания лишения родительских прав, закрепленные в абзацах 2 и 3 ч. 1 ст. 80 КоБС, существенно шире оснований лишения родительских прав, отраженных в ч. 2 § 871 ГК Чехии, и последние являются частными случаями злоупотребления родительскими правами и (или) жестокого обращения с ребенком.

Статья 378 ГК Франции устанавливает, что специальным пунктом приговора суда могут быть полностью лишены родительских прав отец и мать, которые осуждены как исполнители, соисполнители или соучастники тяжкого или менее тяжкого преступления, совершенного в отношении личности их ребенка, или как соисполнители или соучастники тяжкого или менее тяжкого преступления, совершенного их ребенком, или как исполнители, соисполнители или соучастники тяжкого преступления, совершенного в отношении

личности другого родителя [2]. Заметим, что КоБС не содержит аналогичных либо сходных оснований лишения родительских прав, вместе с тем данное нормативное положение заслуживает отдельного внимания и тщательной проработки со стороны специалистов в области уголовного закона.

Таким образом, в ряде государств-членов ЕС основания лишения родительских прав сходны с основаниями, закрепленными в КоБС («уклонение от воспитания и (или) содержания ребенка», «злоупотребление родительскими правами и (или) жесткое обращение с ребенком») (абзацы 2 и 3 ч. 1 ст. 80 КоБС)). Вместе с тем они обладают существенной спецификой по сравнению с законодательством Республики Беларусь, например, различия усматриваются в терминологической базе (латвийское право оперирует понятием «родительская власть», белорусское право – «родительские права»). Кроме того, законодательство отдельных государств-членов ЕС включает неизвестные белорусскому законодателю основания лишения родительских прав, которые заслуживают отдельного внимания и тщательной проработки со стороны специалистов в области уголовного закона (ст. 378 ГК Франции, ч. 2 § 871 ГК Чехии).

Список источников

1. Гражданский закон Латвийской Республики [Электронный ресурс] / Право. – Режим доступа: <http://ipravo.info/latvia1/laws4/025-1.htm>. – Дата доступа: 01.09.2017.
2. Гражданский кодекс Французской Республики (Кодекс Наполеона) [Электронный ресурс] : Ордонанс, 21 мар. 1804 г. : в ред. Ордонанса от 01.09.2011 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
3. Гражданский кодекс Чешской Республики [Электронный ресурс] / Legal EL. – Режим доступа: http://juristpraha.cz/gu/89_2012_gus. – Дата доступа: 01.09.2017.
4. Гражданское уложение Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс] : Закон Федеративной Респ. Германия, 18 авг. 1896 г. : в ред. Закона Федеративной Респ. Германия от 31.03.2013 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.
5. Закон о семье Эстонской Республики [Электронный ресурс] / Riigi Teataja. – Режим доступа: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13240237>. – Дата доступа: 01.09.2017.
6. Информационно-тематический листок «Права родителей» [Электронный ресурс] / European Court of Human Rights. – Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/FS_Parental_RUS.pdf. – Дата доступа: 01.09.2017.
7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278–З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. Семейный кодекс Республики Болгария [Электронный ресурс] / О Болгарии по-русски // Режим доступа: <http://forum.aboutbulgaria.biz/viewtopic.php?p=590173>. – Дата доступа: 01.09.2017.

ИНСТИТУТ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Чечкова Светлана Петровна, Радовская Анастасия Владимировна,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Граждане Республики Беларусь вступают в различные общественные отношения во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни и имеют соответствующие права и обязанности.

Положения Конституции Республики Беларусь о возможности самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности соответствуют положению действующего гражданского законодательства о наступлении гражданской дееспособности. Дееспособный гражданин может самостоятельно заключать договоры, распоряжаться собственностью, выдавать доверенности, совершать иные юридические действия, что обеспечивает ему возможность принимать активное участие в общественной жизни. Однако возможны ситуации, когда гражданин в силу своего возраста, состояния здоровья не в состоянии самостоятельно осуществлять свои права и обязанности и защищать свои законные интересы. В этих случаях он нуждается в посторонней помощи, оказание которой и является целью установления опеки или попечительства. Таким образом, опека и попечительство являются одной из форм осуществления государственной защиты личности.

В настоящее время в Республике Беларусь актуальной является проблема опеки и попечительства, так как забота о тех согражданах, которые не в состоянии позаботиться о себе самостоятельно, – это обязанность любого правового, социального государства. Основное различие понятий опеки и попечительства состоит в объеме прав и обязанностей опекунов и попечителей, который определяется степенью дееспособности их подопечных.

Исходя из положений ст. 144 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье опека устанавливается над малолетними, а также над лицами, признанными судом недееспособными вследствие психического расстройства (душевой болезни или слабоумия) [1]. В свою очередь, попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также над лицами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами в соответствии со статьей 145 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье [1].

Следовательно, опека и попечительство – это прежде всего институт, имеющий целью защиту имущественных и личных неимущественных прав как несовершеннолетних, так и других недееспособных и ограничено дееспособных лиц.

Опека и попечительство устанавливаются по решению органов опеки и попечительства. В соответствии с п. 2 Положения об органах опеки и попечительства в Республике Беларусь органами опеки и попечительства являются местные исполнительные и распорядительные органы. В отношении несовершеннолетних осуществление функций по опеке и попечительству возлагается на управление (отдел) образования районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе, а в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, – на комиссию по делам несовершеннолетних районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту нахождения ребенка. В отношении совершеннолетних лиц, которые признаны недееспособными или ограниченно дееспособными, осуществление функций по опеке и попечительству возлагается на управление здравоохранения областного исполнительного комитета, Комитет по здравоохранению Минского городского исполнительного комитета [2].

Вышеперечисленные нами органы при осуществлении своей деятельности руководствуются Конституцией Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь о браке и семье и Положением об органах опеки и попечительства в Республике Беларусь.

Для осуществления обязанностей по опеке или попечительству органы опеки и попечительства назначают опекуна или попечителя. Опекун или попечитель может быть назначен только с его согласия. Статья 153 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье устанавливает лиц, которые имеют право быть опекунами и попечителями. Так, опекунами и попечителями могут быть дееспособные лица обоего пола, за исключением: лиц, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией; лиц, которые по состоянию здоровья не могут осуществлять права и выполнять обязанности опекуна, попечителя; лиц, лишенных судом родительских прав; бывших усыновителей, если усыновление было отменено вследствие ненадлежащего выполнения усыновителем своих обязанностей; лиц, отстраненных от обязанностей опекуна или попечителя за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей; лиц, имеющих судимость за умышленные преступления, а также лиц, осужденных за умышленные тяжкие или особо тяжкие преступления против человека; лиц, дети которых были признаны нуждающимися в государственной защите в связи с невыполнением или ненадлежащим выполнением данными лицами своих обязанностей по воспитанию и содержанию детей [1].

При выборе опекуна или попечителя должны быть приняты во внимание его личные качества, способность к выполнению обязанностей опекуна или попечителя, отношения, существующие между ним, членами его семьи и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве, а также желание лица, нуждающегося в опеке или попечительстве, достигшего десяти лет [3, с. 339].

Обязанности по опеке и попечительству выполняются безвозмездно. Но закон предусматривает право опекуна или попечителя на возмещение расходов, которые он понес из собственных средств на ремонт и содержание имущества подопечного либо другие необходимые нужды. Опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании несовершеннолетних, совершеннолетних лиц, находящихся под их опекой или попечительством, создании этим лицам необходимых бытовых условий, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и законные интересы. Органы опеки и попечительства осуществляют контроль за деятельностью опекунов и попечителей. В соответствии с законодательством, данные органы обязаны проводить обследования условий жизни подопечных не реже двух раз в год.

Опекуны являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все необходимые сделки. Попечители оказывают подопечным содействие при осуществлении ими своих прав и выполнении обязанностей, а также охраняют их от злоупотреблений со стороны третьих лиц. Орган опеки и попечительства освобождает опекунов, попечителей от выполнения ими своих обязанностей: при усыновлении детей; при возвращении детей на воспитание родителям; по просьбе родителей, если опека, попечительство над детьми установлены по их ходатайству или с их согласия; при предоставлении детям государственного обеспечения в детских интернатных учреждениях, учреждениях профессионально-технического, среднего специального, высшего образования; в случае признания опекунов, попечителей недееспособными или ограниченно дееспособными; при возникновении заболеваний, включенных в перечень, предусмотренный ч. 2 ст. 153 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье; при помещении совершеннолетних подопечных в соответствующие учреждения. Опекуны и попечители могут быть освобождены от своих обязанностей также по их личной просьбе, если органы опеки и попечительства признают, что эта просьба вызвана уважительными причинами (заболевание опекуна или попечителя, изменение состава семьи, материальных условий, отсутствие необходимого контакта с подопечным, переезд на постоянное жительство в другую местность и т. п.). Основания для прекращения опеки, попечительства предусмотрены ст. 178 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. По достижении подопечным четырнадцати лет опека прекращается, а лицо, осуществляющее обязанности опекуна, становится попечителем несовершеннолетнего без особого на то решения. Попечительство прекращается по достижении подопечным восемнадцати лет,

а также при вступлении несовершеннолетнего в брак, если ему был снижен брачный возраст, а также при приобретении им дееспособности в полном объеме (эмансипация).

Таким образом, опека и попечительство тесно связаны друг с другом. Нормы, регулирующие опеку и попечительство, излагаются в одних и тех же законодательных актах, занимаются их решением одни и те же государственные органы – опеки и попечительства. Общим для этих институтов является и порядок выбора и назначения опекунов, их обязанность защищать права своих подопечных.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.11.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Положение об органах опеки и попечительства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 28 октября 1999 г., № 1676 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. **Чечкова, С. П.** Основания и порядок установления опеки и попечительства над детьми / С. П. Чечкова // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2007 г. (7–8 февраля 2008 г.) / под ред. А. В. Иванова. – С. 338–441.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УДК 342.1

КОЛЛИЗИЯ НОРМ КАК ОСНОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ

Василевич Григорий Алексеевич,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

В статье анализируется действующее законодательство в сфере осуществления судебного конституционного контроля.

Как известно первые конституционные суды появились в Европе в начале XX в., однако их активно стали создавать в европейских странах после Второй мировой войны, в странах Восточной Европы, СНГ в 90-х гг. прошлого века. Эта тенденция отражала намерение общества развивать национальные правовые системы на принципах и нормах, получивших свое закрепление в Конституциях, провозгласивших построение правовых и демократических государств, в которых также обеспечиваются социальные права граждан. Известны три модели судебного конституционного контроля: американская (конституционный контроль осуществляют суды общей юрисдикции, которые также рассматривают конкретные споры), европейская (создаются специализированные органы и только они определяют конституционность акта) и смешанная (существует специализированный орган, одновременно решения о конституционности акта может выносить суд общей юрисдикции). На взгляд автора, в Республике Беларусь по Конституции должна функционировать смешанная система судебного конституционного контроля. Парадокс заключается в том, что закрепленная в части второй статьи 112 Конституции норма о вынесении судами своих постановлений на основе Конституции и возможности запроса в Конституционный суд не применяется со времени вступления в силу Основного Закона. Более того, когда Верховный суд решает, направлять запрос суда или не направлять в Конституционный суд, он берет на себя функцию органа судебного конституционного контроля. Вместо формирования конституционной практики обращения в Конституционный суд, предусмотрен механизм «фильтров» обращений в Конституционный суд.

Если говорить о конституционных основаниях для подачи конституционной жалобы в суд, то такое право предусмотрено в части четвертой статьи 122 Конституции. Правда, в ней речь идет о проверке на соответствие Конститу-

ции актов органов местного управления и самоуправления. Конституционный суд Республики Беларусь в период с 1997 по 2008 гг. активно этой статьей пользовался, хотя на уровне закона тогда не было тех норм, которые появились в последующем в Кодексе о судостроительстве и статусе судей и в законе «О конституционном судопроизводстве».

Обратим внимание на то, что действующий закон «О конституционном судопроизводстве» предусмотрел, с некоторыми оговорками, конституционную жалобу. В статье 28 и других идет речь об инициативных обращениях граждан, процедуре их подачи в Конституционный суд через «уполномоченные субъекты» и рассмотрения.

Согласно статье 28 упомянутого закона инициативные обращения рассматриваются уполномоченными органами в порядке, установленном этим законом, законодательными актами, закрепляющими правовой статус таких органов, и принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами. При этом государственный орган, рассматривающий инициативное обращение, не вправе делать вывод о конституционности нормативного правового акта (на этот счет возразим: в силу закрепленного в статье 13 этого же закона принципа презумпции конституционности акта, государственный орган, рассматривающий инициативное обращение, не вправе делать вывод о не конституционности, а не конституционности нормативного правового акта). Основанием для внесения предложения в Конституционный суд является наличие сомнений уполномоченного органа в конституционности такого акта. По результатам рассмотрения инициативного обращения уполномоченный орган принимает решение о внесении в Конституционный суд предложения о проверке конституционности нормативного правового акта либо об отказе во внесении такого предложения. Отказ во внесении предложения о проверке конституционности нормативного правового акта должен быть мотивирован. Интересно, что о решении, принятом по результатам рассмотрения инициативного обращения, в установленные законом сроки, информируются не только гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, организация, обратившиеся с соответствующей инициативой, но и Конституционный суд в случае отказа во внесении предложения о проверке конституционности нормативного правового акта.

В главе 24 закона предусматривается производство по делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности.

Согласно статье 158 закона основанием для возбуждения производства по делу об устранении в нормативных правовых актах **пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности** являются поступившие в Конституционный суд обращения государственных органов, иных организаций, а также граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, содержащие

информацию о наличии в нормативных правовых актах пробелов, коллизий и правовой неопределенности. Отметим, что согласно статье 158 производство по делу об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности может быть также возбуждено Конституционным судом по собственной инициативе. Ранее такое право было предусмотрено в Конституции Республики Беларусь в редакции от 15 марта 1994 г. По итогам референдума 1996 г. такого права Конституционный суд был лишен. После восстановления такого права (а именно так нами оцениваются нормы закона «О конституционном судопроизводстве») ответственность Конституционного суда за состояние национальной правовой системы должна была возрасти. Однако существенной активности со стороны этого важного института власти не произошло.

В соответствии со статьей 159 закона рассмотрение дела об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности осуществляется Конституционным судом, как правило, с использованием письменной формы конституционного судопроизводства в соответствии с порядком осуществления конституционного судопроизводства, определенным настоящим Законом и иными законодательными актами, с учетом особенностей дела.

Что ж такое «коллизия»? Можно обратиться и к какому-нибудь толковому словарю, можно сослаться на позиции ученых. Они под юридическими коллизиями понимают расхождение или противоречия между отдельными нормативными правовыми актами, регулируемыми одни и те же либо смежные общественные отношения [1, с. 42; 2, с. 21]. Н.А. Власенко выделяет следующие противоречия в законодательстве: временные, пространственные, содержательные и иерархические [3]. Видный советский ученый Н.Г. Александров определял коллизии как несогласованность между актами [4, с. 336]. В учебниках по теории права коллизии также рассматриваются как расхождение, противоречие между нормативными правовыми актами, регулируемыми одни и те же общественные отношения [5, с. 424].

При законодательном упущении, т. е. непринятии соответствующего закона, государство также ответственно за созданную ситуацию. При издании или сохранении противоречащего Конституции закона мы имеем дело с законодательным нарушением.

Разве при обращении иных субъектов – Президента, палат Парламента, правительства, Верховного суда – в Конституционный суд не идет речь о предполагаемых коллизиях между Конституциях и иными нормативными правовыми актами? Конечно, идет! Они же могут поставить вопрос о неконституционности акта и по причине пробела в нем, его неопределенности или, как ранее нами отмечалось, неясности норм. По результатам рассмотрения дела об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них

коллизий и правовой неопределенности Конституционный суд согласно статье 160 закона принимает решение.

С одной стороны, согласно части первой статьи 85 закона заключение, решение Конституционного суда являются окончательными, обжалованию и опротестованию не подлежат. При этом в этой части не оговорено, например, «если иное не предусмотрено настоящим Законом». В то же время в части семнадцатой этой статьи указано, что решение Конституционного суда об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности является обязательным для рассмотрения государственными органами, должностными лицами в соответствии с их компетенцией. В соответствии со статьей 86 закона в случае принятия решения Конституционного Суда, предусмотренного частью семнадцатой статьи 85 Закона, **и если в этом решении Конституционного суда не указано иное**, соответствующие государственные органы, должностные лица не позднее одного месяца после принятия решения Конституционного суда обязаны рассмотреть его в соответствии с их компетенцией и письменно сообщить Конституционному суду о результатах рассмотрения. Так решение окончательное или можно ограничиться его рассмотрением? И это «окончательное решение» повисает в воздухе! Половинчатость подхода законодателя и инициаторов этого закона, на наш взгляд, очевидна. Конечно, хорошо, что хотя бы так решен вопрос. Более того, в статье 88 Закона предусмотрена ответственность в соответствии с законодательными актами за неисполнение вступивших в законную силу заключений, решений Конституционного суда либо воспрепятствование их исполнению.

Л. Лазарев справедливо подчеркивает, что «действенность конституционного правосудия, его реальное влияние на конституционно правовую сферу тем не менее во многом зависит от самих конституционных судей, их профессионализма и правовой принципиальности, конституционно-правовой обоснованности принимаемых решений, но также от уровня демократизма существующего в стране политического режима и конституции, правовой и политической культуры властвующей элиты и общества, выражающейся, в частности, в отношении к конституционной юстиции, к исполнению решений конституционного суда. Как показывает мировой опыт, наибольшую эффективность конституционное правосудие демонстрирует в странах стабильной демократии» [6, с. 77].

Ранее приходилось критиковать практику отказа судами лицам, лишенным свободы, в праве на обжалование в суд наложенных на них взысканий. Суды, сталкиваясь в своей деятельности с правовыми конфликтами, острее всего видят потребность в совершенствовании актов законодательства, которые изучались в рамках конкретного дела. Инициативы с их стороны должно быть больше. На уровне постановлений Пле-

нума Верховного суда давно назрела необходимость обобщения (анализа) следующей практики:

- 1) об обеспечении верховенства Конституции в деятельности судов;
- 2) о практике применения судами международных договоров, ставших обязательными для Республики Беларусь;
- 3) о практике исполнения решений Конституционного суда о порядке пересмотра дел в случае применения нормативных правовых актов, признанных впоследствии неконституционными.

Согласно статье 52 Конституции каждый, кто находится на территории Республики Беларусь, обязан соблюдать Конституцию. Это касается, естественно, всех, в том числе судей сверху донизу.

Предназначение Конституционного суда в превращении конституционных норм из декларации в действительность. В поле зрения Конституционного суда находятся не только позитивное право (акты законодательства), но и практика их применения. Оценивая эти два важных явления (нормотворчество и правоприменение), Конституционный суд выступает как защитник и хранитель Конституции. Конечно, в этом принимают участие и другие органы, специально созданные для охраны правовых ценностей. Специфика деятельности Конституционного суда заключается в том, что он анализирует правовую ситуацию на основе комплексного подхода, сочетания научных и практических представлений. С учетом этого можно утверждать, что его деятельность является интеллектуально-правовой.

В целом важнейшей сегодня остается задача дальнейшей конституционализации текущего законодательства и правоприменительной практики и приведение их в соответствие с демократическими требованиями Конституции.

Список источников

1. **Тихомиров, Ю. А.** Коллизионное право : учебное и научно-практическое пособие / Ю. А. Тихомиров. – М., 2000. – 394 с.
2. **Шестерикова, И. В.** Коллизионные нормы и международные трудовые отношения / И. В. Шестерикова ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. – 256 с.
3. **Власенко, Н. А.** Проблемы точности выражения формы права (логико-лингвистический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. – Теория права и государства; история права и государства ; история политических и правовых учений / Н. А. Власенко. – Екатеринбург, 1997. – 23 с.
4. Основы теории государства и права / Н. Г. Александров, Ф. Н. Калинин, Д. С. Карев [и др.] ; под общ. ред. Н. Г. Александрова. – Москва : Госюриздат, 1960. – 439 с.
5. **Матузов, Н. М.** Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения / Н. М. Матузов // Правоведение. – 2000. – № 5. – С. 225–244.

6. **Лазарев, Л.** Роль Конституционного суда в обеспечении стабильности и развития правопорядка / Л. Лазарев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2004. – № 3(48). – С. 77–79.

УДК 343.1 (476)

**ОТСУТСТВИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК
ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО
УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ, КОТОРОЕ ПРИМЕНЯЕТСЯ
ПРИ ПРИЗНАНИИ СОДЕЯННОГО МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНЫМ**

Ананенко Антон Анатольевич,

Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(г. Витебск, Беларусь)

Анализируется сложившаяся практика по применению при признании деяния на основании ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь малозначительным нормы уголовно-процессуального законодательства об отсутствии состава преступления.

Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь незнакомо такое обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу, как малозначительность деяния. В соответствии со сложившейся правоприменительной практикой, признание совершенного деяния малозначительным влечет за собой принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении производства по делу или постановление оправдательного приговора на основании п. 2 ч. 1 ст. 29, п. 2 ч. 1 ст. 357 УПК Республики Беларусь за отсутствием в деянии состава преступления [1]. Данную позицию поддержал и Верховный суд Республики Беларусь. В п. 4 Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 28 сентября 2006 года № 8 «О практике постановления судами оправдательных приговоров» дается разъяснение о том, что если содержащиеся в обвинении действия формально содержат признаки деяния, предусмотренного УК, но в силу малозначительности не обладают общественной опасностью, присущей преступлению, то оправдательный приговор постановляется за отсутствием в деянии состава преступления [2].

Однако, несмотря на то, что данный подход практически не встречает никаких нареканий как со стороны правоприменителя, так и ученых-юристов, с ним невозможно согласиться. В соответствии с ч. 4 ст. 11 УК Республики Беларусь, «не являются преступлением действие или бездействие, формально содержащие признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Ко-

дексом, но в силу малозначительности не обладающие общественной опасностью, присущей преступлению» [3]. Из этого следует, что малозначительность возможна при одновременном наличии двух условий: формальном обладании совершенного деяния, признаками какого-либо деяния, предусмотренного УК; отсутствии общественной опасности, присущей преступлению. Формальное содержание в содеянном признаков какого-либо деяния, предусмотренного УК, означает, что оно является противоправным, т. е. подпадает под признаки конкретного состава преступления. Следовательно ввиду этого, рассматриваемый подход несколько противоречит ч. 4 ст. 11 УК.

В литературе в качестве основного аргумента, обычно используемого сторонниками данной позиции при ее обосновании, можно встретить то, что якобы отсутствие общественной опасности, присущей преступлению, свидетельствует об отсутствии состава преступления [4, с. 19; 5, с. 154–155]. Вместе с тем данные тезисы не отличаются убедительностью, так как приводят к смешению понятий «преступление» и «состав преступления». Ведь общественная опасность, в соответствии с действующим УК и теорией уголовного права, является признаком не состава преступления, а преступления. Следовательно, ее отсутствие, а равно и наличие не определяют отсутствие или наличие состава преступления. В то же время состав преступления, детализируя содержание формального признака преступления – противоправности, является правовым отражением общественной опасности преступления.

На этом недостатки данной точки зрения не заканчиваются. Так, принятие на основании нормы об отсутствии состава преступления решения об отказе в возбуждении уголовного дела, прекращении производства по уже возбужденному делу или постановлении оправдательного приговора, если содеянное в силу малозначительности не преступно, приводит к еще одной существенной проблеме. Ее суть сводится к тому, что норма о малозначительности деяния, как показывает правоприменительная практика, нередко применяется в том случае, если в результате содеянного не наступают обязательные для привлечения к уголовной ответственности последствия, свидетельствующие в действительности об отсутствии состава преступления, так как являются его конститутивным признаком. Нелишним будет отметить, что ошибки подобного рода также имеют место и в РФ. Такое применение уголовного закона показывает, что на практике малозначительность деяния понимается как частный случай отсутствия состава преступления, что, конечно же, в силу указанного нами выше, является неверным. Однако, винить за это сугубо правоприменителя будет вряд ли обоснованным, так как такое понимание происходит по вине законодателя, не разъяснившего сущность понятия «малозначительность деяния» и не закрепившего в УПК специального основания для отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения производства по делу, а также постановления оправдательного приговора.

В заключение отметим, что применение при признании деяния малозначительным нормы отсутствия состава преступления является необоснованным и неверным, т.к. противоречит ч. 4 ст. 11 УК, что, следовательно, приводит к помещению материального содержания в неподходящую процессуальную форму, а также зачастую приводит к неверному применению положения, содержащегося в ч. 4 ст. 11 УК. На основании этого обоснованным видится внесение изменений и дополнений в процессуальное законодательство в данной части.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 18 июля 2017 г. № 53-З [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О практике постановления судами оправдательных приговоров: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, 28 сентября 2006 года, № 8 : в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2016 г. № 2 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З : в ред. Закона Республики Беларусь от 18 июля 2017 № 53-З // КонсультантПлюс. Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. **Попов, К. И.** Обстоятельства правомерного причинения вреда / К. И. Попов // Российский следователь. – 2010. – № 1. – С. 17–20.
5. Советское уголовное право: Общая и Особенная части: учебник / Г. Г. Криволапов [и др.] ; под ред. Ю.В. Солопанова. – М. : Юрид. лит., 1981. – 464 с.

УДК 347.6

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ЗАВЕЩАНИЯ

Богданович Елена Олеговна,

Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Беларусь)

В статье раскрываются понятия «завещание» и «завещательное распоряжение», анализируется их соотношение. Автором рассматривается содержание завещания посредством характеристики обычных и особых завещательных распоряжений.

Действующее законодательство Республики Беларусь гарантирует свободу распоряжения собственником принадлежащим ему имуществом. Правомочие распоряжения означает возможность определения дальнейшей юри-

дической судьбы имущества посредством изменения его принадлежности, назначения или состояния. Согласно п. 2 ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1] (далее – ГК Республики Беларусь), собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц.

Составление завещания является единственно законным способом выражения воли собственника о своем имуществе на случай смерти. Это выражение воли делается в установленных законом порядке и форме и вступает в действие с момента открытия наследства. В законодательстве содержится следующее определение завещания, в соответствии с которым «завещанием признается волеизъявление гражданина по распоряжению принадлежащим ему имуществом на случай смерти» (ч. 1 ст. 1040 ГК Республики Беларусь).

По мнению С. С. Желонкина, под завещанием следует понимать юридически значимые действия физического лица (гражданина, иностранного гражданина, лица без гражданства) по распоряжению принадлежащими ему имущественными, в ряде случаев неимущественными правами и обязанностями на случай смерти [2, с. 63].

Как отмечает О.Г. Строкова, завещание представляет собой правоотношение, складывающееся в целях упорядочения наследственного преемства и возникающее в связи с потребностью в осуществлении субъективного права завещателя, выражающегося в возможности распоряжения принадлежащим ему в настоящее время или в будущем на праве собственности имуществом и легализованное посредством осуществления управомоченным лицом государственно-властных полномочий, результатом которых выступает особый нетипичный акт применения права [3, с. 105].

Цель завещания, по мнению Г.Ф. Шершеневича, состоит в передаче наследнику прав завещателя и в возложении на него обязанностей, лежавших на последнем [4, с. 454].

Завещание может содержать в своем тексте несколько завещательных распоряжений, составляющих содержание завещания. С помощью отдельных завещательных распоряжений наследодатель выражает свои пожелания относительно порядка распределения и использования принадлежащего ему имущества. Также посредством завещательных распоряжений определяются личность исполнителя и процедура исполнения завещания.

В содержании завещания включаются распоряжения о распределении всего имущества завещателя или его части одному либо нескольким лицам, как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также Республике Беларусь и ее административно-территориальным единицам (назначе-

ние наследника), об указании передаваемого в порядке наследования имущества, об определении долей наследников, о лишении без объяснения причин наследства одного, нескольких или всех наследников по закону.

Такого рода распоряжения, как правило, составляют основное (обычное), а в большинстве случаев единственное, содержание завещания, а также отражают исторически сложившуюся сущность последней воли лица. Они направлены на изменение или подтверждение режима наследования по закону посредством определения личности наследников и порядка распределения, принадлежащего завещателю имущества между ними. Эти распоряжения не ведут к изменению размера наследственной массы, а только распределяют имущество наследодателя между назначенными им наследниками и носят строго имущественный характер.

Как показывает практика, условия о назначении наследника является, в большинстве случаев, основным содержанием завещания, но следует учитывать и то, что права завещателя более широки и не исчерпываются только правом назначения наследников и распределения наследственной массы между ними.

В данном случае, отдельной группой распоряжений являются особые (не типичные, особенные, специальные) распоряжения, то есть распоряжения, включение которых является дополнительным, не обязательным для содержания завещания условием. Такого рода распоряжения могут существовать исключительно при наследовании по завещанию и носить как имущественный, так и неимущественный характер. Порядок установления таких распоряжений в завещании и порядок их исполнения регулируются отдельными статьями ГК Республики Беларусь.

В соответствии с главой 70 ГК Республики Беларусь к особым завещательным распоряжениям относятся:

- подназначение наследников (ст. 1042 ГК Республики Беларусь);
- завещательные распоряжения денежными средствами в банках или небанковских кредитно-финансовых организациях (ст. 1048 ГК Республики Беларусь);
- поручение исполнения завещания указанному в завещании лицу, не являющемуся наследником (исполнителю завещания, душеприказчику) (ст. 1053 ГК Республики Беларусь);
- возложение на наследника по завещанию исполнения за счет наследства какого-либо обязательства (завещательный отказ) в пользу одного или нескольких лиц (отказополучателей), которые приобретают право требовать исполнения завещательного отказа (ст. 1054 ГК Республики Беларусь);
- возложение на одного или нескольких наследников по завещанию обязанности совершить какое-либо действие имущественного либо неимущественного характера, направленное на осуществление общепользующей цели (ст. 1055 ГК Республики Беларусь).

Указанные распоряжения носят дополнительный характер, следовательно, как наличие, так и отсутствие данных распоряжений не влияет на признание последней воли наследодателя завещанием. Однако включенные в завещание специальные распоряжения приобретают обязательный характер.

Следует согласиться с мнением Д.В. Гук о том, что особые распоряжения являются частным случаем распоряжений на случай смерти, так как по общему правилу граждане составляют стандартные завещания, предметом которых является обычное распределение конкретного имущества между назначенными наследниками. Особенностью данных распоряжений является то, что они признаны адаптировать общие нормы о завещании под конкретную волю гражданина и расширить возможность наиболее адекватного изъясления воли лица в конкретной жизненной ситуации [5, с. 23].

Таким образом, анализируя термин «завещание», который встречается в юридической литературе, можно выделить два характеризующих его аспекта. Во-первых, завещание представляет собой акт волеизъявления наследодателя, его самостоятельное распоряжение, то есть, завещание представляет собой личное распоряжение гражданина о своем имуществе на случай смерти с назначением наследников и при этом является единственным юридически обеспеченным способом распоряжения одного полностью дееспособного гражданина своим имуществом. А во-вторых, это документ, посредством которого определяется судьба имущества гражданина и других благ путем назначения наследников. С юридической точки зрения при определении завещания важно указывать на необходимость его составления с соблюдением определенных правил, в установленной законом и надлежащим образом удостоверенной форме, и его вступление в действие с момента открытия наследства.

Под обычными завещательными распоряжениями следует понимать распоряжения завещателя, носящие имущественный характер, составляющие основное содержание завещания и направленные на изменение порядка наследования по закону. Под особыми завещательными распоряжениями следует понимать такие распоряжения, которые носят дополнительный характер (как имущественный, так и неимущественный) и подчиняются специальному правовому режиму.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-3 : Принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : Одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 января 2017 г. № 14-3 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. **Желонкин, С. С.** Общие положения наследования по завещанию / С. С. Желонкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 4 (64). – С. 63–69.

3. **Строкова, О. Г.** Понятие завещания и необходимые основания ограничения принципа его свободы / О. Г. Строкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 5 (94). – С. 102–108.
4. **Шершеневич, Г. Ф.** Учебник русского гражданского права : [в 2 т.] / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Консультант Плюс : Статут, 2005 (ОАО Ярослав. полигр. комб.).
5. **Гук, Д. В.** Завещательные распоряжения по российскому гражданскому праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д. В. Гук ; [Место защиты: Ин-т государства и права РАН]. – Москва, 2011. – 157 с.

УДК 342.922

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Внученкова Анастасия Юрьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Непосредственно через административно-правовой статус выражаются наиболее важные и существенные связи иностранных граждан и лиц без гражданства с органами государственного управления. Актуальность данной темы объясняется тем, что в связи с эволюцией отношений, возникающих на международном уровне, проблема регламентирования административно-правового статуса граждан иностранных государств, а также лиц без гражданства, становится весьма значимой для Республики Беларусь.

Приоритет общечеловеческих ценностей, расширение сотрудничества в сфере права, экономики, науки, культуры и других областях общественной жизни остается приоритетным направлением развития государственной политики Республики Беларусь. С приведением законодательства в соответствие с международными стандартами, расширением международных связей, а также упрощением порядка въезда и выезда из Республики Беларусь постоянно возрастает число иностранцев, прибывающих в нашу страну. Так, в органах внутренних дел в 2017 г. процедуру регистрации прошло свыше 60 тыс. иностранцев.

По состоянию на конец 2016 г. в Республике Беларусь проживало 52,8 тыс. иностранцев, имеющих разрешение на временное проживание, из них свыше 15,5 тыс. прибыли на учебу, 11,4 тыс. – к супругу или близкому родственнику,

почти 17,2 тыс. – по служебным делам, а также более 176,5 тыс. иностранцев проживали постоянно. Однако независимо от целей приезда вопросы правил пребывания, объема прав и обязанностей, а также юридической ответственности касаются каждого из них без исключения. Это связано с тем, что указанные субъекты выступают в качестве специфического субъекта административного права, находящегося в особом рода отношениях с государством.

Под административно-правовым статусом следует понимать совокупность прав, обязанность, а также свобод граждан, обеспечиваемых и гарантируемых нормами административного права.

Ключевым положением в понимании административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства является то, что указанные лица пользуются в Республике Беларусь правами и несут обязанности наравне с отечественными гражданами, кроме случаев, установленных законодательством или международными договорами [1, ст. 11]. На данном принципиальном положении Конституции базируется вся нормативно-правовая основа административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, состоящая из ряда законов, в числе которых первостепенное значение имеют Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» (далее – Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»), постановление Совета министров Республики Беларусь от 20.01.2006 г. № 73 «Об утверждении правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», а также Указ Президента Республики Беларусь от 9 января 2017 г. № 8 «Об установлении безвизового порядка въезда и выезда иностранных граждан».

Кроме того, нельзя забывать, что немаловажная роль в регулировании правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в целом и их административно-правового статуса в частности отводится общепризнанным принципам международного права, международным договорам, участником которых является Республика Беларусь, различного рода межправительственным соглашениям.

Совокупность указанных правовых актов и соответствующая им правоприменительная практика позволяет говорить о сложившемся в стране определенном правовом миграционном режиме, достаточно четкой системе административно-правового обеспечения пребывания иностранных граждан в нашей стране. Также постоянно совершенствуются методы, формы и средства административно-правового регулирования миграционных процессов. Причем этот режим не только совершенствуется, но и становится более эффективным и строже урегулированным в правовом отношении.

Под иностранными гражданами прежде всего следует понимать лиц, не являющихся гражданами Республики Беларусь и имеющих доказательства

своей принадлежности к гражданству (подданству) другого государства [2, ст. 1]. Лица без гражданства – это лица, не являющиеся гражданами Республики Беларусь и не имеющие доказательств своей принадлежности к гражданству другого государства [2, ст. 1].

Момент возникновения административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, по мнению ряда авторов, определяется моментом въезда на территорию Республики Беларусь. Однако логично утверждать, что момент такого возникновения может варьироваться от того, в каком порядке осуществляется въезд этих лиц на территорию нашего государства. Так, в случае, если для въезда на территорию Республики Беларусь требуется получение визы, то административно-правовой статус иностранного гражданина и лица без гражданства возникает при обращении в компетентный орган за получением визы. Соответственно, между этим органом и иностранным гражданином возникают административные отношения, выражающиеся, в частности, в обязанности иностранного гражданина представить соответствующие документы. В свою очередь, компетентный орган вправе проверить представляемые документы и при наличии определенных оснований отказать в выдаче разрешения и, соответственно, в возможности въезда в Республику Беларусь.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что административно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь возникает при взаимодействии указанных лиц с органами государственной власти при въезде и нахождении на территории Республики Беларусь. Административно-правовой статус данных лиц приравнен к аналогичному статусу белорусских граждан, при этом данный статус иностранных граждан и лиц без гражданства в силу специальных положений законодательства имеет особенности по сравнению с административно-правовым статусом граждан Республики Беларусь. Стоит также указать, что особенности административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства, оказывают влияние и на другие их статусы на территории нашей страны, например, трудовой, гражданско-правовой, социальный.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. Референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
2. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 04 янв. 2010 г., № 105-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.10.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Грузинский Дмитрий Владимирович, Ермоленко Евгения Валерьевна,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

В настоящей работе обосновывается необходимость проведения комплексного исследования института имущественных прав как объектов гражданских прав; определяется перечень имущественных прав, которые представляют интерес для гражданского оборота Республики Беларусь; определяются признаки исследуемого института.

С изменением экономических отношений в обществе многие, прежде незначительные, правовые явления приобретают совершенно иной смысл и значение. Одним из таких явлений можно считать общественные отношения, складывающиеся по поводу гражданского оборота имущественных прав, которые на территории стран СНГ практически отсутствовали на протяжении продолжительного времени вследствие установленной плановой системы экономики. В настоящее время правовые нормы, посвященные правовому регулированию имущественных прав, образовали самостоятельный правовой подинститут гражданского права, в рамках такого института данной отрасли как объекты гражданских прав.

Проанализировав историю развития доктринальных теорий ученых различных эпох, мы готовы сделать вывод о том, что с течением времени понимание имущественных прав менялось. Дело в том, что за последнее столетие объем имущественных прав в гражданском праве значительно увеличился и приобретает все большую актуальность и может стать предметом научных исследований в современной юриспруденции.

Определение понятия имущественных прав остается дискуссионным в теории гражданского права. В первую очередь, потому, что законодательно закрепленное определение имущественных прав отсутствует. Во вторую – законодатель оперирует термином «имущественные права», регулируя различные виды гражданских правоотношений, не выявляя специфику данного правового явления.

Позиционирование имущественных прав как объектов гражданских правоотношений осуществлено в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (далее – ГК), в которой все объекты гражданских прав делятся на: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное

имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытую информацию; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага [1].

По мнению С.В. Овсейко, такая классификация не вполне удачна, поскольку исходит из стремления собрать все объекты воедино без соотнесения друг с другом в определенной иерархии. В частности автор предлагает классифицировать все объекты гражданского права на: материальные (вещи) и нематериальные (права как обозначение юридического факта владения полномочиями, но фактически в материальном смысле отсутствия обладания чем-то). В свою очередь нематериальные права делятся на: имущественные и неимущественные (честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни и т. п.) [2, с. 80].

В отличие от личных неимущественных прав, не связанных с имущественными, имущественные права имеют важнейший признак – способность отчуждаться, передаваться по сделке и образовывать доход, то есть периодические платежи. Собственно именно поэтому они представляют интерес с точки зрения налогообложения. Имущественным правам, как и любому другому объекту гражданских прав, присущ ряд признаков, к которым можно отнести следующие:

1) субъективная принадлежность. Данный критерий исходит из того, что прав на имущество без их субъекта не может существовать [3, с. 133].

2) способность служить средством реализации имущественного интереса. Согласно позициям некоторых ученых-юристов, характер имущественного интереса как нужды в некоем благе оказывает непосредственное влияние на характер соответствующего права [4, с. 29].

3) возможность отчуждения. Подразумевается отрыв от личности носителя. В современном праве, в отличие от права римского, личность кредитора и должника в большинстве случаев носит второстепенный характер: права и обязанности могут передаваться [4, с. 16].

4) возникают на основании юридических фактов. Данный признак описывает тот факт, что имущественные права не присущи субъекту от рождения. Так, даже у новорожденного может иметься определенное имущество, однако, оно принадлежит ему не в силу его рождения, а, например, по праву наследования, на основании договора дарения и т. д. [3, с. 133].

Тем не менее, отмеченные основные признаки имущественных прав отражают лишь формальную характеристику рассматриваемого явления. Представляется, что под имущественными правами следует понимать принадлежащее управомоченному лицу благо идеального (нематериального) характера, выступающее, преимущественно, как право требования кредитора к должнику, которое может быть реализовано третьим лицом.

На основании проведенного анализа действующего гражданского законодательства к имущественным правам можно отнести: правомочия собственника; вещные права лиц, не являющихся собственниками; обязательственные права (как договорные, так и некоторые внедоговорные). Кроме того, имущественными правами являются права субъектов права интеллектуальной собственности (авторы, исполнители фонограмм, организации эфирного или кабельного вещания и др.); право наследования.

Так в ст. 822 ГК имущественные права представлены как объект, подлежащий страхованию, где в качестве имущественных прав, которые могут быть застрахованы по договору, принимаются права страхователей (выгодоприобретателей), связанные с осуществлением ими правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, а также с имущественными требованиями, которые возникают между страхователями (выгодоприобретателями) и иными лицами по поводу определения судьбы имущества и связанных с ним прав (права собственности, хозяйственного ведения, оперативного управления, обязательственные права (договорные и внедоговорные), права на результаты интеллектуальной деятельности) [1].

На основании вышеизложенного представляется возможным ввести специальную норму в ГК, а именно – в главу 6 подраздел 3, где отразить понятие имущественных прав как объектов гражданских правоотношений в специальной норме. Также полагаем необходимым проведение научного исследования, посвященного институту имущественных прав.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. **Овсейко, С. В.** Налоги Беларуси / учредители: Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь, РУП «Информационно-издательский центр по налогам и сборам», Белорусский профессиональный союз работников налоговых и других финансовых органов. – Минск : [б. и.], 2008. – 120 с.
3. **Яковлев, А. С.** Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика / А. С. Яковлев. – М. : «Ось-89», 2005. – 192 с.
4. **Чечот, Д. М.** Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКАЗНЫХ УБИЙСТВ

Дурдыев Мекан Бегсахедович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Статья посвящена рассмотрению уголовно-правовых особенностей преступной деятельности, связанной с подготовкой и осуществлением заказных убийств. Дается характеристика понятия «заказное убийство» и его отличие от других видов убийства.

Убийство по найму – это умышленное и, как правило, профессионально подготовленное лишение жизни заранее намеченного гражданина. Исполнители таких убийств, совершая преступление за оговоренную плату, не бывают их инициаторами. При этом заказчики преступления редко вступают в непосредственный контакт с наемниками; обычно они действуют через посредников.

В подавляющем большинстве случаев само событие убийства по найму имеет очевидный, явный характер. Оно направлено не только на ликвидацию определенного человека, но и на запугивание связанных с ним людей, а иногда имеет цель повлиять на процесс принятия решений органами местной власти. Первоначальный этап расследования «заказных» убийств, как правило, осложняется острой нехваткой данных о важнейших обстоятельствах произошедшего, подлежащих установлению и доказыванию. Наибольший дефицит информации связан с установлением заказчиков, посредников и конкретных исполнителей убийств. Для его восполнения следователь и взаимодействующие с ним лица обращаются к различным источникам криминалистической информации, в частности к перечню обстоятельств, подлежащих установлению. Последний аккумулирует данные о типовых признаках деликта, обстановке, времени, месте, способе совершения таких убийств, о наиболее вероятном местонахождении источников доказательств, типологических чертах личности и поведения потерпевших, а также о корреляционных связях между названными элементами.

Способ совершения убийств по найму позволяет классифицировать их на следующие группы:

а) с использованием огнестрельного оружия. После выполнения «спецзаказа» киллеры, как правило, сразу же избавляются от него, что еще более осложняет деятельность правоохранительных органов. В общей структуре убийств доля «заказных», совершенных из огнестрельного оружия, достигает 70% [1, с. 14];

б) с использованием взрывных устройств. Такие устройства различной конструкции (от самодельных до армейских мин) наемники устанавливают в домах, квартирах, офисах, автомобилях, лифтах, направляют своим жертвам взрывающиеся бандероли, посылки и т. п. Вместо тротила и других традиционных взрывчатых веществ все чаще используется пластиковая взрывчатка, быстро и незаметно прикрепляемая к дверям и окнам помещений, транспортным средствам, в лифтовых кабинах и т. д. Все активнее применяются радиоуправляемые взрывные устройства, а не только теплового и контактного действия. Взрывные устройства киллеры используют примерно в 25% от общего числа «заказных» убийств;

в) холодное оружие и транспортные средства, яды, специальные химические препараты, сильнодействующие и наркотические вещества используются весьма редко. Примеры их применения единичны [2, с. 533].

Способ совершения преступления – одно из наиболее информативных обстоятельств дела, чье исследование позволяет значительно ускорить раскрытие убийств, осуществляемых наемниками. Наиболее результативен метод раскрытия преступлений «от способа совершения – к исполнителю убийства, а от него – к другим участникам криминального деяния», но лишь при отлаженной системе информационного обеспечения деятельности органов следствия и дознания. Место совершения большинства убийств по найму – это дворы и подъезды жилых домов, лестничные клетки, лифты. Весьма распространены и подъезды зданий с офисами потерпевших, автостоянки, улицы, по которым обычно следуют автомашины намеченных жертв, а также территории около входа в учреждения. Третье место по частоте совершения данных убийств занимают рестораны, бары, казино, ночные клубы и другие увеселительные заведения, а также примыкающие к ним территории. Четвертая позиция – квартиры и дачи жертв преступления, их друзей и знакомых, а также служебные кабинеты потерпевших или их партнеров и коллег по бизнесу, в том числе криминальному.

Время совершения убийств по найму. Большинство деликтов рассматриваемой категории совершается между 8 и 10 часами утра рабочих дней, когда потерпевшие идут в гаражи за автомобилями, едут на службу, посещают банки, офисы и т. п. Вторым по частоте нападений является вечернее время, между 18–20 часами, когда потерпевшие заканчивают работу, выходят из своих фирм, банков, учреждений, возвращаются домой, ставят автомобили в гаражи или на стоянки, участвуют в различных встречах и мероприятиях. На остальное время приходится около 40% посягательств (исключая период с часа ночи до семи часов утра, когда «заказные» убийства почти не совершаются) [3, с. 27].

Сложность выявления всех связей убитого состоит в том, что они зачастую ведут в криминальные структуры. Активно действуя в теневой экономике, иных сферах преступной и полупреступной деятельности, потерпевшие

редко афишируют имеющиеся там отношения и интересы. Выявление всех этих обстоятельств позволяет установить непосредственный мотив убийства по найму, раскрыть преступление, действуя «от потерпевшего – к мотиву убийства, а затем к заказчику и другим участникам содеянного». Наемные убийцы часто могут быть установлены только после выявления заказчика, организатора и посредника. Однако возможно и обратное направление в раскрытии, когда первым установленным членом криминальной группы будет наемный убийца. За последние годы в стране сформировался своеобразный клан киллеров (убийц-профессионалов), для которых основным источником доходов стало постоянное выполнение криминальных заказов. В их числе немало бывших военнослужащих, прошедших через Афганистан, Чечню и другие «горячие точки»; работников правоохранительных органов, уволенных за порочащие проступки; сотрудников охранных и сыскных агентств; бывших и действующих профессиональных спортсменов, занимающихся преимущественно стрелковыми видами спорта, восточными единоборствами, биатлоном. Среди наемников немало представителей уголовной среды, ранее судимых за насильственные и корыстно-насильственные преступления, которые освоили необходимые навыки стрельбы, обращения с взрывчатыми веществами.

Типичные исполнители убийств по найму – мужчины в возрасте от 20 до 35 лет. Однако в подготовке посягательств и оказании помощи киллерам иногда участвуют и женщины. Более того, в последнее время они все чаще принимают непосредственное участие в убийствах. Это тревожная тенденция, ибо специалисты-психологи утверждают, что восстановить с помощью, например, фоторобота внешность женщины гораздо сложнее, поскольку свидетели-мужчины обычно запоминают не черты лица, а фигуру незнакомки, а очевидцы-женщины – ее одежду и обувь.

Большинство наемников-профессионалов часто меняет место жительства, используя, как правило, целый набор поддельных документов. Многие из них поддерживают спортивную форму, особенно в стрельбе. Наемные убийцы, как правило, решительные, волевые, замкнутые люди, в меру пьющие, осторожные в выборе друзей, круг которых резко ограничен. Необходимо учитывать, что исполнители безжалостно ликвидируются организаторами убийств по найму с целью обезопасить себя от возможного разоблачения и не выплачивать крупные суммы причитающегося «гонорара». Если кто-либо из группы наемников в ходе расследования «засвечивается», сообщники немедленно ликвидируют его.

Вознаграждение за исполнение «заказа». Его размер обычно зависит от социального положения жертвы или ее криминального веса в преступном мире, сложности реализации «заказа», финансовых возможностей нанимателя, а также от профессионализма убийцы. Часть «гонорара», а также деньги на приобретение оружия, транспорта, средств мобильной связи обычно пере-

даются заранее. Окончательный расчет происходит вскоре после «акции». При хорошо поставленной оперативно-розыскной работе о его месте и времени могут поступить негласные сведения, что позволит организовать задержание с изъятием денег и иных вещественных доказательств.

Под *механизмом преступления* обычно понимают сложную систему, включающую субъект преступления, его отношение к своим действиям и последствиям, соучастникам, предмет преступного посягательства, способ совершения и сокрытия преступления, преступный результат, место, время и иные обстоятельства, относящиеся к обстановке преступления; действия свидетелей и многое другое.

Список источников

1. **Бахин, В. П.** Особенности расследования заказных убийств : курс лекций. – Симферополь, 1999. – 450 с.
2. **Ищенко, Е. П.** Криминалистика : учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков ; под общ. ред. Е. П. Ищенко. – М. : Норма, 2005. – 789 с.
3. **Тимонина, И. В.** Механизм совершения заказного убийства // Следователь. – 2004. – № 7. – 209 с.

УДК 347.94

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОЦЕНКА ДОСТОВЕРНОСТИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Кабзова Наталья Васильевна,

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье исследованы проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе, делается вывод об иной правовой природе электронных доказательств, отличной от природы письменных. Особое внимание уделяется условиям допустимости и достоверности электронных доказательств в судебном процессе.

Информационно-коммуникационные технологии являются важным фактором, влияющим на формирование общества XXI в. В судебной практике все чаще встречаются случаи, когда стороны просят исследовать фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела, представленные в электронной форме. Вопрос о правовой природе подобных данных остается дискуссионным. В законодательстве Республики Беларусь этот вопрос решен в пользу отнесения электронных материалов к письменным средствам доказывания.

Исследование электронных доказательств происходит по правилам, установленным для доказательств в целом и письменных доказательств в частности. Особенности исследования данных в электронной форме не нашли свое отражение в белорусском законодательстве [1, с. 230].

В законодательстве Республики Беларусь достаточно подробно урегулирован вопрос признания юридической силы и использования электронных документов, но в то же время остается без внимания вопрос о возможности и порядке использования в гражданском и экономическом судопроизводстве информации, существующей на электронном носителе и не содержащей электронную цифровую подпись, например, интернет-страниц, сообщений электронной почты. Вместе с тем зачастую именно такие материалы являются единственным прямым доказательством определенных фактов. Например, распечатки интернет-страниц являются доказательством факта распространения в Интернете соответствующих сведений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также факта сообщения произведения для всеобщего сведения по делам о защите авторских прав.

Наличие пробелов в правовом регулировании электронных доказательств приводит к тому, что решение таких важных вопросов, как определение допустимости материалов на электронных носителях в качестве доказательств, определения их правовой природы и, соответственно, правил, по которым должно осуществляться представление и исследование таких доказательств, зависит от усмотрения суда. Такое положение дел лишает судебный процесс правовой определенности и может приводить к невозможности использования электронных доказательств в гражданском и экономическом процессе. Отсутствие возможности представлять доказательства, которым нет альтернатив, препятствует эффективной защите прав и законных интересов в суде. Последнее может расцениваться как нарушение конституционного права на судебную защиту.

Один из важнейших принципов исследования доказательств – принцип непосредственности. Представляется достаточно сложным непосредственное исследование данных в электронной форме при отсутствии необходимых технических средств. Данная проблема имеет целый ряд аспектов: установление подлинного экземпляра электронных данных, выбор оптимальной формы представления электронных доказательств, изготовление надлежащим образом удостоверенной копии электронного доказательства [1, с. 231].

Законодательно установлено требование о представлении в процесс подлинников письменных доказательств либо их надлежащим образом заверенных копий.

Наиболее конструктивный подход к подлинности электронных доказательств состоит в том, чтобы считать оригиналами, имеющими одинаковую юридическую силу, идентичные документы, в том числе, зафиксированные на

различных носителях. В то же время технические особенности передачи информации требуют некоторых оговорок в отношении понятия идентичности. Необходимо предъявлять требования об идентичности к основному сообщению, зафиксированному на носителе. В то же время любые дополнительные реквизиты такого сообщения не должны рассматриваться как признаки, отрицающие его подлинность.

Непосредственное исследование электронных документов вызывает затруднения, в том числе в связи с отсутствием надлежащей материально-технической базы судов. Тем не менее, за рубежом по целому ряду причин широко распространена практика представления в суд именно бумажной копии электронных доказательств.

В Республике Беларусь существует позитивная судебная практика, свидетельствующая о том, что распечатки интернет-страниц и сообщений электронной почты принимаются в качестве доказательств по гражданским и экономическим делам. Однако такие примеры являются единичными. Практика использования электронных доказательств не обобщалась на уровне высших судебных инстанций.

Далеко не все электронные доказательства относятся к документированной информации и вследствие этого не могут быть надлежащим образом удостоверены. На сегодняшний день в Беларуси не существует разработанного порядка изготовления копий электронных материалов. В этой связи суд зачастую не может основывать свое решение на представляемых в процесс бумажных копиях электронных доказательств. Представляется необходимым разъяснение правил изготовления копий таких доказательств на уровне Пленума Верховного суда Республики Беларусь [1, с. 232].

Необходимо, чтобы суды принимали во внимание электронные доказательства, давали им оценку и основывали на них судебные решения. В противном случае по отдельным категориям дел участники общественных отношений вообще не смогут защитить свои права, отстоять в суде право на имя, достоинство, деловую репутацию, свое произведение. Маловероятно также, что в условиях неопределенного подхода к статусу электронных доказательств, участники гражданского оборота будут активно внедрять электронный документооборот.

Также, в законодательстве следует четко определить, допустимы ли вышеназванные материалы в качестве средств доказывания; к каким средствам доказывания они относятся и, соответственно, применимы ли к электронным доказательствам правила о письменных или вещественных доказательствах либо необходимо выработать специальные правила их представления и исследования. Должен быть решен вопрос о том, следует ли установить в законе формальные критерии допустимости электронных доказательств с целью исключения из процесса недостоверных доказательств, а также должны быть

урегулированы иные вопросы использования в процессе доказывания электронных доказательств, включая правила их собирания и обеспечения.

Для целей обеспечения реализации принципа права на судебную защиту правовое регулирование вопросов использования электронных доказательств в гражданском и экономическом процессах должно быть направлено на предотвращение необоснованного отказа в допустимости подобной информации как средства доказывания.

Список источников

1. **Волчек, А. В.** Правовая природа электронных доказательств в хозяйственном процессе Республики Беларусь // А. В. Волчек. – Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 окт. 2010 г., г. Минск) / редкол.: И. Н. Колядко [и др.] – Минск : Позитив-центр, 2010. – 552 с.
2. Об электронном документе и электронной цифровой подписи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 28 декабря 2009 г., № 113-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23 октября 2014 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 340.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОГОВОРА ХРАНЕНИЯ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Клачок Илья Петрович, Ермоленко Евгения Валерьевна,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

В настоящей работе проанализированы особенности заключения договора хранения в силу акта законодательства в рамках принудительного исполнения судебных постановлений; определен субъектный состав сторон данных договорных отношений; обосновывается межотраслевой характер института наложения ареста на имущество должника.

Актуальность проводимого исследования состоит в том, что ст. 89 Закона Республики Беларусь от 24.10.2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон «Об исполнительном производстве») предоставляет право судебному исполнителю заключать договоры хранения в отношении арестованного имущества должника в качестве меры обеспечения исполнения судебных постановлений. Однако при его заключении сложно установить, в качестве какой из сторон по договору хранения будут выступать участники

исполнительного производства (судебный исполнитель, должник и другие участники). Статья 89 Закона «Об исполнительном производстве» и ст. 380 ХПК содержат отдельные особенности договора хранения в исполнительном производстве, но эти нормы не раскрывают всей сущности данных договорных правоотношений.

Невозможно представить применение мер юридической ответственности без института наложения ареста на имущество. Данный институт в полной мере отражает закрепленный в ст. 24 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и в ст. 27 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) принцип обязательности судебных постановлений, поскольку наложение ареста на имущество обеспечивается мерами государственного принуждения.

Институт наложения ареста на имущество носит межотраслевой характер, о чем свидетельствует наличие почти тождественных правовых норм в рамках гражданского процессуального права – данный институт выступает в качестве одной из мер по обеспечению иска (ст. 255 ГПК); в рамках уголовного процессуального права – одной из мер процессуального принуждения (ст. 132 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)); в рамках процессуального исполнительного права – наложение ареста на имущество является одной из мер обеспечения административного процесса (ст. 8.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП)); в рамках хозяйственного процессуального права – наложение ареста на имущество выступает мерой обеспечения исполнения исполнительного документа (ст. 377 ХПК). При чем, в последнем случае наложение ареста на имущество выступает в качестве субинститута и складывается из таких институтов, как: наложение ареста на имущество (имущество с точки зрения вещей как объектов гражданского права); наложение ареста на денежные средства; изъятие имущества должника; ограничения пользования принадлежащим должнику имуществом (ст. 348 ХПК).

Становление института наложения ареста на имущество происходит в начале XVII века, с формированием в Соборном уложении 1649 г. института обеспечения иска. Так стст. 22–27 Соборного уложения гласили, что «если имущества “разбойника” не было достаточно для возмещения убытков при разбое, то имущество взыскивалось с соучастников» [2, с. 416]. В результате введения этой нормы участилось сокрытие имущества лицами, совершившими проступок, и в целях разрешения этой проблемы в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. был введен институт наложения ареста на имущество. Так согласно ст. 971 Устава гражданского судопроизводства арест на движимое имущество назначается при наличии опасения, что данное имущество может быть сокрыто [1, с. 692].

В развитии права цели применения института наложения ареста на имущество должника практически не изменились, но имеют свою специфику применительно к различным отраслям белорусского права (в ст. 8.7 ПИКоАП – это обеспечение исполнения постановления о наложении административного взыскания; в ст. 132 УПК – обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением, уплаты дохода, полученного преступным путем; в гражданском процессуальном и хозяйственном процессуальном праве – обеспечение исполнения судебного постановления (ст. 82 Закона «Об исполнительном производстве», ст. 377 ХПК)). Однако правовая природа анализируемого института одинакова – объявление его собственнику или лицу, у которого имущество находится, запрета на распоряжение им, а в необходимых случаях – и на пользование этим имуществом.

Порядок реализации правовых норм, регламентирующих данный институт сводится к следующему: в первую очередь, орган принудительного исполнения выявляет имущество, на которое может быть наложен арест, за исключением имущества, которое не может быть подвергнуто аресту (приложение к ПИКоАП, приложение № 1 к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь, приложение Закона «Об исполнительном производстве»). Во вторую очередь, судебный исполнитель составляет протокол описи выявленного имущества и после налагает на него арест. При этом лицо-должник все еще остается собственником данного имущества. В-третьих, решается вопрос о необходимости изъятия арестованного имущества у должника.

Правовым основанием возникновения договорных отношений по хранению в анализируемых случаях является ст. 796 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) – хранение в силу акта законодательства. В связи с этим возникает вопрос о том, в качестве какого субъекта по договору хранения будут выступать участники исполнительного производства.

В том случае, если имущество, на которое наложен арест, не изымается, то порядок заключения договора хранения будет выглядеть так: описанное или арестованное имущество должника передается судебным исполнителем на хранение должнику или иному лицу, назначенному судебным исполнителем или уполномоченным на то органом. При этом хранитель имущества может с разрешения судебного исполнителя пользоваться этим имуществом (ст. 89 Закона «Об исполнительном производстве»). В данном случае возникает ситуация, при которой лицо одновременно является и собственником имущества, и его хранителем.

В том случае, если имущество, на которое наложен арест, изымается, то судебный исполнитель передает его на хранение лицу, которое оказывает услуги по хранению имущества. В таком случае возникает вопрос о том, кто оплатит оказание услуг по хранению? Согласно части четвертой п. 102 Ин-

струкции по исполнительному производству, утв. постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 07.04.2017 г. № 67 «Об утверждении инструкции по исполнительному производству и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства юстиции Республики Беларусь» (далее – Инструкция по исполнительному производству), возмещение хранителю расходов за хранение имущества производится в порядке, установленном ст. 89 Закона Республики Беларусь «Об исполнительном производстве». А именно: хранитель имущества, если таковым не является должник (член его семьи), вправе на основании постановления судебного исполнителя получить возмещение расходов за хранение имущества. Согласно п. 177 Инструкции по исполнительному производству к расходам по исполнению исполнительного документа относятся денежные средства, затраченные, в том числе, на хранение арестованного имущества должника.

Поклажедателем в рассмотренных случаях выступает орган принудительного исполнения, хотя прямое указание об этом в актах законодательства отсутствует. Так, если предположить, что лицо, чье имущество арестовано (должник) в рамках исполнительного производства, выступало бы поклажедателем по договору хранения, то оно могло бы в любой момент забрать вещь исходя из содержания ст. 794 ГК, согласно которой хранитель обязан по первому требованию поклажедателя возвратить принятую на хранение вещь, хотя предусмотренный договором срок ее хранения еще и не окончился.

Таким образом, для того чтобы признать лицо поклажедателем в силу ст. 796 ГК, принадлежность ему имущества на праве собственности или ином правовом титуле не обязательна.

Анализируемая ст. 796 ГК, определяющая хранение в силу акта законодательства, слишком абстрактна и дополнение ее положениями, определяющими особенности субъектного состава такого договора, упростило бы понимание данного института.

Список источников

1. **Боровиковский, А. Л.** Уставъ гражданского судопроизводства съ объясненіями по решеніямъ гражданского кассационнаго департамента и общаго собранія кассационныхъ и I b II департаментовъ правительствующаго сената / А. Л. Боровиковский. – Изд. 6-е. – С.-Петербургъ : Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13: 1908. – 1117 с.
2. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. – М. : Юрид. лит., 1985. – Т. 3 : Акты Земских соборов. – 512 с.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЦ, ОТБЫВАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Крагилева Владислава Борисовна, Мурзич Вениамин Иосифович,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются вопросы организации работы по правовому воспитанию осужденных в местах лишения свободы. Авторами определены цели, субъекты и формы таковой деятельности, выделены основные особенности. Затронуты вопросы обеспечения возможности получения образования осужденными как одного из средств воспитания осужденных.

Воспитательная работа с осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь выступает в качестве одного из средств достижения целей уголовной ответственности. Целью воспитательной работы является обеспечение исправления осужденного, формирования у него правомерных установок, повышения уровня правосознания и правового воспитания. В конечном счете воспитательная работа в комплексе с другими средствами исправительного воздействия должна способствовать социализации осужденных и недопущению повторного совершения преступлений и иных правонарушений. Таким образом, воспитательная работа в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, является частью как уголовной, так и уголовно-исполнительной политики, подчинена целям уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Воспитательная работа, осуществляемая сотрудниками учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, включает нравственное, правовое, трудовое воспитание. Рассмотрим более подробно вопросы организации правового воспитания осужденных.

Правовое воспитание осужденных включает: привитие осужденным правовой культуры; формирование у осужденных необходимого объема знаний о нормах законодательства, регламентирующих основные сферы жизнедеятельности, уважение к нормам права и критического отношения к нарушителям законодательства Республики Беларусь; убеждение осужденных в необходимости соблюдать законодательство в процессе жизнедеятельности, в том числе при возникновении сложных жизненных ситуаций; формирование у осужденных восприятия потребления алкоголя, наркотических средств, психотропных, токсических и иных одурманивающих веществ как одной из основных

причин совершения преступлений; разъяснение осужденным необратимых негативных последствий употребления алкоголя, наркотических средств, психотропных, токсических и иных одурманивающих веществ для человеческого организма; информирование осужденных об их правах и обязанностях, условиях и порядке отбывания наказания.

Ключевым в процессе правового воспитания является необходимость обеспечения формирования у осужденных уважения к закону, понимания необходимости следовать предписаниям правовых норм.

Правовое воспитание осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь представляет собой организованный, строго упорядоченный процесс, четко регламентированный нормативными правовыми актами. Координирует деятельность по организации воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях, в том числе организацию правового воспитания, Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Осуществление правового воспитания осужденных строго ограничено рамками срока отбывания наказания в пенитенциарном учреждении. После отбытия наказания обязанность по осуществлению воспитательного воздействия возлагается на иные субъекты (должностных лиц уголовно-исполнительной инспекции, территориальные органы внутренних дел).

Формами правового воспитания выступают проведение лекций, бесед, викторин, организация дискурса. Немаловажная роль должна отводиться проведению бесед по вопросам разъяснения законодательства с привлечением работников суда, прокуратуры, следователей и юристов. Также положительную роль в правовом воспитании осужденных оказывает просмотр телепередач по правовой тематике.

Содействует правовому воспитанию возможность получения образования лицами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. Вопросу получения образования осужденными в ныне действующем УИК посвящена статья 109. В соответствии с указанной статьей лицам, отбывающим наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, гарантируется возможность получения общего среднего, профессионально-технического образования и прохождения профессиональной подготовки [2, ст. 109].

Образование осужденных, отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях Республики Беларусь, также как и правовое воспитание, осуществляется в самом исправительном учреждении. В свою очередь субъектами образования выступают педагоги, работающие в исправительных учреждениях, а также администрация мест лишения свободы (на последних возлагается функция организации образовательного процесса). Важно отметить, что в 2015 г. для предоставления осужденным возможности получить высшее образование в исправительной колонии № 4 управления Департамента исполнения

наказаний МВД по Гомельской области открылся Центр дистанционного доступа к электронной образовательной среде. В сентябре 2016 г. аналогичные центры созданы еще в трех исправительных учреждениях: исправительная колония № 22 и 2, воспитательная колония № 2. Благодаря Центру дистанционного доступа к электронной образовательной среде осужденные могут получить высшее образование, в том числе по специальности «юриспруденция». В дальнейшем планируется, что подобная система дистанционного обучения будет применена во всех учреждениях пенитенциарной системы страны [1].

Немаловажная роль отводится мотивированию осужденных к их исправлению и перевоспитанию. С этой целью в соответствии действующим УИК разработана и активно применяется система мер поощрения и взыскания. Например, за надлежащее выполнение установленных законодательством обязанностей, добросовестное отношение к труду, обучению, участие в воспитательных мероприятиях осужденным могут предоставить дополнительное краткосрочное или длительное свидание; увеличить дополнительно время прогулки содержащимся в тюрьме на один час в течение месяца; перевести содержащихся в исправительной колонии особого режима после отбытия одной трети срока наказания из помещений камерного типа в обычные жилые помещения [2, ст. 110].

Важно отметить, что в целях развития и поощрения полезной инициативы у осужденных, использования возможностей коллектива в воспитательном процессе, в ИУ создаются самостоятельные организации осужденных, работающие под руководством администрации.

Таким образом, правовое воспитание лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь, представляет собой упорядоченный, строго регламентированный процесс, временные пределы которого ограничены сроком отбытия наказания в местах лишения свободы, цели которого подчинены общим целям уголовной ответственности и наказания – исправление и перевоспитание лица, совершившего преступление.

Список источников

1. В Беларуси открыт первый образовательный центр для получения высшего образования заключенными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by>. – Дата доступа: 22.08.2017.
2. Уголовно-исполнительный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ЭВТАНАЗИЯ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ

Козлова Валерия Дмитриевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной статье анализируется сущность института эвтаназии с учетом правовых аспектов. Автор рассматривает законодательный подход к эвтаназии Республики Беларусь.

На протяжении многих веков данная тема активно обсуждалась и обсуждается медицинскими работниками, философами, священниками и юристами. Меняется общество, а значит, и меняются взгляды на жизнь и современные проблемы. Однако до сих пор человечество не пришло к однозначной оценке проблемы эвтаназии. Термин «эвтаназия» ввел английский философ Фрэнсис Бэкон (от греч. *euthanasia*, *eu* – хорошо, *thanatos* – смерть) в XVI в. Эвтаназия – практика прекращения жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием, испытывающего невыносимые страдания [4]. Термин эвтаназия существует множество веков, но правоведы не могут придти к общему «знаменателю» ее конкретному объяснению. Однако проанализировав различные источники, можно придти к выводу, что все юристы сходятся в одном: эвтаназия есть умышленное причинение смерти больному. Видимо, большинство авторов согласны, с тем, что цель эвтаназии – прекращение страданий, и на этом сходство мнений заканчивается.

Отношения к эвтаназии зачастую находятся в рамках правового проблемного поля. Предписание о праве человека на жизнь гарантировано государством и содержится в конституциях практически всех стран мира, в нашей стране это статья 24 Конституции Республики Беларусь, а также – статья 3 Всеобщей декларации прав человека [1; 2]. Одно из проявлений данной гарантии заключается в том, что человек, который совершил покушение на суицид, будет принудительно, если это возможно, возвращен к жизни. По нашему мнению, в контексте данной темы основным является не только право на жизнь, но и право на смерть. Данное право необходимо расценивать как возможность лица сознательно и добровольно уйти из жизни избранным им и законным для него способом, так как, отказывая человеку в праве на смерть, государство и общество, тем самым, ограничивают человека в свободе [2]. Однако правовых критериев для человека, совершившего попытку лишить себя жизни, не предусматривается.

В процессе исследования эвтаназии необходимо выделить ряд аспектов, актуальность которых способствовала бы приданию общественной важности

и государственной значимости вышеозначенной проблеме: общеправовой; религиозно-нравственный; экзистенциальный; естественно-правовой; уголовно-правовой.

В то же время в уголовно-правовой сфере возникает проблема надлежащей правовой оценки причинения смерти по мотиву сострадания. Во-первых, сложности обусловлены наличием возможности корыстной заинтересованности родственников и коррупционной направленностью врача, что существенным образом влияет на квалификацию деяния. Во-вторых, возникают проблемы ограничения, так называемой, пассивной эвтаназии от составов, предусмотренных ст. 161 часть 1 УК Республики Беларусь – для врача; ст. 159 УК Республики Беларусь – для родственников [3]. Соответственно, по действующему уголовному законодательству Республики Беларусь правовая оценка проведения эвтаназии может быть расценена как особо тяжкое преступление (ст. 139 часть 2 пункт 12 УК) [3]. Сейчас выделяют 2 вида эвтаназии: пассивная и активная. Активная эвтаназия – это введение умирающему медицинских препаратов, которые влекут за собой быструю и безболезненную смерть. Также активную эвтаназию относят к самоубийству с врачебной помощью. Но стоит отметить, что такую эвтаназию имеет право выполнить как сам врач, так и сам больной, при участии медицинского работника. Пассивная эвтаназия – это целенаправленное прекращение жизни медицинскими работниками, оказание направленной на продление жизни медицинской помощи, что необратимо вызывает наступление «естественной смерти». Видами пассивной эвтаназии могут быть: отключение больного от аппарата, поддерживающего его жизнь и др. Различают добровольную эвтаназию (эвтаназия проводится по просьбе больного, в США также с помощью юридического соглашения, в случае комы) и принудительную эвтаназию (эвтаназия проводится без согласия больного, который находится в бессознательном состоянии) [4]. Если исходить из вышесказанного, то следует сделать вывод, что пассивная эвтаназия в Республике Беларусь имеет место быть.

В литературе широко используется термин «умышленное лишение жизни», соответствующий действующему законодательству, и в котором подчеркиваются особенности как объективных, так и субъективных признаков данного преступного деяния. Разумеется, если квалифицировать эвтаназию как убийство по мотиву сострадания, необходимо учитывать такие факторы как: медицинские показания, согласие потерпевшего/близких родственников, объективность соответствующих данных.

Полагаем, что понятие эвтаназии требует законодорческого закрепления, оно должно быть в современном уголовном законодательстве Республики Беларусь. Следовательно, необходимо выделить эвтаназию в отдельную статью УК Республики Беларусь, в которой будет предусмотрена ответственность соответствующее деяние. Но при этом квалификация по данной статье будет

лишь при сочетании ряда признаков, отличных от простого убийства. Также стоит отметить, что эвтаназию должно осуществлять незаинтересованное лицо. Поэтому в контексте данной статьи следует предусмотреть ответственность лица, совершившего эвтаназию с целью получения выгоды.

Таким образом, наказание за причинение убийства по мотиву сострадания в ситуации, когда применяется эвтаназия, должно соответствовать содеянному. Такого соответствия можно добиться, лишь введением процедуры эвтаназии в отдельную статью уголовного кодекса Республики Беларусь.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека: Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека : Минск, 26 мая 1995 г. – Минск : Амафeya, 2017. – 28 с.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. По состоянию на 3 марта 2017 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 304 с.
4. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 15.09.2017.

УДК 347.63

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИМИ ПРАВАМИ И ПРАВО РЕБЕНКА НА ЗАЩИТУ

Корик Татьяна Витальевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Раскрыты понятия «злоупотребление родительскими правами», «ответственность за нарушение прав ребенка». Освещены основные права детей и обязанности родителей по отношению к ним.

В настоящее время проблема злоупотребления родительскими правами актуальна в современном обществе. Родители должны и обязаны защищать права и законные интересы своих детей, а не нарушать их. Права ребенка – это в первую очередь права человека, которые не должны нарушаться каким-либо образом, поэтому стоит всеми силами стремиться к совершенствованию законодательства в данной области, ведь стать полноценным членом современ-

ного общества ребенок сможет только посредством положительного развития в семье.

Основополагающими документами в сфере охраны прав детей в Республике Беларусь являются Конституция Республики Беларусь [2], Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» [3] и Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [1].

Родители или лица, их заменяющие, обязаны воспитывать детей, заботиться о них, обучать и всецело развивать в разных направлениях. Родители, проживающие отдельно от ребенка, не освобождаются от обязанности по защите его прав и интересов. Не могут осуществлять такую защиту лишь лица, лишенные родительских прав, граждане, у которых ребенок отобран по решению суда либо органом опеки и попечительства, лица, по решению суда признанные недееспособными, граждане, в силу решения суда, ограниченные в дееспособности из-за злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами.

Ребенок имеет право на жизнь, охрану здоровья, достойный уровень жизни, неприкосновенность личности и защиту от эксплуатации и насилия, свободное выражение мысли, защиту чести и достоинства и многое другое. Он не должен подвергаться жестокому обращению или унижению со стороны родителей. Привлечение к работам, которые могут нанести физический, умственный или нравственный вред развитию ребенка, также запрещено законодательством. Все эти меры направлены на то, чтобы ребенок имел счастливое детство [2, ст. 32].

Родители являются законными представителями своих несовершеннолетних детей, они выступают в защиту их прав и законных интересов [1, ст. 73].

Однако нужно отметить, что родители нередко ущемляют своих детей в их правах. Несовершеннолетние, находясь в зависимых отношениях, ничего не способны сделать для разрешения этой ситуации и вынуждены подчиниться воле родителей. Зачастую подобное ущемление прав несовершеннолетних не является единичным случаем, а носит систематический характер. Поэтому так важно прекратить подобное отношение к ребенку, нередко путем вмешательства государства в дела таких семей.

При несоблюдении родителями или лиц, их заменяющих, своих обязанностей в отношении своих детей, последние могут быть отделены от своей семьи против воли родителей или лиц, их заменяющих, только по решению суда. Родители, лишенные родительских прав или ограниченные в правах, теряют права, основанные на факте родства с ребенком, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей. Лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанностей по содержанию ребенка. Для государства права ребенка являются приоритетными, так как в силу своего возраста они являются незащищенными и уязвимыми

членами общества, которым требуется защита, и, если эту защиту не могут дать родители, то эту роль на себя берет государство [2, ст. 32].

Важнейшую роль в соблюдении прав несовершеннолетних играют законные представители, а также государство в лице органов опеки и попечительства и комиссии по делам несовершеннолетних. Родительские права не могут вступать в противоречие с интересами детей. Обеспечение этих интересов должно быть предметом основной заботы родителей. Государство охраняет неприкосновенность личности ребенка, осуществляет его защиту от всех видов эксплуатации, физического и психологического насилия, жестокого, грубого и оскорбительного обращения, сексуальных извращений, от вовлечения в преступную деятельность, приобщения к спиртным напиткам, немедицинскому употреблению наркотических, токсических, психотропных и других одурманивающих средств, принуждения к занятию проституцией, попрошайничеством, азартными играми со стороны родителей, лиц, их заменяющих, и родственников [3, ст. 9].

Законодательно закреплены нормы, устанавливающие права ребенка на безопасность, достойные условия жизни и развития, воспитание и достаточное содержание; права родителей и детей на взаимное общение, равно как и родственников; защиты детства от незаконных посягательств любых лиц и организаций, в том числе с привлечением специализированных государственных структур; охрану имущественных прав детей [4, с. 292–293]; возможность смены фамилии, имени и отчества.

В случае, если родители ведут аморальный образ жизни, являются алкоголиками или наркоманами, пренебрегают своими родительскими правами, либо не обеспечивают достойные условия жизни, тогда такие дети подлежат государственной защите.

Согласно ст. 66-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье при невыполнении или ненадлежащем выполнении родителями своих обязанностей по воспитанию, обучению либо содержанию детей, злоупотреблении родительскими правами, отрицательном влиянии на поведение детей, жестоким обращении с ними дети самостоятельно могут обратиться за защитой своих прав и законных интересов в комиссии по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, прокуратуру, а по достижении четырнадцати лет – и в суд [1].

Таким образом, родители несут ответственность за своих детей. Каждый ребенок имеет право на счастливое детство и государство должно это гарантировать, независимо от любых форм неравенства. При ненадлежащем исполнении своих родительских прав и обязанностей, государство осуществляет защиту прав ребенка путем помещения их на государственное обеспечение. В любом случае, права и законные интересы ребенка идут в приоритете у государства. Права детей защищаются во всевозможных ситуациях и обстоятель-

ствах. Предпринят комплекс мер с целью их защиты от всех видов и форм насилия, грубого обращения или эксплуатации.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. О правах ребенка [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-ХП : в ред. от 11.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. **Чечкова, С. П.** Управление имуществом подопечных / С. П. Чечкова // «Борьба с преступностью: теория и практика» : материалы Международной науч.-практ. конференции, Могилев. 4–5 апреля 2013 г. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2013. – С. 292–293.

УДК 342.4 (476)

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Макштарева Алина Игоревна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Конституционное правосудие является важнейшей основой для развития современных демократических государств. Становление суверенной государственности в союзных республиках после распада Советского Союза неизбежно коснулось национальных правовых систем и их реформирования с позиции новых конституционных основ. В первую очередь особое место в конституционном законодательстве стран СНГ было уделено правовому регулированию деятельности органов конституционного контроля.

Поступательное преобразование Беларуси в демократическое правовое государство требовало более совершенной государственно-правовой системы защиты прав и свобод населения. На всех этапах становления белорусской государственности, судебная система подвергалась изменениям, которые отвечали политическим, экономическим и социальным реалиям конца XX в.

Для создания эффективной судебной системы в соответствии с Конституцией 1994 г. был создан Конституционный суд, который занял особое место в процессе воплощения в жизнь верховенства Конституции, утверждения конституционной законности, становления конституционализма, обеспечения верховенства права. Стоит отметить, что за основу белорусской модели конституционного контроля законодатели переняли французский опыт, т. е. исключили прямой доступ граждан к конституционному правосудию и ограничили круг субъектов, правомочных обращаться в Конституционный суд. Компетенция была определена исходя из австрийской модели, которая предполагает проверку конституционности не только законов, но и других нормативных правовых актов различного уровня.

Формирование и развитие конституционного контроля в Республике Беларусь прошло несколько этапов своего становления. Так, с 1994 г. Конституционный суд выполнял чаще роль арбитра во взаимоотношениях между ветвями власти, что способствовало конституционному формированию белорусской государственности. После республиканского референдума 1996 г. были уточнены роль и место Конституционного суда в системе судебной власти.

Правотворчество в Республике Беларусь в начале 2000-х гг. основывалось на положениях, закрепленных в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [4], Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, Правилах подготовки проектов нормативных правовых актов, утвержденных указами Главы государства. Данные программные документы обеспечили последовательность и комплексность законодательного процесса в нашей стране.

В Беларуси активно осуществляется процесс кодификации законодательства, направленный на комплексное правовое регулирование различных сфер общественных отношений. В сфере судостроительства, исходя из единства судебной системы и единства статуса судей, принят Кодекс о судостроительстве и статусе судей 29 июня 2006 г., в котором регламентируются вопросы компетенции и организационно-правовые аспекты деятельности Конституционного суда [1].

С 2008 г. Конституционный суд, наделенный правом осуществления обязательного предварительного контроля конституционности всех законов, принятых Парламентом, до подписания их Президентом Республики Беларусь, практическую деятельность направлял на устранение правовой неопределенности, выявление конституционно-правового смысла норм законов до вступления их в силу.

В Республике Беларусь конституционный контроль осуществляется по предложению уполномоченных субъектов, а именно: Президента, палат Парламента, Правительства и Верховного суда. Так, за 20 лет своей работы, уполномоченные субъекты более 70 раз обращались в Конституционный суд

с предложениями о проверке конституционности нормативных правовых актов и в 49 решениях положения законно и иных НПА были признаны не соответствующими Конституции [2, с. 19–20]. Некоторые заключения касались законодательства о полномочиях органов государственной власти, органов местного управления и самоуправления, прав и свобод граждан. Наблюдается тенденция постоянного совершенствования нормотворческого процесса, в ходе которого должное внимание уделяется анализу нормативных положений на соответствие Конституции еще на стадии подготовки проектов НПА.

Практическая деятельность Конституционного суда, проверившего конституционность более 700 законов, свидетельствует о положительном влиянии принятых решений на утверждение конституционности в законотворческом и правоприменительном процессах. Стоит отметить, что с каждым годом повышается ответственность парламентариев за соблюдением конституционных норм и принципов при принятии законов, а также своевременно устраняются при дальнейшем совершенствовании законодательных актов.

С целью повышения эффективности конституционного правосудия принят Закон «О конституционном судопроизводстве», который в апреле 2014 г. вступил в силу [3]. Регламентация на законодательном уровне в отдельном законе процессуального порядка рассмотрения дел в Конституционном суде обеспечивает всем участникам конституционного судопроизводства прозрачность и последовательность процессуальных процедур.

Одним из важнейших направлений развития законотворческого процесса в наши дни является более широкое внедрение в практику законотворчества института правового мониторинга. По поручению Администрации Президента Республики Беларусь Национальным центром законодательства и правовых исследований был подготовлен Указ Президента Республики Беларусь «О правовом мониторинге в Республике Беларусь», который поспособствовал приведению нормативной базы в полное соответствие с регулируемыми общественными отношениями.

В настоящее время Беларусь развивается как суверенное, демократическое, правовое, социальное государство, основанное на Конституции, в которой закреплены основные принципы устройства общества и государства. Систематическое и последовательное развитие конституционного контроля является неотъемлемой частью современной Республики Беларусь. Важно учитывать мировые тенденции развития в области прав человека, сохранение конституционной идентичности с учетом исторических условий, национальных традиций и ценностей.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей, 29 июня 2006 г., № 139-З в ред. от 29.01.2017 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Конституционный контроль: современные тенденции развития и совершенствования. Constitutional review: modern tendencies of development and improvement: материалы Междунар. конф., посвящ. 20-летию Конституционного Суда Республики Беларусь (Минск, 27–28 июня 2014 г.) / Конституционный Суд Республики Беларусь ; ред. кол.: О.Г. Сергева [и др.]. – Минск : Белорусский Дом печати, 2014. – 256 с.
3. О конституционном судопроизводстве [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. – Минск, 2017.
4. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный вариант]: Закон Республики Беларусь, от 10 янв. 2000 № 361-З; в ред. от 2 июля 2009 г. № 31-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000. – Минск, 2017.

УДК 343.244

СОДЕРЖАНИЕ НАКАЗАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ

Минина Виктория Владимировна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы важное значение приобретает практическая реализация мер по изменению карательной политики государства в направлении ее либерализации в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести. В связи с этим статья посвящена анализу содержания такого вида наказания как общественные работы.

Одним из основных направлений гуманизации карательной политики, направленной на сокращение численности осужденных в местах лишения свободы, является более широкое применение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в частности общественных работ.

Согласно статистическим данным, приводимым Верховным судом Республики Беларусь в 2016 году, общественные работы были назначены 4411 чел., при этом несовершеннолетним данный вид наказания не назначался. По частоте применения данное наказание занимает третье место после штрафа (5196 чел.) и ограничения свободы, назначаемого без направления в учреждение открытого типа (5158 чел.). Однако общественные работы доминируют над другим видом наказания, который также связан с привлечением осужденного к труду, а именно исправительные работы (за 2016 г. – 2166 чел.) [1].

Согласно принятой Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, одной из основных задач оптимиза-

ции уголовных наказаний является «расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности» [2]. Соответственно предполагается увеличение процента лиц, осуждаемых к наказаниям не связанным с изоляцией лица от общества и расширение практики назначения данных наказаний судами. Общественные работы по данному документу это тот вид наказания, который влечет относительно незначительные затраты на его исполнение, способствует привитию осужденным навыков общественно полезного поведения, и следовательно является одним из способов для достижения поставленной задачи. Кроме того, наказания, аналогичные общественным работам, предусмотренные уголовным законодательством Республики Беларусь, получили заслуженное внимание в зарубежных странах, и опыт применения данного наказания является ценным для отечественного законодательства. В большинстве данный вид наказания выступает реальной альтернативой лишению свободы, хотя содержание и порядок его исполнения незначительно отличаются от белорусского законодательства.

В ч. 1 ст. 49 УК Республики Беларусь (далее – УК) определено содержание наказания в виде общественных работ, которое заключается в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ [3]. Анализ юридической литературы показал, что в содержании наказания общественных работ выделяется его количественная и качественная стороны.

Рассматривая количественную сторону необходимо говорить об объеме и степени правоограничений, которые возлагаются на осужденного. Так, под объемом правоограничения следует понимать продолжительность (срок) наказания. Согласно ч. 2 ст. 49 УК общественные работы устанавливаются на срок от 60 до 240 часов, а для несовершеннолетних – от 30 до 180 часов (ст. 110 УК). По мнению автора, необходимо увеличить карательное содержание общественных работ, путем увеличения срока наказания до 480 часов.

Степень правоограничений определяется интенсивностью данного наказания, которая выражается в том объеме часов ежедневной занятости лица, осужденного к общественным работам. Так, интенсивность данного наказания закреплена в ст. 25 УИК Республики Беларусь и выражается в том, что время общественных работ не может превышать четырех часов в выходные дни и в дни, когда осужденный не обучается или не занят на основной работе; в рабочие дни, дни проведения учебных занятий – двух часов, а по просьбе осужденного – четырех часов. Тем не менее, время общественных работ в течение недели, как правило, не может быть менее двенадцати часов. Продолжительность общественных работ, отбываемых несовершеннолетним осужденным, не может превышать трех часов в дни, когда осужденный не обучается или не занят на основной работе, а в рабочие дни, дни проведения учебных занятий – двух часов, но не более трех дней в неделю [4].

Качественная сторона содержания общественных работ выражается в ограничении права на труд, на свободу выбора вида труда и права на отдых. Во-первых, на осужденного возлагается обязанность выполнить неоплачиваемую за его труд работу. Во-вторых, осужденный не обладает правом по своему желанию избрать вид работы или его объект, эта обязанность возлагается на специально уполномоченные органы – местные исполнительные и распорядительные органы по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Как правило, общественные работы не требуют от лица особой квалификации и могут выполняться любым трудоспособным человеком. В большинстве случаев они заключаются в выполнении таких работ как – благоустройство территорий, уборка улиц и помещений, осуществление погрузочных работ, уход за зелеными насаждениями и т. п. В-третьих, что касается права ограничения на отдых, то оно заключается в том, что работа осуществляется осужденным в свободное от основной работы или учебы время [5, с. 330].

Таким образом, на взгляд автора, содержание общественных работ выражается в отрицательной оценке государства на преступное поведение лица, продолжительности наказания, оказании исправительно-воспитательного воздействия путем принудительного привлечения к труду, бесплатности выполняемых работ, а также наличия судимости. В связи с вышеизложенным автор полагает, что содержание наказания в виде общественных работ является достаточно эффективным, поскольку основным средством исправления является общественно полезный труд. Тем более, как свидетельствуют статистические данные, такое наказание достаточно часто применяются среди наказаний, не связанных с изоляцией от общества. И это еще раз подчеркивает актуальность назначения данного вида наказания.

Список источников

1. Статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://court.gov.by/> – Дата доступа: 01.10.2017.
2. Об утверждении концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения : Указ Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года № 672 // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2017.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 января 2000 г., № 365-3 : принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г. : в ред. закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. **Минина, В. В.** Эффективность применения наказания в виде общественных работ / В. В. Минина // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки в Республике Беларусь : VI Межд. науч. конф., Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, 2 июня 2017 г.; ред. кол.: С. М. Сивец [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 330–333.

УДК.343.95

НА ШЛЯХУ ДА НЕЗАЛЕЖНАСЦІ І КАНСТЫТУЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: ГІСТОРЫКА-ПРАВОВАЕ СТАНАЎЛЕННЕ І РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

Молчан Андрэй Васільевіч,

ДУА «Лапіцкая сярэдняя школа»

(Магілёўская вобласць, Асіповіцкі раён, а/г Лапічы, Беларусь)

У дакладзе наведамляецца аб гістарычных этапах на шляху да незалежнасці і суверэнітэту беларускай дзяржавы праз прававыя моманты, вынікам якіх стала стварэнне сучаснай самастойнай і незалежнай Рэспублікі Беларусь. Даецца гісторыка-прававая характарыстыка і адзнака кожнага з іх.

Кожная сучасная дзяржава ў свеце мае свой уласны шлях да суверэнітэту. Не выключэннем з’яўляецца і сучасная Рэспубліка Беларусь. Для нашай краіны ён быў цяжкі і складаны, але ў той жа час ад гэтага не меней і цікавы.

Першай беларускай дзяржавай безумоўна з’яўляецца Полацкае княства. Але першым пісьмовым прававым помнікам не толькі беларусаў, але і ўсіх усходніх славян – “Руская Праўда” Кіеўскай Русі. Змест Праўды ўтрымліваў апісанні судовага працэсу, правядзення і здабычы судовых доказаў, а таксама меры пакаранняў. З гісторыі вядома, што Полацкае княства пастаянна вяло барацьбу з Кіевам за сваю самастойнасць. Але тым не менш распаўсюджвалася “Руская Праўда” на ўсе землі ўсходніх славян: Полаччына, Наўгародчына, Кіеўшчына, Чарнігаўшчына і інш.

Калі казаць пра першую Канстытуцыю на беларускіх землях, ці спробу стварэння яе, дык тут шматлікія даследчыкі гісторыі і права разыходзяцца ў думках і поглядах, і адны з іх называюць першай Канстытуцыяй менавіта Статут Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ) 1588 г. За час існавання ВКЛ, было выдадзена тры Статуты: 1529 год, 1566 год і 1588 год. Аднак апошні з іх замацоўваў і рэдагаваў папярэднія выданні. Але ці з’яўляўся ён насамерч Канстытуцыяй? Калі ўглыбіцца ў падзеі таго часу, то вядома, што адна з яго мэтай і была замацаваць і падкрэсліць самастойнасць ВКЛ ад Польшчы. Безумоўна, Статут, па сутнасці скасоўваў Крэўскую ўнію, згодна з якой ВКЛ

павінна было проста ўвайсці ў склад Польшчы. І, згодна Статуту, ВКЛ захавала пэўную самастойнасць. Аднак не аб якой поўнай незалежнасці, якую павінна замацоўваць Канстытуцыя, канешне нават і не магло ісці размовы, бо Княства так і праіснавала з Польшчай у адной дзяржаве – Рэчы Паспалітай, да самога сканчэння яе існавання як дзяржавы ў 1795 г.

Што ж наконт астатняга, дык Статут таксама змяшчаў артыкулы, прысвечаныя правам і абавязкам усіх грамадзян ВКЛ, шмат увагі ўдзялялася судовай справе, што ў прынцыпе змяшчаюць Канстытуцыі сучасных краін свету, у тым ліку і Беларусі. Так жа падкрэсліваецца абмежаванасць улады Вялікага князя, што падкрэслівае дэмакратычнасць дзяржавы таго часу. Праўда, што датычыцца правоў і свабод, дык Статут у гэтым сэнсе даваў пашыраныя правы ў асноўным толькі шляхецкаму саслоўю. Але гэта дыктуе не Статут, а сам час, дзе яшчэ існавала саслоўнае раздзяленне насельніцтва. Ды й сялянства па сваёй сутнасці ў той час нічога не мела акрамя абавязкаў, бо нават свае нешматлікія правы не ведала, таму што даведацца аб іх не магло з прычыны няграматнасці і агульнай адсутнасці ведаў у якой-небудзь навуцы, акрамя апрацоўкі зямлі і вядзенні гаспадаркі. Таму можна сказаць, што фактычна Статут ВКЛ працаваў для інтэрэсаў часткі насельніцтва: адна частка мела з большасці правы, а другая – з большасці абавязкі.

Далей ужо была створана агульная Канстытуцыя Рэчы Паспалітай, якая выйшла ў свет 3 мая 1791 г. Вось яна ўжо афіцыйна прызнаецца першай Канстытуцыяй Еўропы. Але праіснавала не доўгі тэрмін, бо праз некалькі год Рэч Паспалітая была падзеленая паміж Расіяй, Аўстрыяй і Прусіяй ды ўвогуле знікла з карты Еўропы як дзяржава. Канстытуцыя была накіравана на захаванне краіны, абарону свайго суверэнітэту і незалежнасці. У яе адразу з’явіліся па розных прычынах і прыхільнікі, і праціўнікі. Аб шырокіх грамадзянскіх правах, і тым больш свабодзе і роўнасці правоў і абавязкаў для ўсяго насельніцтва, у ёй не гаварылася. Ды й зразумела, бо мэта была іншая. Але, менавіта гэта акалічнасць і стала потым лёсавызначальным момантам.

Са знікненнем Рэчы Паспалітай пачынаецца новы перыяд у нашай гісторыі, дзе беларускія землі знаходзяцца ў складзе Расійскай імперыі. Расійскія ўлады яшчэ нейкі час дапускалі існаванне Статута 1588 г. на нашых землях, бо ён, нягледзячы на сваю даўнасць, усё ж больш адпавядаў старадаўнім традыцыям жыцця беларускага насельніцтва, чым расійскае заканадаўства. Нягледзячы на ўсе недахопы Статута, усё ж такі ён быў лепей за расійскія законы, якія не прадугледжвалі аніякіх свабод, нават абмяжоўваючы сваё прывілеяванае саслоўе – дваранства. Але расійскія ўлады не адразу рашыліся на гвалтоўныя змены ў нашых землях, таму карысталіся заканадаўствам ВКЛ ажно да 1840 г., да поўнага скасавання Статута 1588 г. Вядома ж, ні пра якую Канстытуцыю ў Расіі нават і думкі не павінна было быць. Сярод расійскага дваранства такая думка была, але царскае самаўладдзе не хацела нават хоць нейкім чынам

абмяжоўваць сваю ўладу. Таму ўсе спробы пріхільнікаў стварэння расійскай Канстытуцыі жорстка прысякаліся ўладай.

Пасля лютаўскай рэвалюцыі ў 1917 г., пад час якой расійскае самаўладдзе пала, беларусы загаварылі аб стварэнні сваёй уласнай дзяржавы. 25 сакавіка 1918 г. было аб'яўлена аб незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі. За вельмі кароткі час яе існаваня, адведзены гісторыяй, ураду БНР удалося стварыць многа, але Канстытуцыю, якая б замацавала незалежнасць і суверэннітэт маладой беларускай дзяржавы, нажаль, стварыць так і не ўдалося. Мажліва б і лёс яе быў зусім іншым. І ўжо ў 1919 г., Беларуская Савецкая Сьцвялістычная Рэспубліка стварае Канстытуцыю. Пачынаецца новы, савецкі перыяд гісторыі Беларусі. За час існавання савецкай Беларусі паступова ствараецца і дзейнічае некалькі Канстытуцый – 1919 г., 1927 г., 1937 г., 1978 г.

Калі казаць ужо пра гэты этап беларускай дзяржаўнасці і права, то трэба ў першую чаргу адзначыць і падкрэсліць, што яны цалкам адпавядалі таму часу і ўмовам існавання ў Савецкім Саюзе (СССР), бо цалкам апіраліся на агульную дзяржаву і Канстытуцыю СССР (у 1919 г. – на Канстытуцыю РСФСР). У іх змяшчаліся палажэнні, якія ў большасці адпавядалі рэчаіснасці савецкай палітычнай сістэме, будуючай савецкі лад і грамадства. Напрыклад, гаварылася аб свабодзе і правах грамадзян, а насамрэч усё праходзіла згодна партыйнай лініі КПБ(б) (пазней КПСС). Адначасова нават і падкрэслівалася вядучая роля ў дзяржаве толькі партыі. Але рабілася гэта такім чынам, што камуністычная партыя і была народам. Такім чынам Канстытуцыі замацоўвалі забарону ўсялякай іншай думкі, бо лічылася, што ў СССР думкі іншай, акрамя поглядаў партыі быць не можа. Таму ў рэальнасці іншадумцаў вынішчалі, нават калі іх і не было, іх стваралі. Таму пры наяўнасці Канстытуцыі ў СССР і запісаных у ёй свабодах і правах, іх рэальна не існавала. Таксама казалася пра свабоду народаў і рэспублік, якія ў любы момант маглі пакінуць Саюз, але, вядома, што па факту гэтага не магло адбыцца.

Іншая сітуацыя склалася на прыканцы 1980-х гг., калі пад пытаннем стаяла ўжо існаванне самога Савецкага Саюза. 1990 год у гісторыі названы як год “Параду суверэннітэтаў”. З СССР пачалі выходзіць адна рэспубліка за другой. Стварыла сваю дэкларацыю суверэннітэту і Беларусь. Але пакуль аб Незалежнасці казаць было рана. Дэкларацыя набыла канстытуцыйны статус, а ў 1991 г. Беларусь аб'явіла сябе незалежнай краінай. Толькі пасля гэтага была створана і Канстытуцыя, якая ўступіла ў сілу 15 сакавіка 1994 г.

Канстытуцыя замацавала суверэннітэт краіны, правы і свабоды ўсіх грамадзян Рэспублікі Беларусь, незалежна ад полу, стану ў грамадстве. Яна з'яўляецца асноўным і галоўным Законам краіны. Артыкулы Закона датычацца абсалютна ўсіх грамадзян рэспублікі. Складзена была Канстытуцыя зыходзячы з міжнародных прававых правілаў і норм, а таксама Усеагульнай

дэкларацыі праў чалавека, а таксама міжнародных канвенцый, якія датычацца правоў чалавека, якія падпісала і Рэспубліка Беларусь. Канстытуцыя аб'яўлена ад імя народа і пачынаецца са слоў: “Мы, народ Рэспублікі Беларусь (Беларусі).” [3, с. 3], гэта кажа аб тым, што краіна належыць выключна яе народу і нікому больш і гэта менавіта ён стварыў сваю ўласную незалежную дзяржаву, і ўлада ў ёй належыць выключна народу.

Такім чынам, каб падвесці вынік усяму вышэйсказанаму, трэба адзначыць некалькі галоўных высноў.

Па-першае, беларускі народ не адразу і не нядаўна пачаў ствараць сваю дзяржаўнасць, а шмат вякоў таму назад, і ў адпаведнасці з гэтым пастаянна спрабаваў заканадаўча замацаваць свае правы і свабоды, падкрэсліваючы такім чынам сваю самастойнасць сярод іншых народаў свету.

Па-другое, шлях да самастойнай і незалежнай беларускай дзяржавы быў вельмі складаны, цяжкі і разнастайны.

Па-трэцяе, галоўная і неабходная задача для далейшага станаўлення і развіцця не толькі нашай, а і любой краіны свету, як дэмакратычна-прававой, развітай у цывілізаваным сусветным грамадстве – гэта не толькі наяўнасць Канстытуцыі, але і фактычная яе дзейнасць.

Спіс крыніц

1. **Доўнар, Т. І.** Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т. І. Доўнар. – 2-е выд. – Мінск, 2008. – 400 с.
2. **Доўнар, Т. І.** Канстытуцыйнае права Беларусі феадальнага перыяду (па статутах Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг.) : вучэбны дапаможнік / Т. І. Доўнар. – Мінск : Белдзяржуніверсітэт, 2001. – 76 с.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2014. – 48 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г. : пер. на бел. мову А. С. Шагун. – Мінск : Беларусь, 2005. – 207 с.
5. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 1997. – Т. 4 : Кадэты – Ляшчэня. – 432 с.
6. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭН, 2001. – Т. 6 : Кніга 1 : Пузыны – Усяя. – 591 с.
7. **Юхо, Я. А.** Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ОБОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ

Пантелеева Наталья Викторовна, Кравцов Глеб Витальевич,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Практика применения смертной казни в Республике Беларусь в качестве вида исключительной меры наказания уже не первый год вызывает споры и многочисленные обсуждения не только на уровне граждан и правительства, но также и на уровне международного сотрудничества с другими государствами, особенно со странами-членами ЕС и, соответственно, участниками ООН. На основании вышесказанного представленный доклад ставит перед собой цель кратко осветить проблему применения смертной казни в Республике Беларусь, дать характеристику достоинствам и недостаткам данной правовой санкции в целом, озвучить общемировые тенденции, отношения и дополнительные замечания, а в заключении дать некую оценку практике применения смертной казни в Республике Беларусь.

Смертная казнь применяется в Республике Беларусь с 1990 г. и предусматривается как вариант исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления, перечень которых указан в УК Республики Беларусь. Смертная казнь осуществляется путем расстрела после проведения следственных мероприятий, доказательства вины подозреваемого и вынесения приговора суда в соответствии с УПК Республики Беларусь.

Следует отметить, что у осужденного, приговоренного к смертной казни, присутствует возможность подать прошение о помиловании Президенту Республики Беларусь. В случае положительного ответа смертная казнь заменяется на пожизненное заключение. Также при установлении психического расстройства (заболевания), лишаящего осужденного возможности отдавать себе отчет в своих действиях, приговор к смертной казни в исполнение не приводится (ст. 176 УПК). Юридически смертная казнь закреплена в УК Республики Беларусь (т. 59) и упоминается в Конституции Республики Беларусь (ст. 24 ч. 3).

Рассмотрим достоинства и недостатки данного вида наказания. Представленные ниже достоинства и недостатки собраны на основе различных источников и мнений специалистов, занимающихся вопросами смертной казни. К достоинствам смертной казни причисляют: защиту общества и сдерживающий фактор данного вида наказания, полное исключение возможности рецидива, предотвращение общественных судов (суды Линча), удовлетворение

права на возмездие. Среди недостатков смертной казни выделяют: возможность совершения необратимой судебной ошибки, противоречие принципам международного права и посягательство на естественные права человека, в особенности – права на жизнь, сомнения в эффективности и сравнительная неоправданность «принципа сдерживания», снижение уровня правовой культуры населения путем легализации государственного насилия, своеобразное провоцирование совершения преступлений.

Вместе с тем также необходимо отметить отношение к смертной казни в других странах мира. Как известно, страны, непосредственно граничащие с Республикой Беларусь, и члены СНГ, полностью отменили такой вид наказания, как смертная казнь, закрепив это на конституционном уровне. Это решение в большинстве случаев было продиктовано предшествующей ратификацией данными государствами Международного пакта о гражданских и политических правах в соответствии с рекомендациями ООН, закрепленными во Всеобщей декларации прав человека принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) Международный пакт о правах человека от 10 декабря 1948 г.

В дополнение к этому были озвучены доводы в пользу отмены смертной казни, среди которых следует выделить следующие: несоответствие данного вида наказания упомянутым выше международным пактам и договорам и обоснованная неэффективность смертной казни как исключительной меры наказания.

Страны Европейского Союза в период с 1949 по 1998 год также полностью отменили смертную казнь. Вместе с тем Европейский Союз пропагандирует практику отмены такого вида наказания и призывает остальные страны мира, в которых смертная казнь еще действует, к полной отмене или введению моратория на это наказание. В связи с этим были созданы специальные комиссии, например Международная комиссия против смертной казни, которая по рекомендациям ЕС напрямую сотрудничает с различными странами по поиску удовлетворительного решения по данному вопросу.

Необходимо добавить, что на проведенном в Республике Беларусь референдуме 1996 г. на вопрос об отмене смертной казни более 80 % голосовавших ответили отрицательно.

Таким образом, мы видим общемировую тенденцию к отмене смертной казни. Однако стоит упомянуть, что существует множество государств, использующих смертную казнь. Например, страны «мусульманского мира» или США. Мотивация применения смертной казни в этих странах объясняется особенностями каждой из них. Для стран «мусульманского мира» это общие религиозные начала и положения, для США это многогранная правовая система, допускающая различные виды юридической и санкционной практики. Относительно Республики Беларусь стоит сказать, что применение смертной

казни поддерживается действующим правительством и большинством населения страны. Но, следует отметить, что в стране сохраняется острая дискуссия по этому вопросу. В первую очередь это вызвано так называемым «перестраиванием» правового сознания населения, переоценкой некоторых жизненных ценностей в современном обществе и оглядкой на общемировую практику. В связи с этим, вопрос о смертной казни в Республике Беларусь требует к себе повышенного внимания. Также нужно добавить, что Республика Беларусь активно сотрудничает с Международной комиссией по отмене смертной казни, проводя соответствующие заседания и встречи, на которых обсуждаются различные варианты поиска консенсуса.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что в практике применения смертной казни не все так однозначно и поверхностно. Рассматриваемый вид наказания напрямую связан с исключительным насилием в отношении осужденного. В связи с этим, появляется необходимость применения особого подхода ко всем механизмам работы с ним, начиная от уголовно-процессуальных процедур, предоставляющих суду полномочия для вынесения данного приговора и заканчивая непосредственными методами исполнения наказания.

Смертная казнь требует более отлаженной и сложной процедуры для ее непосредственного осуществления. Кроме отдельных общих моментов, следует акцентировать внимание на предупреждении судебных ошибок и соблюдении всех прав осужденного, в том числе прав его родных и близких. Иными словами, комплексно усовершенствовать типовую систему, допуская возможность внедрения практического опыта других стран. Возвращаясь к судебным ошибкам, прецеденты с применением смертной казни по ошибке имели место на территории Республики Беларусь как во времена СССР (дело Михасевича), так и в настоящее время (угроза применения смертной казни в отношении Михаила Гладкого).

Таким образом, в практике Республики Беларусь существуют некоторые спорные моменты, связанные с отдельными уголовно-процессуальными процедурами, взаимодействием с приговоренными и сопутствующими действиями в момент непосредственного исполнения наказания. На основании этого стоит сделать вывод, что следует подвергнуть коррекции процедуру осуществления смертной казни в Республике Беларусь, внести существенные изменения в данный процесс, разработать новую концепцию применения соответствующего наказания, а также повсеместно совершенствовать судебную систему и законодательную базу.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 октября 2004 г. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 64 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 3 марта 2017 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017. – 304 с.
3. Всеобщая декларация прав человека : Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: Минск, 26 мая 1995 г. – Минск : Амалфея, 2017. – 28 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2008.
5. Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 28.09.2017.

УДК 342.4 (476)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Степаненко Дмитрий Михайлович,
Белорусско-Российский университет (г. Могилев, Беларусь)

Выявлены основные направления воздействия конституционных норм на процессы создания и внедрения инноваций в Беларуси. Обоснован комплекс дополнений в действующую Конституцию Республики Беларусь, ориентированных на содействие инновационному развитию белорусского общества.

В Республике Беларусь в настоящий момент провозглашен курс на модернизацию и инновационное развитие. В данной связи обладают высокой степенью значимости вопросы о том, как влияют на инновационную активность в стране ныне действующие национальные конституционно-правовые нормы и как необходимо преобразовывать указанные нормы с тем, чтобы повысить эффект от их влияния на инновационный климат в Беларуси в будущем. Конституция Республики Беларусь не содержит в своем тексте терминов “инновация”, “инновационная деятельность”, “инновационное развитие”, “инновационная политика”. Тем не менее, многие содержащиеся в ней нормы являются важными предпосылками модернизации и инновационного развития белорусского общества.

Статья 13 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности, а также гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и

имуущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности [1].

Нормы, предусмотренные в статье 13 Конституции Беларуси, очевидным образом ориентированы на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, что имеет немаловажное значение для инновационного развития.

По мнению одного из основоположников теории инноваций Й. Шумпетера, именно предприниматели занимаются инновациями и осуществляют их. Они в погоне за прибылью, стремясь достигнуть конкурентных преимуществ, необходимых для одержания победы в борьбе за потребителей на рынке, создают новые, ранее неизвестные комбинации факторов производства [2].

В том случае, если государство хочет развиваться на основе инноваций, оно должно создать благоприятный климат для осуществления предпринимательской деятельности. Учитывая данное обстоятельство, высока и значимость конституционных норм, регламентирующих базовые условия развития предпринимательства в стране.

Статья 33 Конституции Республики Беларусь гарантирует каждому свободу мнений, убеждений и их свободное выражение. Применительно к инновационной деятельности соответствующая норма конкретизируется в статье 51 Конституции Беларуси, в соответствии с которой гарантируется свобода художественного, научного, технического творчества и преподавания [1].

Принцип свободы творчества, закрепленный в статье 51 Конституции Беларуси, создает фундаментальную основу для воспитания и развития творческих, креативных начал в личности. При этом именно способность к творческому, креативному мышлению человека, создание условий для реализации этих начал позволяют осуществлять инновационную деятельность в ее различных проявлениях, развивать на инновационной основе самые различные сферы общественной жизни.

Статья 51 Конституции Беларуси закрепляет также норму о том, что интеллектуальная собственность в стране охраняется законом [1].

В соответствии со статьей 49 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на образование, гарантируются доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Кроме того, среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого, и каждый может на конкурсной основе бесплатно получить соответствующее образование в государственных учебных заведениях [1].

Важность конституционного закрепления права на образование для инновационного развития экономики и общества обусловлена тем обстоятельством, что именно уровень образования определяет в существенной степени качество национальных человеческих ресурсов, способность граждан страны выступать в роли инноваторов.

Таким образом, несмотря на то, что в Конституции Республики Беларусь инновационная деятельность нигде не упоминается, может быть сделан вывод о том, что ныне действующая Конституция Беларуси закрепляет определенные правовые основы, необходимые для осуществления указанной деятельности, содержит определенные базовые предпосылки для инновационного развития.

Вместе с тем логика дальнейшего развития белорусского общества обуславливает необходимость закрепления с течением времени норм, связанных с осуществлением инновационной деятельности, непосредственно в тексте Конституции Республики Беларусь. В указанном контексте весьма актуальным и востребованным представляется опыт, наработанный в данном отношении в бывшем СССР.

Следует отметить, что в Конституции СССР 1977 г. был установлен ряд норм, ориентированных на поддержку науки, ее взаимодействия с производственной сферой, внедрения результатов научных исследований в экономику страны, развития на научной основе всего народнохозяйственного комплекса бывшего Советского Союза.

В частности, статья 15 Конституции СССР 1977 г. закрепляла норму о том, что, опираясь на творческую активность трудящихся, социалистическое соревнование, достижения научно-технического прогресса, совершенствуя формы и методы руководства экономикой, государство обеспечивает рост производительности труда, повышение эффективности производства и качества работы, динамичное, планомерное и пропорциональное развитие народного хозяйства [3]. Статья 21 Конституции СССР 1977 года устанавливала, что государство заботится об улучшении условий и охране труда, его научной организации, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого физического труда на основе комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства [3]. В статье 26 Конституции СССР 1977 г. была закреплена норма, согласно которой в соответствии с потребностями общества государство брало на себя обязательство обеспечивать планомерное развитие науки и подготовку научных кадров, организовывать внедрение результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни [3].

Указанные выше нормы Конституции СССР 1977 г. выглядят весьма современно в условиях нынешней белорусской реальности начала XXI в. Учитывая данное обстоятельство, представляется целесообразным дополнить соответствующими по смыслу нормами статью 13 ныне действующей Конституции Республики Беларусь.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября

2004 г.) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2017.

2. **Шумпетер, Й.** Теория экономического развития / Й. Шумпетер. – Москва : Прогресс, 1982. – 456 с.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята Верховным Советом СССР 07.10.1977 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=514>. – Дата доступа: 30.09.2017.

УДК 343.82 (476.4) «18»

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX ВЕКЕ

Чайкин Сергей Николаевич,

Исправительное учреждение «Исправительная колония № 8»
УДИН МВД Республики Беларусь по Витебской области
(г. Орша, Беларусь)

С вхождением белорусских земель в состав Российской империи на их территории получило распространение и российское уголовное законодательство, в том числе в части функционирования государственных институтов, обеспечивающих исполнение уголовных наказаний, или пенитенциарной системы.

К началу правового и организационного формирования пенитенциарной системы Российской империи в 1830-х гг. тюрьмы на территории Могилевской губернии находились в Могилеве, Бабиновичах, Белице, Быхове, Климовичах, Копыси, Мстиславле, Рогачеве, Орше, Сенно, Чаусах, Черикове. Усиление карательной политики полицейско-судебной системы Российской империи определило одну из основных проблем функционирования пенитенциарных учреждений губернии – переполненность тюрем. Усугубило эту проблему содержание в тюрьмах в течение XIX в. наряду с осужденными, лиц, находящихся под следствием, а также начавшиеся в 1830-х гг. мероприятия по практической реализации принципа раздельного содержания арестантов (по полу, возрасту и видам преступлений).

Состояние тюрем Могилевской губернии в 1830-х гг. не позволяло разместить в них всех осужденных к лишению свободы. Из 12 имевшихся в губернии тюрем 5 располагались в нанимаемых у частных лиц зданиях [3, с. 30], в которых, по донесениям проверявших их чиновников, «арестанты,

не разделенные по родам преступлений, размещались в крайней тесноте» [6, с. 128] Не в лучшем состоянии находились и казенные тюремные замки, которые «близкие к разрушению, по множеству арестантов были очень стеснены» [6, с. 134]. В 1833 г. могилевским генерал-губернатором отмечалось, что «Могилевский городской острог по своей тесноте не представляет никакой возможности ни к порядочному содержанию арестантов, ни к размещению их по родам преступлений» [9, с. 21].

Одним из направлений государственной политики Российской империи по решению проблемы переполненности тюрем с начала 1830-х гг. стало строительство новых тюремных замков, в первую очередь, в тех городах, где осужденные содержались в помещениях, нанимаемых у частных лиц. В 1835 г. тюремный замок был построен в Климовичах [16], а в 1837 г. в Сенно был возведен каменный двухэтажный тюремный замок с камерами для отдельного содержания «тяжких преступников от маловажных и больных от здоровых» [7, с. 32]. В 1843 г. была окончена капитальная перепланировка Могилевского тюремного замка, после чего его вместимость увеличилась до 150 человек [17]. В 1851 г. в здании бывшего иезуитского коллегіума была размещена тюрьма в Орше [17]. На осуществление строительства в указанных городах, из казны было выделено 104250 рублей. Тем не менее, в связи с недостаточным финансированием строительство тюрем во всех уездах губернии проведено не было. В условиях нехватки казенных средств местные власти осуществляли строительство за счет привлечения финансов частных лиц. Однако постройки за собственные средства подрядчика часто оказывались крайне низкого качества. Так, в 1850 г., в ходе приемки острога, построенного в городе Черикове на собственные средства уездным предводителем дворянства, было установлено, что «фундамента под зданием не имеется, а ворота и ограда разрушаются при небольшом усилии» [18, с. 223].

Проблема переполненности тюрем в Могилевской губернии, как и в Российской империи в целом, в первой половине XIX в. усугублялась ухудшением экономического положения. С 1820 по 1850 гг. в Могилевской губернии было 10 неурожайных лет, однако несмотря на это, помещики с целью увеличения прибыльности имений, расширяли посевы за счет крестьянских наделов, что вело к разорению крестьян и обостряло внутривластную обстановку в губернии [2, с. 91]. Усиление карательной политики царизма, в первую очередь в отношении крестьян, являлось причиной увеличения численности арестантов, содержащихся в тюрьмах. В 1845 г. в 11 тюремных замках губернии только одних подследственных содержалось 418 человек (для сравнения: в 1829 г. – 90 арестантов всех категорий). Направленность карательной политики характеризуется социальным составом арестованных, из которых 343 составляли крестьяне, 37 – мещане и только 26 – дворяне. Наибольшее количество крестьян – 114 человек, было арестовано за бродяжничество, что объ-

ясняется как усилением помещичьего произвола в отношении крестьян, так и разорением крестьянства. На это указывает и численность крестьян, арестованных за кражи и грабежи – 117 человек. За неповиновение помещикам было арестовано 28 человек, что также является одним из показателей кризиса феодально-крепостнической системы [8].

Кроме социально-экономических причин роста численности арестованных, на этот процесс повлияло изменение уголовного законодательства – издание в 1845 г. нового «Уложения о наказаниях». Огромное значение для российской пенитенциарной системы указанный правовой акт оказал в связи с определением в качестве основного вида наказаний тюремного заключения. Если в «Своде законов» 1832 г. данное наказание упомянуто в 18 статьях, то в Уложении 1845 г. – в 333 статьях [1, с. 47]. В результате реализации правовых норм «Уложения» тюремное заключение в Могилевской губернии стало основным видом наказания, так как смирительный и рабочий дома в городе Могилеве в 1842 г. были закрыты, а арестантские роты гражданского ведомства так и не были созданы [5, с. 202]. Соответственно, численность арестованных в тюрьмах Могилевской губернии по – прежнему осталась высока – в 1854 г. только подследственных в тюрьмах насчитывалось 423 человека, причем первое место среди совершенных ими преступлений по – прежнему занимало бродяжничество, второе – кражи, третье – сопротивление помещичьей власти [8].

Важнейшим правовым актом XIX в., оказавшим влияние не только на социально – экономическое развитие России, но и на применение уголовных наказаний, и соответственно – на динамику численности осужденных в местах лишения свободы, стал закон от 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. Отменив право помещиков на назначение крестьянам наказаний, закон определил их подсудность государственным судебным учреждениям, что, в свою очередь, привело к очередному росту численности осужденных в местах лишения свободы. Возросла численность арестованных и в тюрьмах Могилевской губернии. Если в 1829 г. там содержалось 243 человека [4, с. 13], то в 1863 г. – 1 151 человек (без учета арестованных участников восстания 1863 г.) [10, с. 43]. В основном тюремном учреждении губернии – Могилевском тюремном замке в конце 1851 г. содержалось 100 человек [13], а в 1863 – 210 человек (также без учета «политических арестантов») [15].

Проблема отсутствия в тюрьмах мест для размещения арестантов стала особенно актуальной на землях Беларуси во время восстания 1863 г. В ходе его подавления в Могилевской губернии под арестом содержалось более 800 повстанцев [10, с. 43]. Только в Могилеве с начала деятельности следственной комиссии (с апреля 1863 г.) их содержалось 396 человек [14]. Для устранения переполненности тюрем губернские власти организовали размещение арестантов в других помещениях – в Могилеве – в казармах батальона внутренней стражи, а в уездных городах – в зданиях городских правлений и до-

мах, нанятых частных лиц [12]. Однако в этих помещениях могло содержаться не более 10–15 человек, в то время, как только с мая 1863 г. за 2 месяца работы следственных комиссий, «по подозрению в мятеже» в Орше содержалось 65 человек, в Черикове – 78 человек, в Сенно – 80 человек [11]. В Могилевском тюремном замке во время работы следственной комиссии постоянно содержалось не менее 50 «политических арестантов», в результате чего общая численность заключенных под стражу в 1863 г. составила 260 человек, в то время, как лимит наполнения замка не превышал 150 человек [15].

Таким образом, развитие системы мест лишения свободы в Могилевской губернии с начала 1830 – х гг. явилось следствием усиления карательной политики полицейско-судебной системы Российской империи, результатом которой в течение XIX в. стало увеличение численности лиц, содержащихся в тюрьмах. В свою очередь, на указанный процесс оказали влияние как социально-экономическое положение губернии (кризис феодально-крепостнической системы и реформа 1861 г.), так и изменение уголовного законодательства (издание «Уложения о наказаниях» 1845 г.). Становление системы мест лишения свободы, в основном – тюрем, осуществлялось путем строительства новых тюремных замков. В то же время развитие системы мест лишения свободы сдерживали причины как экономические – недостаточное финансирование государством строительства тюрем, так и правовые – отсутствие в законодательстве норм, предусматривающих раздельное содержание лиц, осужденных за совершение преступлений, и лиц, находящихся под следствием, результатом чего стало переполнение тюрем арестантами. Для Могилевской губернии указанная проблема стала особенно актуальной в ходе подавления восстания 1863 г., когда водворение в тюрьмы, наряду с осужденными, участников восстания привело к отсутствию в тюрьмах мест для размещения арестантов и существенным образом усложнило функционирование пенитенциарной системы в губернии.

Список источников

1. **Гернет, М. Н.** История царской тюрьмы : в 5 т. / М. Н. Гернет. – М. : Госюриздат, – Т. 2. – 1961. – 582 с.
2. **Ковкель, И. И.** История Беларуси с древнейших времен до нашего времени / И. И. Ковкель, Э. С. Ярмусик. – Мн. : Аверсэв, 1998. – 592 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 4198.
4. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 4352.
5. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5913.
6. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 7514.
7. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 9034.
8. НИАБ. – Ф. 1297. Оп. 1. Д. 25805.
9. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 92.
10. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 1. Д. 886.
11. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 41.

12. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 54.
13. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 5.
14. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 49.
15. НИАБ. – Ф. 2150. Оп. 1. Д. 53.
16. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 19.
17. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 23.
18. НИАБ. – Ф. 2224. Оп. 1. Д. 135.

УДК 343.22

ЗНАЧЕНИЕ ВИНЫ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Шайтарова Елена Ивановна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Проблема свободы воли является одним из фундаментальных вопросов уголовного права, противоположностью которой выступает принуждение. Существует необходимость разграничения при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения в зависимости от собственного волеизъявления, либо под принуждением.

Согласно ст. 30 Уголовного кодекса Республики Беларусь «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности». Вне сомнения остается тот факт, что состояние опьянения в противоправном поведении субъекта преступления носит определяющий характер.

Уголовный кодекс Республики Беларусь состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения рассматривает с точки зрения полной вменяемости, а также рассматривается в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность. Однако уголовное законодательство Республики Беларусь при назначении лицу наказания не учитывает волеизъявление лица при совершении преступления в состоянии опьянения.

Специалисты отмечают, что состояние опьянения увеличивает психическую и двигательную активность человека, затрудняет концентрацию внимания; происходит переоценка своих возможностей, снижается самокритика. В состоянии опьянения растормаживаются инстинкты и проявляются скрытые особенности личности и переживания, контролируемые в трезвом состоянии (ревность, тщеславие, обиды и т. п.) [2, с. 10].

Определение состава преступления через его субъективные и объективные признаки и отрицающие обстоятельства позволило установить, что свобода воли отсутствует при причинении вреда охраняемых законом интересам в случаях непреодолимой силы, при неконтролируемых волей телодвижениях, невиновном причинении вреда, неменяемости и смежных с ней состояниях.

Проводя аналогию с Уголовным кодексом Российской Федерации необходимо отметить, что статья 23 содержит следующее положение: лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности. Совершение преступления в состоянии опьянения в Уголовном кодексе Российской Федерации рассматривается как обстоятельство, отягчающее наказание лишь в случае привлечения к совершению преступления лиц, которые находятся в состоянии опьянения, а также судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ. Уголовный же кодекс Республики Беларусь п. 17 ст. 64 предусматривает как отягчающее вину обстоятельство совершение преступления лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ. Суд вправе в зависимости от характера преступления не признать это обстоятельство отягчающим.

По Уголовному кодексу Российской Федерации «предшествующая вина» не ограничивает свободу воли в последующем преступном поведении и, следовательно, не исключает ответственности (например, совершение преступления в состоянии опьянения или вследствие опьянения). Таким образом, «предшествующая вина» (добровольное введение себя в состояние опьянения) содержит в себе все необходимые компоненты свободы воли. Проблема в том, что содержание объективного и субъективного компонента свободы воли в «предшествующей вине» распространяется на последующие поведенческие акты, т. е. компоненты свободы воли оцениваются по прошлому волеизъявлению [2, с. 12].

«В деянии человека отсутствует волевой (и сознательный) характер поведения, если он был приведен в состояние опьянения посредством насилия или обмана, когда он не знал и не мог знать о воздействии алкоголя, наркотических или одурманивающих веществ на его организм» [2, с. 13].

В современной уголовно-правовой доктрине господствует презумпция способности лица, находящегося в состоянии опьянения, осознавать и контролировать свои действия. Лицо, порицаемое за осознанное и добровольное (как умышленное, так и неосторожное) приведение себя в состояние опьянения, в котором оно впоследствии совершает деяние, не контролируемое сознанием и волей («фактическая невменяемость»), рассматривается как совершившее деяние с требуемой свободой воли. В то же время, невиновно обусловленное состояние опьянения является отрицающим деяние обстоятельством и исключает наличие состава преступления. Под таким состоянием следует понимать ситуации насильственного введения алкоголя, наркотических и (или) одурманивающих веществ или путем обмана, когда лицо не знало и не могло знать о специфическом воздействии последних на свой организм.

Для того чтобы определить степень этого влияния, необходимо выделить несколько наиболее типичных ситуаций употребления различного рода психоактивных веществ:

1) приведение себя в состояние опьянения для облегчения совершения преступления («для храбрости»);

2) употребление, сопряженное с самонадеянным расчетом на предотвращение возможных общественно опасных последствий (наиболее типично для лиц, управляющих различными транспортными средствами либо иными механизмами);

3) употребление из любопытства, сопряженное с отсутствием предвидения возможности наступления общественно опасных последствий своего поведения в состоянии опьянения (употребление впервые);

4) употребление против воли лица – по ошибке либо в результате противоправного принуждения.

Учет перечисленных ситуаций, внутреннее субъективное содержание которых имеет существенное сходство с законодательными конструкциями форм вины, при определении меры ответственности субъекта преступления, действовавшего в состоянии опьянения, позволит реально снизить угрозу невиновного вменения и действовать правоприменителям в строгом соответствии с принципом вины. В этих целях считаем целесообразным учитывать данные ситуации при назначении наказания за совершение преступления в состоянии опьянения по уголовному законодательству Республики Беларусь в качестве смягчающих и отягчающих вину обстоятельств.

Список источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. **Шевелева, С. В.** Свобода воли и принуждение в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С. В. Шевелева. – Москва, 2015. – С. 46.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ : принят Государственной Думой 24 мая 1996 г. : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Фед. Закона от от 29.07.2017 № 250-ФЗ, с изм., внесенными Постановлениями Конституционного Суда РФ от 16.07.2015 № 22-П) // Консультант Плюс : Версия Проф. технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Москва, 2017.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО, СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

УДК 373.5/6:34

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ТЕХНИЧЕСКОГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Почтовая Галина Петровна,

Мстиславский государственный строительный колледж
г. Мстиславль, Беларусь

Правовое воспитание в учреждениях профессионально-технического и среднего образования играет важную роль в формировании правового сознания будущих специалистов, которым предстоит участвовать в укреплении правового государства, совершенствовании хозяйственного механизма и других социально-экономических процессах, происходящих в обществе. Особое внимание уделяется учащимся из неблагополучных семей, состоящим на учете в ИДН.

Изменения, происходящие в профессиональном образовании, определяют необходимость существенного изменения ряда традиционных подходов к системе подготовки специалистов со средним специальным и профессионально-техническим образованием. Проблема подростковой преступности с течением времени становится более актуальной. Правонарушающее поведение несовершеннолетних характеризуется общественной опасностью, уголовной противоправностью и, что не менее важно, разрушением человеческого в человеке. Источником правонарушающего поведения несовершеннолетних является социальная дезадаптация, определяемая как неготовность личности присваивать социокультурные ценности, адекватно выполнять нормы морали и права, систему социальных ролей в силу деформированных отношений личности и среды. Роль родителей в воспитании своих детей отошла на задний план. В большинстве случаев дети предоставлены сами себе и их воспитание полностью переложено на учреждения образования.

Среди проблем, связанных с повышением эффективности воспитания молодого поколения, важное место занимают вопросы формирования правового сознания и правовой культуры учащейся молодежи. Данная тема является особенно актуальной в свете происходящих изменений:

– новые явления в общественно-политической, экономической жизни Республики Беларусь, идущей по пути рыночных отношений, сопровождаются значительным ростом многообразных правовых отношений, их усложнением;

– растет молодежная преступность. Оказавшись в различных правовых ситуациях, учащиеся неверно оценивают сложившиеся отношения с позиций права и, соответственно, выбирают неадекватный вариант поведения.

Правовое воспитание представляет собой целенаправленное, организованное и систематическое воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения, правовую культуру [1].

Главной целью правового воспитания в учреждении образования является формирование у учащихся правосознания и обеспечение активного правомерного поведения. В условиях становления гражданского общества и правового государства задачей учебных заведений является воспитание принципиально нового демократического типа личности, способной к инновациям, к управлению собственной жизнью и деятельностью, делами общества, готовой рассчитывать на собственные силы, трудом обеспечивать свою материальную независимость. Новое время требует от системы образования формирования не только профессиональных качеств у учащихся, но и формирование активной жизненной позиции юных граждан Республики Беларусь.

Правовое воспитание учащихся в нашем учреждении образования неразрывно связано и реализуется через правовое образование – непосредственное получение знаний на учебных занятиях по учебному предмету «Основы права».

Правовая информация формирует правовые знания, которые содействуют правильному пониманию общественных явлений, способствуют развитию социальной активности учащихся, дают возможность правильно ориентироваться в жизни, определять грань между дозволенным и запрещенным, выбирать законные пути и средства защиты личных прав и интересов.

В учебном кабинете «Основы права» расположен «Уголок правовых знаний», содержащий выдержки из разных отраслей права, которые меняются по мере изучения этих разделов. При изучении учебного предмета «Основы права» у учащихся формируется система знаний об основных отраслях права и роли государства в правовом регулировании, повышается уровень их правосознания, правовая культура.

Полученная на учебных занятиях информация позволяет учащимся самостоятельно найти ответы на свои вопросы, путем использования необходимых нормативных правовых актов, что способствует повышению уровня индивидуальной правовой культуры, в будущем поможет применять полученные знания для принятия юридически грамотных решений в своей профессиональной деятельности и активного участия во всех сферах жизни общества.

Необходимо помнить, что правовое воспитание невозможно реализовать через отдельную учебную дисциплину. Это – целостная система, охватывающая все сферы деятельности учебного заведения, как учебные, так и внеурочные, и предполагающая использование в первую очередь практико-ориентированных и интерактивных методов обучения. В ходе обучения учащиеся должны включаться в процесс урочной и внеурочной деятельности так, чтобы они не были посторонними наблюдателями, а были участниками процесса. Наряду с учебными занятиями, с целью формирования у учащихся правовой культуры, в колледже проводятся воспитательные мероприятия профилактической направленности. Учащиеся участвуют в викторинах по правовому воспитанию, разгадывают кроссворды. Им предлагаются различные жизненные ситуации, из которых учащиеся должны найти правильный выход согласно правовых знаний, что позволяет выявить отношение учащихся к негативному и позитивному в окружающей жизни.

Особое внимание уделяется индивидуальной профилактической работе с учащимися, совершившими противоправные действия, проживающими в неблагоприятных условиях. В учреждении образования разработана комплексная программа по профилактике противоправных действий, преступлений, которая включает комплекс мероприятий, направленных на предотвращение преступлений, правонарушений, профилактике безнадзорности, пьянства, наркомании и потребления курительных смесей, суицидальных проявлений среди учащихся.

В соответствии с «Методическими рекомендациями Министерства образования Республики Беларусь по оформлению и содержанию уголков правовых знаний учреждений образования, обеспечивающих получение общего среднего, профессионально-технического и среднего специального образования, специальных учебно-воспитательных и лечебно-воспитательных учреждений» [5], а также Методических рекомендаций по содержанию и оформлению уголков правовых знаний в учреждениях ПТО и ССО важным составляющим информационной работы по правовому воспитанию в нашем учебном заведении является «Уголок правовых знаний», оформлению и содержанию которого уделяется особое внимание.

В «Уголке правовых знаний» колледжа размещается правовая информация, как для несовершеннолетних учащихся, так и для учащихся, достигших 18-летнего возраста. Содержание «Уголка правовых знаний» включает в себя изучение Конституции Республики Беларусь, а также отдельных отраслей права, знакомство с которыми наиболее важно для юношей и девушек, вступающих в самостоятельную жизнь: это административное, трудовое, брачно-семейное и уголовное законодательства. Именно на их содержании важно раскрывать смысл и значение конституционных принципов и положений. В уголке правовых знаний размещены адрес электронного портала «Эталон»,

телефоны доверия. Правовое воспитание учащихся отражает степень и характер ее прогрессивного развития, обеспечивает социализацию и правомерную деятельность личности.

Нужно помнить, что особой категорией населения, требующей к себе особого внимания, являются подростки. Поэтому правовое воспитание в нашем учебном заведении направлено на формирование у учащихся знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, понимания ответственности за противоправные деяния.

Список источников

1. **Акимова, Т. И.** Правовая пропаганда как способ формирования позитивных элементов правового сознания, определяющих показатель лояльности правосознания. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tsu.tmb.ru/nu/kon/arhiv/2004/kon1.11/sek2/2/>.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании № 243-3 от 13.01.2011 г.
3. Конституция Республики Беларусь // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – № 1.
4. Основы права: учеб. / под ред. Л. М. Рябцева, Г. Б. Шишко. – Минск : РИПО, 2014. – 317 с.
5. Письмо Министерства образования Республики Беларусь от 27.11.2008, № 12-02-05/6488/дс.

УДК 340

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Грибановский Сергей Петрович,

Могилевский государственный университет продовольствия
(г. Могилев, Беларусь)

В статье на основе данных конкретного социологического опроса анализируется актуальное состояние правовой культуры студенческой молодежи Беларуси через призму отношения к явлению коррупции.

В самом общем виде правовую культуру можно определить как составную часть человеческой духовной культуры, как систему ценностей, норм, правовых идей, убеждений и стандартов поведения, выработанных в ходе исторического развития общества и принятых его членами. Правовая культура описывает качественное правовое состояние общества, состояние правовой

жизни отдельной личности или социальной группы. Важнейшими элементами правовой культуры выступают правовые знания (знание и понимание права), отношение к праву (например, уважение права, почитание законодательства) и правовое поведение (умение эффективно применять право для достижения своих целей, соблюдение законности).

В настоящее время приходится констатировать достаточно низкий уровень правовой культуры населения Республики Беларусь, особенно молодежи. Так, например, социологический опрос, проведенный А.А. Дыжовой в 2010 г. среди молодежи в возрасте от 18 до 31 года, показал, что 61,6% юношей и девушек допускают для себя возможность нарушения закона при определенных обстоятельствах и лишь 31,3% не допускают нарушения ни при каких обстоятельствах [1, с. 180].

Проблемы правовой культуры особенно ярко высвечиваются при обсуждении явления коррупции. В белорусском обществе сложилось достаточно терпимое отношение к коррупционным деяниям. По данным исследования Е.М. Бабосова, каждый четвертый белорус (41,6%) примиренчески относится к коррупционным преступлениям [2, с. 175].

В 2017 г. в рамках реализации научного проекта «Социальные факторы противодействия коррупции в современном белорусском обществе» коллективом исследователей под руководством профессора Ю.М. Бубнова и при участии автора был проведен анкетный социологический опрос студенческой молодежи Беларуси и России, посвященный измерению уровня коррупции в системе высшего образования (репрезентативная выборка $n = 1036$, где 780 опрошенных – это учащиеся белорусских вузов и 256 – российских). В ходе исследования нами было установлено, что важным фактором вовлеченности студентов в коррупционные отношения выступает их неразвитая и противоречивая правовая культура.

Особый исследовательский интерес представляют сведения о готовности студентов вступать в коррупционные отношения. На вопрос «Что бы вы предпочли в ситуации сложного экзамена или зачета?» 60,5% белорусских студентов ответили – «затратить дополнительное время на подготовку», но в тоже время 32,4% планируют прибегнуть к «студенческим хитростям» (здесь, в первую очередь, подразумеваются шпаргалки), а 6% четко настроены преподнести подарок преподавателю (среди российских учащихся наблюдается практически идентичный показатель – 5,9%). В сумме получается, что 38,4% опрошенных изначально предрасположены к «нечестной игре» на сложном контрольном испытании.

Коррупционные установки студенческой молодежи в полном объеме раскрываются в следующем вопросе: «Считаете ли вы возможным для себя делать подношения преподавателям за экзамен или зачет?». Чуть более половины опрошенных студентов (51,6%) заявили, что считают это неприемлемым в

принципе. Однако 22,9% анкетированных сознались, что в зависимости от ситуации и возможностей сделают подношение преподавателю, а 3% и вовсе будут всегда полагаться на подарок. Симптоматично, что 20,5% студентов затруднились с ответом, а это значит, что они также входят в группу коррупционного риска в виду отсутствия у них устойчивого «иммунитета» к взяточничеству. Суммарно когорту потенциальных взяточдателей составляют 46,4% учащихся УВО.

В ходе опроса мы выяснили, что 15,6% учащихся отечественных вузов уже имели опыт вручения подарков своим наставникам в период сессии, а 70,3% никогда этого не делали (среди российских студентов выявлено несколько большее число «дарителей» – 20,7%). Любопытно, что 12,6% белорусских студентов не захотели отвечать на вопрос, случалось ли им дарить подарки преподавателям в связи с экзаменами или зачетами. Заметим, что в контексте нашего исследования любая уклончивая форма ответа может трактоваться как косвенное доказательство вероятной вовлеченности в коррупцию.

Важный компонент коррупционных установок студенчества – это субъективное отношение к преподавателям, берущим «посулы». Здесь мы сталкиваемся с очень тревожной статистикой: 7,7% положительно относятся к нечистым на руку педагогам, нейтрально характеризуют мздоимцев 43,3%, а 31,9% рассуждают так: если преподаватель берет цветы, то это – хорошо, а если деньги – плохо (что, конечно, является довольно противоречивой позицией, так как и первое, и второе обоснованно подпадает под определение коррупции). Строго отрицательно оценивают преподавателей, принимающих подарки, всего 12,6% белорусских студентов (среди студентов российских вузов уровень нетерпимости выше – 23%), а 4,4% так и не определились с ответом.

Исследование позволило установить, что активно поддерживают борьбу с неофициальными подношениями в вузах чуть более трети учащихся (39,1%), практически ровно столько же (38,5%) затрудняются говорить о целесообразности подобного рода борьбы, а 18,2% студентов твердо убеждены в ее ненужности.

Таким образом, правовая культура студенческой молодежи Беларуси характеризуется высокой степенью готовности вступать в коррупционные сделки, включает в себя толерантное отношение к взяточникам и демонстрирует отсутствие выраженной заинтересованности в противодействии коррупции. Низкий уровень правовой культуры молодежи, безусловно, будет служить серьезным препятствием для успешного ведения антикоррупционной кампании в высшей школе и в белорусском социуме в целом.

Список источников

1. **Дыжова, А. А.** Низкий уровень правовой культуры молодежи Могилевской области, как одно из оснований совершения ими противоправных действий /

- А. А. Дыжова // Проблемы устойчивого развития региона : материалы республиканской научно-практической конференции, Могилев (25 марта 2011 г.) / под ред. А. В. Иванова. – Могилев, 2011. – С. 179–181.
2. **Бабосов, Е. М.** Социологические очерки устойчивого развития Беларуси / Е. М. Бабосов. – Минск : РИВШ, 2011. – 248 с.

УДК 375.5:34

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В РАБОТЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Гуланова Ольга Николаевна,

ГУО «Средняя школа № 38 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь)

Целенаправленность формирования правовой культуры обучающихся составляет необходимое условие формирования личности, способности правильно и сознательно воспринимать правовую информацию и явления правовой действительности. Правовые знания нужны школьникам как основа поведения в различных жизненных ситуациях, имеющих юридическую силу. Ведь ежедневно приходится сталкиваться с проблемами, решение которых предполагает знание тех или иных правовых норм. Работа учреждения образования в данном направлении должна быть системной, а не сводиться к одноразовым кампаниям. В качестве такого подхода мы предлагаем программу «Право и закон», которая разработана и реализуется в государственном учреждении образования «Средняя школа № 38 г. Могилева» с 2011 г.

Сущность правовой культуры характеризуется высоким уровнем овладения правовыми знаниями и умениями, сформированным социально целостным отношением к праву, развитыми качествами личности, позволяющими ей наиболее полно реализовать себя в правовой и социально-ориентированной деятельности.

Правовая культура связана с политической, нравственной, эстетической, экономической культурой. Она включает интеллектуальный, эмоционально-ценностный и практический компоненты правового порядка и формируется в процессе правового образования и правового воспитания. Согласно Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь, содержание работы по формированию правовой культуры личности направлено на усвоение систематизированных знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, формирование законопослушного поведения, понимания обучающимися ответственности за противоправные действия. Оно также включает формирование адекватной самооценки личности обучающегося и поведение, которое проявляется в реализации своих прав и свобод,

ответственном отношении к выполнению своих обязанностей как гражданина Республики Беларусь, готовности в различных жизненных ситуациях действовать юридически грамотно, целесообразно, ориентируясь на существующие законы [1].

Исследователь А.Р. Ратинов отмечает, что «ни в одном из многочисленных исследований разных возрастных групп, включая подростков, не было обнаружено ни одного испытуемого, который не имел бы определенных правовых представлений, оценочных отношений к правовой жизни» [2].

Ребенок, которому не привили чувство ответственности, став взрослым, может попадать под влияние других людей. Он, как правило, ничего не будет делать сам, без разрешения, и постарается найти себе таких друзей, которые будут ему указывать, что делать. Или же он может выражать обществу свой протест, противясь всему, о чем его просят. В обоих случаях он будет недооценивать собственную способность изменять положение дел в свою пользу. Несомненно, важным является обучение несовершеннолетних ориентированию в вопросах правопорядка и законности, эффективному применению норм прав в различных жизненных ситуациях. Обучающиеся должны знать сущность понятий «правовая культура», «преступление», «правонарушение», законодательство Республики Беларусь, полномочия государственных органов власти, виды и меры ответственности за совершение преступлений и правонарушений. Но, прежде всего, на наш взгляд, работа в данном направлении должна создавать условия для формирования социальной позиции обучающихся, позволить сформировать коммуникативные умения, налаживать отношения с другими людьми, обществом, разрешать конфликтные ситуации, принимать решения и противостоять в ситуациях группового давления.

Исследования показывают, что тот или иной человек не совершает противоправных действий в большей степени не потому, что предвидит соответствующее наказание, а именно потому, что сам считает этот поступок недостойным, опасным, противоречащим жизненным принципам, системе ценностей [3]. Похожая мысль высказывается А.И. Экимовым и Д.И. Луковской: «Всеобщее знание законов – это фикция... Нет, например, никакой надобности во всеобщем знании квалифицирующих признаков, отличающих кражу от ограбления или разбоя. Важно другое: чтобы каждый ясно осознавал недопустимость хищения личного или общественного имущества или посягательства на личность другого человека» [3].

Учеными выявлены личностные характеристики, позволяющие противостоять групповому давлению: адекватная самооценка, мотивация достижения успеха, высокий уровень стрессоустойчивости, оптимизм, чувство юмора, уверенность в себе, ответственность, критичность, способность отстаивать свою точку зрения; умения различать ситуации опасности, сказать «нет», справляться с плохим настроением, находить решения проблем [4]. Обращение к этим

качествам может стать значимым этапом в формировании правовой культуры обучающихся.

Работа учреждения образования в данном направлении должна быть системной. В качестве такого подхода мы предлагаем программу «Право и закон», которая разработана и реализуется в государственном учреждении образования «Средняя школа № 38 г. Могилева» с 2011 г. Цель программы – формирование правовой культуры учащихся.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: создать у обучающихся целостное представление о личной ответственности за антиобщественные деяния, предусмотренные уголовным и административным правом; научить вести себя в общественных местах, соблюдать дисциплину и порядок в школе; сформировать умение различать хорошие и плохие поступки; способствовать развитию, становлению и укреплению гражданской позиции, отрицательному отношению к правонарушениям; предупредить о последствиях необдуманных действий, свойственных подростковому возрасту, которые могут привести к совершению преступлений и правонарушений; способствовать развитию навыков самостоятельного осмысления социальных явлений.

Программа составлена с учетом принципов системности, научности, доступности и направлена на всех обучающихся с 1 по 11 классы. Программа состоит из нескольких циклов: «Правила общения», «Правила поведения», «Правила дорожного движения», «Права ребенка», «Основы конструктивного общения», «Административная и уголовная ответственность», «Я – гражданин». При создании программы учитывались возрастные особенности учащихся, уровень их информированности.

Так, работа педагогов с обучающимися на 1 ступени общего среднего образования направлена на воспитание у школьников общей культуры правового поведения. С обучающимися на 2 ступени общего среднего образования – на развитие у школьников личностных качеств и социальных навыков. Подросток учится общаться с окружающими, понимать их поведение, решать конфликтные ситуации, принимать собственные решения. Деятельность педагогов с обучающимися на 3 ступени общего среднего образования направлена на формирование жизненных ценностей, препятствие вовлечению подростков в социально опасную среду, воспитание ответственности за свое поведение.

Все разделы программы начинаются и заканчиваются повторением ранее изученного материала. В работе с детьми и подростками классные руководители используют разнообразные формы работы, с учетом возрастных особенностей. Программа «Право и закон» базируется на принципе индивидуальной ответственности личности за себя как члена общества и содержит занятия, рассчитанные на то, чтобы помочь учащимся осознать, что они являются важной частью общества.

Список источников

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь : сб. нормативных документов. – 2016. – С. 9–39.
2. **Рагинов, А. Р.** Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. – М., 1981.
3. **Гуляихин, В. Н.** Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. – 2013. – № 4.
4. Профилактика употребления курительных смесей несовершеннолетними в учреждениях общего среднего образования / сост. Н. Л. Стороженко. – Могилев, 2015.
5. **Дробязко, С. Г.** Понятие правовой культуры и основные направления повышения ее уровня в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества // Проблемы формирования и развития правовой культуры белорусского общества : материалы круглого стола, 2005. – С. 3–5.

УДК 323.2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Елисеева Галина Валерьевна,

НОУ ВПО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий»
(г. Омск, Россия)

В данной статье рассматривается место и роль молодежи в политическом пространстве современной России, а также выявляются факторы, влияющие на политическую активность молодых граждан. Также автор анализирует возможные способы привлечения государством молодого поколения к участию в политической жизни страны.

В условиях тех процессов, которые протекают в современной России сегодня, проблема социально-политической ориентированности молодежи продолжает оставаться одной из наиболее актуальных. «Включаясь в общество, интегрируясь в его структуры, молодежь не только унаследует условия жизни и отношения, оставляемые ей родительскими поколениями, но и преобразует их, реализуя свой инновационный потенциал. Тем самым осуществляется воспроизводство молодежью социальной структуры, а также ее собственное развитие» [1].

Современной молодежи приходится подстраиваться под те изменения, которые происходят сегодня в политическом пространстве России. Мы имеем

ввиду события, в которые вовлечено российское государство: нестабильная ситуация на Украине, экономические санкции со стороны ряда европейских государств, внутренний кризис и т. д. И потому социально-политические ориентации молодых граждан России отражают ее отношение к политической ситуации, сложившейся в нашей стране. Необходимо отметить, что отношение молодежи к сложившемуся социально-политическому порядку может быть как активным, так и пассивным, но невключенность в его режимы попросту невозможна, так как эти процессы затрагивают практически все важные сферы общественной жизни. Однако не стоит думать, что в молодежной среде сегодня преобладает аполитичность, более того, что она носит тотальный характер. Наоборот, молодые граждане все чаще обращаются к средствам массовой информации за важными политическими новостями, которые способны пролить свет на сложившуюся ситуацию в мире и у нас в стране. Большинство молодых граждан черпают информацию из Интернета, поэтому становится очевидным, что современная молодежь «в курсе» того, что происходит в стране и за ее пределами. Задача государственных структур, на наш взгляд, заключается в том, чтобы определить вектор взаимодействия с молодежью в политическом контексте и обеспечить ее доступ к правдивой информации о том, что происходит в политическом пространстве нашего государства.

Молодежная политическая культура является составной частью политической культуры общества в целом. Молодежь как губка впитывает политическую информацию и трактует ее по-своему. На подобные моменты государству необходимо обращать свое внимание, поскольку молодежи в обществе принадлежало и принадлежит ключевое место. Это – возрастная группа, которая со временем занимает ведущие позиции в экономике и политике, социальной и духовной сферах общества.

По мнению Л.В. Власенко, сегодня необходимо начать формирование условий для политической самореализации молодежи. Но на пути самореализации встают барьеры, к числу которых мы относим:

- слабую потребность молодежи в непосредственном политическом участии через членство в организациях;
- невнимание организаций к внутриорганизационному развитию, основанному на стыковке интересов организации и конкретных индивидуально-личностных интересов;
- кризис социальной идентичности молодежи;
- консервативное отношение общества к изменениям в стиле, формах и способах самореализации молодежи в постсоветских условиях жизни;
- слабую организаторскую деятельность самих общественно-политических организаций в отношении привлечения к работе в них большего количества молодежи, их закрытость [2].

Невозможно не согласиться в данном случае с мнением исследователя. Действительно, существует немало проблем в привлечении молодежи к участию в тех процессах, которые происходят в политическом пространстве современной России. На наш взгляд, государству необходимо привлекать молодых граждан к участию в политической жизни страны, создавая и финансируя различные социально-политические проекты, участвуя в которых молодежь будет удовлетворять свои потребности и интересы. Государству и молодежи необходимо стать партнерами, сотрудничество которых должно быть выгодно обеим сторонам, поскольку они взаимозависимы. Данное сотрудничество должно реализовываться через различные молодежные организации как федерального, так и регионального и муниципального уровней.

Как отмечалось выше, молодежь сегодня является невольным участником тех событий, которые в последнее время происходят внутри России и за рубежом. Молодые граждане учатся анализировать политическую ситуацию, участвуя в различных дискуссиях и дебатах, создавая интернет-сообщества, которые постепенно начинают играть ощутимую роль в жизни всего общества, а также объединяясь в молодежные объединения с политическим уклоном. Именно молодежные объединения и политические партии играют немаловажную роль в процессе политической социализации молодежи. Например, молодежные общественные объединения выступают в роли института самореализации и социализации молодежи, механизма ее вовлечения в общественную и политическую жизнь, направлены на подготовку молодого поколения к взрослой жизни, профессиональной деятельности, воспитание у нее активной жизненной позиции. Хотелось бы отметить, что в рамках молодежного объединения молодому человеку предоставляется возможность стать субъектом права и социальной деятельности. Через участие в молодежных объединениях молодое поколение непосредственно влияет на политическую ситуацию в стране, формируя собственное отношение к власти умением формулировать и отстаивать собственную позицию. Как отмечает Л.В. Власенко в своей статье: «Рассматривая политическую самореализацию молодежи как процесс самосо осуществления, самовыражения молодых людей в сфере политики, в результате чего происходит изменение личности молодого человека, ее обогащение и развитие, а также преобразования в политической жизни общества, общественных отношениях, необходимо особое внимание обратить на условия, в которых она становится возможной. Молодежь может увидеть в политическом участии возможность сотворчества, тогда она изменит представления о значимости такого участия. Задача организаций – сделать привлекательными и лично ориентированными формы политического участия молодых людей (членов организации и им сочувствующих). Задача властных органов – осуществлять всестороннюю поддержку общественно-политическим молодежным организациям» [2].

Таким образом, можно сделать определенные выводы о том, что перед государством сегодня должна стоять непростая задача – создать условия для политического образования и воспитания подрастающего поколения, ведь современный молодежный электорат через несколько лет будет определять политический процесс в России. От того, какие именно ценностные ориентации будут осваиваться молодым поколением, во многом будет зависеть направленность развития самого общества и успех демократических преобразований в стране. Необходимо правильно ориентировать молодых граждан в политическом пространстве современной России, помогать им и направлять их социально-политическую деятельность в правильное русло, поскольку сегодня молодежь является важным политическим резервом для тех политических сил, которые заинтересованы в продолжении курса эффективных реформ, направленных на успешную модернизацию российского государства.

Список источников

1. **Чупров, В. И.** Социология молодежи : учебник / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок. – Москва : Норма; ИНФРА-М, 2011. – С. 137.
2. **Власенко, Л. В.** Роль молодежи в процессах преобразования общества / Л. В. Власенко // Научный диалог. – 2014. – № 5(29). – С. 126–140.

УДК 343.851.5

ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОВОМУ ВОСПИТАНИЮ В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, РАСПОЛОЖЕННОГО В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Емельянова Людмила Владимировна,

ГУО «Туголицкая средняя школа Бобруйского района»

(п. Туголица, Бобруйский район, Могилевская область, Беларусь)

В данном материале изложена методика работы в условиях учреждения «Туголицкая средняя школа Бобруйского района» по правовому воспитанию и профилактике преступлений среди учащихся. Материал может использоваться заместителем директора по воспитательной работе, социальным педагогом, классными руководителями.

В современном динамически развивающемся обществе профилактика преступлений – задача всех субъектов социума и органов государства, решаемая различными политическими, экономическими, правовыми и иными методами, специально направленными на устранение причин преступлений

и условий, способствующих их совершению. Особенно актуальна проблема профилактики преступлений в молодежной среде, а именно среди подростков, которые являются учащимися учреждений общего среднего образования, так как четверть населения нашей республики составляют дети [1].

Наряду с такими институтами общества, как семья, государство и правоохранительные органы, не последнее место в организации профилактической работы по предупреждению преступности отводится учреждениям общего среднего образования, так как большую часть своего времени подрастающее поколение находится «в стенах» школы.

В учреждении образования «Туголицкая средняя школа Бобруйского района» работа по профилактике преступлений среди учащихся ведется на основе «Комплексного плана совместных мероприятий по профилактике преступлений, правонарушений, пьянства, наркомании и потребления курительных смесей, суицидальных проявлений среди несовершеннолетних, безнадзорности и семейного неблагополучия на 2017–2019 гг.». В соответствии с планом по предупреждению преступности среди учащихся и формированию правового сознания работа организована по двум направлениям: меры общей профилактики, которые обеспечивают вовлечение всех учащихся в жизнь школы, и меры специальной профилактики, состоящие в выявлении учащихся, нуждающихся в особом педагогическом внимании, и проведении работы с ними на индивидуальном уровне.

Меры общей профилактики реализовываются через агитационную работу среди учащихся и их законных представителей, вовлечение учащихся в деятельность общественных организаций, занятия объединений по интересам, участие учащихся учреждения образования в различных мероприятиях на правовую тематику школьного, районного и других уровней, проведение родительских лекториев и собраний по правовой тематике. В учреждении оформлены и действуют стенды «Подросток и закон», «Сделай правильный выбор», на которых размещена информация об уголовной и административной ответственности несовершеннолетних, агитационные листовки на правовую тематику, статьи из «Закона о правах ребенка», «Конвенции о правах ребенка». Для максимальной занятости свободного времени учащихся в учреждении организована работа детских и молодежных общественных организаций – БРПО, «БРСМ», клуба юных спасателей и пожарных, юных инспекторов дорожного движения, объединений по интересам (кружков и секций) художественной и спортивной направленности: «Умелые ручки», театральный, «Юный стрелок», «Настольный теннис», секция по футболу и др. В деятельность общественных организаций и объединений по интересам вовлечены все учащиеся, требующие особого педагогического внимания. В учреждении проводится разъяснительная работа по профилактике преступности с учащимися и их законными представителями: классные часы и другие внеклассные мероприятия:

«Административная и уголовная ответственность несовершеннолетних», диспуты «Мои поступки. Кто виноват?», классные часы, «Жизненные ценности. День права»; в рамках шестого школьного дня проводятся «Правовая игротка», круглый стол «Подросток и закон», флешмобы «Мы за здоровый образ жизни», «Закон и мы едины». Регулярно организуются встречи с представителями правоохранительных органов (начальником инспекции по делам несовершеннолетних, участковым п. Туголица) по разъяснению уголовной и административной ответственности среди несовершеннолетних. Также сотрудники правоохранительных органов выступают на родительских собраниях по правовой тематике: «Права и обязанности родителей по воспитанию детей», «Уголовная и административная ответственность несовершеннолетних», «Что делать, если ваш ребенок совершил правонарушение?». Педагогом-психологом ежегодно проводится психолого-социальное анкетирование учащихся на предмет употребления алкоголя, наркотических и психотропных веществ и их аналогов. Совместно с социальным педагогом педагог-психолог проводит консультации учащихся и их законных представителей на темы «Трудный возраст», «Я не знаю, как поступить?», «У меня тяжелая жизненная ситуация» и др. С целью недопущения бесконтрольного свободного времяпрепровождения в учреждении осуществляется строгий контроль за посещением учебных занятий, занятий объединений по интересам учащимися.

Среди учащихся, требующих особого педагогического внимания и их семьями, проводится специальная работа, направленная на предупреждение противоправного поведения и его корректировку. В учреждении организован факультатив «Мы сами», главной задачей которого является обучение навыкам преодоления кризисных ситуаций и бесконфликтного поведения. Занятия данного факультатива посещают все учащиеся, состоящие на различных видах учета: учащиеся, находящиеся в СОП, состоящие на внутриучрежденческом контроле и на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Классными руководителями, педагогом-психологом, социальным педагогом не реже одного раза в месяц посещаются семьи, где воспитываются дети, требующие особого педагогического внимания. В ходе посещения проводится разъяснительная работа с родителями по вопросам обеспечения безопасных условий проживания несовершеннолетних, недопустимости оставления детей без присмотра, ведения здорового образа жизни, недопущении стрессовых ситуаций в семье.

В учреждении работает Совет по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в состав которого входят руководители учреждения (директор школы, заместители по учебной и воспитательной работе, а так же социальный педагог, педагог-психолог, председатель родительского комитета, представитель ФАПа п. Туголица). Заседания Совета профилактики проводятся раз в месяц. На заседаниях Совета профилактики рассматрива-

ются случаи нарушения дисциплины учащимися во время образовательного процесса, проводится разъяснительная работа с учащимися и их законными представителями на случай совершения противоправных поступков учащихся, рассматриваются семьи, в которых родители ведут антисоциальный образ жизни, а также семьи, в которых присутствуют стрессовые ситуации.

Об эффективности описанных мер по профилактике преступлений и правовому воспитанию учащихся свидетельствует снижение количества учащихся, состоящих на различных видах учета за последние два года. Так, в 2016/2017 на учете в ИДН состоял один учащийся, на начало 2017/2018 – таких учащихся в учреждении нет; в 2016/2017 учебном году на внутриучрежденческом контроле состояло четверо учащихся, в 2017/2018 – трое; детей находящихся в СОП в 2016/2017 – восемь, на начало 2017/2018 учебного года – шесть.

Список источников

1. Население Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://countrymeters.info/ru/Belarus>. – Дата доступа: 19.09.2017.

УДК 340.114.5 – 057.875

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Кацубо Светлана Петровна,

Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого
(г. Гомель, Беларусь)

В статье рассматриваются отдельные аспекты организации правового образования и просвещения, обосновывается необходимость формирования должного уровня правовой культуры молодых людей как будущих участников многочисленных правовых отношений.

Идеология сильного правового государства требует устранения проявлений правового нигилизма; повышения уровня правовой культуры во всех сферах жизнедеятельности общества. На этапе укрепления белорусской государственности по-новому переосмысливается ценность права.

Основной задачей в процессе формирования правовой культуры является формирование позитивного отношения к закону, праву, знанию гражданами своих прав и соблюдению обязанностей перед государством и обществом. Правовое образование является основой свободного общества, на которой создается и развивается мощное, здоровое государство.

В современном мире без изучения и усвоения правовых основ невозможно оценить всю систему сложных политических, социальных, экономических и международных отношений. Только овладение правовой культурой дает ориентир в оценке существующих политических режимов, социальной деятельности государств, правосознания народа.

Развитие человеческого потенциала в области права способствует построению в стране общества, характеризующегося уважением к закону, материальным благополучием и стабильностью. Классик русской цивилистики И.А. Покровский подчеркивал: «Для того, чтобы строить и творить, надо, прежде всего, больше знать и больше понимать: известный уровень юридических знаний делается теперь общегражданской обязанностью» [2, с. 35].

Чтобы вырастить законопослушных с высоким уровнем правовой культуры граждан, необходимо изучать право. Изучение основ права предоставляет широкие возможности, прежде всего, молодым людям правильно сделать свой выбор в конкретной ситуации, воспитывает у молодежи чувства собственного достоинства, самоуважения, ответственности за свой выбор, свои поступки.

Понятие «правовое просвещение» воспринимается как результат соответствующей деятельности, представляясь, по сути, процессом доведения до населения известной информации по правовым вопросам. Последняя может заключать в себе самые разные вопросы. В большинстве случаев до сведения населения доводится содержание принятых нормативных правовых актов, мотивы и цели принятия этих актов, данные об исполнении обязательных норм, разъяснение организационных моментов и многое другое, способное повлиять на формирование у населения положительного мнения о правотворчестве государственных органов.

В целях повышения правовой культуры населения и обеспечения защиты прав и законных интересов граждан Министерством юстиции Республики Беларусь было принято постановление «О некоторых вопросах правового просвещения населения» 19 ноября 2010 г. № 98, согласно которому правовое просвещение граждан осуществляется посредством организации и проведения системы мероприятий, направленных на обеспечение и защиту прав и законных интересов граждан, заключающихся в правовом информировании и консультировании, оказании некоторых видов юридической помощи отдельным категориям граждан адвокатами, нотариусами, работниками системы органов принудительного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов, работниками юридических служб организаций, лицами, имеющими специальные разрешения (лицензии) на право осуществления деятельности по оказанию юридических услуг, иными лицами в пределах их компетенции, определенной законодательством [п. 1.1, 1].

Правовое просвещение населения выступает как способ повышения правовой культуры населения. Однако, здесь не может быть допущено при-

нуждение, ибо оно противостоит правовой культуре и, как следствие, будет сдерживать ее формирование.

Формирование правовой культуры – сложный длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни граждан. Средствами формирования являются пропаганда права, развитие юридических знаний, практическое укрепление законности, наличие сильной юридической науки, высокое качество законов и подзаконных актов.

Процесс формирования правовой культуры не должен осуществляться стихийно, иначе хорошие начинания могут превратиться в формальность, либо просуществуют недолгий период. Необходимо вести планомерную системную работу по развитию правовой культуры, правового сознания. Посредством разнообразных форм правового воспитания должно обеспечиваться поэтапное становление гражданской позиции, прежде всего, молодых людей, формирование такого правового поведения, которое станет внутренней потребностью, критерием оценки окружающей действительности.

Вопросы правового просвещения и воспитания, формирования правовой культуры были и остаются одной из обязанностей представителей юридической общественности. Роль юриста в обществе, юридического образования весьма высока и ответственна [3].

Так, выше названным постановлением перечислены субъекты правового просвещения и конкретизированы их функции в области правового просвещения. Более того, субъекты правового просвещения несут обязанность по осуществлению мероприятий по правовому просвещению в рамках определенной законодательством их компетенции или компетенции государственных органов и организаций, работниками которых они являются.

Разумеется, не только юрист, но и каждый грамотный человек должен уметь сегодня ориентироваться в системе ценностей нашего общества и отчетливо осознавать назначение, характер и потенциал государства и права.

На пути развития правового государства вскрывать природу права и говорить о необходимости подчиняться правовым нормам каждому гражданину следует повсеместно и постоянно. При этом следует особо обосновывать существенную ценность права, как всеобщего регулятора общественных отношений. Только закрепив в общественном сознании эту истину, можно надеяться на эффективность правового просвещения в иных направлениях.

Наиболее активно распространяемой, на наш взгляд, должна быть правовая информация, позволяющая человеку и гражданину использовать законодательство. Конкретное лицо зачастую не знает о тех возможностях, которые государство в лице его органов готово ему предоставить. В этой связи, должна широко распространяться информация о государственных органах, организациях, посредством которых должна осуществляться реализация прав, свобод и возможностей гражданина. Соблюдение законности руководителями, долж-

ностными лицами государственного аппарата, участвующими в законодательной и правоприменительной деятельности, оказывает непосредственное позитивное влияние на процесс формирования правовой культуры населения. Следует отметить, что прямое общение, а также посредством средств массовой информации, работа телефонной горячей линии значительно повышают уровень доверия к представителям государственных органов. Весьма эффективна такая работа общественных объединений в рамках осуществления своих уставных задач. Видится, что для надлежущей организации правового просвещения населения, молодежи в области права необходимо:

Во-первых, оперативное доведение необходимой информации в кратчайшие сроки и доступной форме. Очевидно, что эта задача возложена на СМИ, телевидение, радио. Думается, что выпуски информационно-правовых передач, анимационных программ, активные интернет-площадки, направленные на формирование определенного уровня правового сознания и правовой культуры, имеют и будут иметь неплохой рейтинг.

Во-вторых, правовое просвещение, реализуемое учреждениями образования в порядке подготовки студентов юридических специальностей, увеличивает образовательный уровень населения и влечет закономерный интерес к профессиональной и научной правовой информации. Однако есть необходимость и в системе среднего специального образования изучать дисциплину «Основы права», которая предоставит молодежи в доступной форме основы отраслей права.

В-третьих, следует активно внедрять позитивный опыт правового просвещения, который направлен на формирование правового поведения. К примеру, можно привести ряд формирующихся традиций на некоторых избирательных участках в процессе избирательных кампаний: приглашение на избирательный участок групп молодых людей, впервые осуществляющих избирательное право, придание этой процедуре важности, значимости; вручение паспорта гражданина Республики Беларусь; оформление уголков избирателей, выставка нормативных правовых актов и литературы; показ электронных презентаций по избирательному праву; отчеты депутатов о проделанной работе за истекший период и др.

Знание своих прав и обязанностей, осознание себя важной частицей гражданского общества, мирового сообщества, уважение прав и свобод другого человека, других народов, ознакомление с системой защиты права – цели правового просвещения. Достижение обозначенных целей позволит формировать определенную правовую культуру и правосознание населения, особенно молодежи, создавать позитивно настроенное гражданское общество, будет способствовать становлению определенного правопорядка в государстве. Наконец, общество станет сознавать себя ответственным за состояние законности в государстве.

Список источников

1. О некоторых вопросах правового просвещения населения : Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, 19 ноября 2010 г. – № 98.
2. **Покровский, И. А.** Основные проблемы гражданского права. – Москва : Статут (в серии «Классики российской цивилистики»), 1998. – 353 с.
3. **Топорнин, Б. Н.** Высшее юридическое образование в России: проблемы развития. – Москва : Институт государства и права РАН, 1996. – 30 с.

УДК 373

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ковалев Андрей Николаевич,

ГУО «Гимназия г. Мстиславля» (г. Мстиславль, Беларусь)

Доклад посвящен актуальным вопросам правового воспитания школьников. В освещении вопроса правового воспитания особое внимание уделено комплексному подходу в процессе формирования правовой культуры подрастающего поколения на основе формирования идейно-нравственных принципов. Особое внимание уделено непрерывности процесса усвоения социальных норм и моральных установок на протяжении всей жизнедеятельности человека.

Начиная с 90-х гг. XX в., правовая система Республики Беларусь претерпела значительные изменения. Произошло демократическое обновление законодательства. Права и свободы человека и гражданина утверждаются как высшая ценность в обществе, однако эти процессы не всегда подкреплены соответствующим уровнем правосознания и правовой культуры населения. Обладая высокой правовой культурой, гражданин в состоянии свободно себя ориентировать, исходя из признания социальной ценности права и собственного избранного поведения. В этой связи актуальность воспитания правовой культуры учащихся не вызывает сомнений. В наше время это особенно важно, поскольку воспитание социально активного гражданина должно быть направлено на развитие личности как субъекта жизнедеятельности, государства, права и морали. От того, как эта проблема будет решаться в школьном возрасте, во многом зависят состояние и тенденции развития правового государства, демократизации общества.

Воспитание человека – это одна из главных задач стоящих перед системой образования Республики Беларусь. Целью воспитания является всестороннее развитие личности. Осуществление этой задачи возможно лишь при комплексном подходе к воспитанию на основе единства патриотического, нравственного и правового воспитания.

Обратим внимание на сам термин «право». Право – совокупность норм и правил поведения людей, выраженных в законах и постановлениях государственных органов власти и регулирование общественных отношений в данном конкретном обществе. В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь формирование правовой культуры личности утверждается как одно из основных составляющих воспитания. Концепция ориентирует педагогические коллективы учреждений образования на решение задач усвоения учащимися систематизированных знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, формирования у них законопослушного поведения, понимания ответственности за противоправные действия [4, с. 18]. Правовая культура личности позволяет реализовывать важнейшие правовые ценности, лежащие в основе ее мировоззрения, выбирать линию поведения в соответствии с правовыми нормами, в рамках закона выражать отношение к обществу и самим себе.

Воспитательные задачи:

- знакомство с нравственно-правовыми нормами, законодательными актами, раскрывающими права и обязанности несовершеннолетних;
- ориентация подростков на нравственно-правовые ценности в оценке своих поступков и поведения других людей;
- формирование адекватной самооценки;
- оказание помощи подросткам в расширении круга их интересов в сфере права и ответственности за конечные результаты любой деятельности;
- воспитание терпимости, неразрывно связанной с чувством собственного достоинства;
- профилактика противоправного поведения, табакокурения, алкоголизма, наркомании;
- создание условий для включения подростка в те виды продуктивной деятельности, в которой он может найти самовыражения и самореализации своих творческих способностей.

Школа должна:

- добиваться усвоения учащимися системы знаний по вопросам Государства и права;
- воспитывать уважительное отношение школьников к законам своего государства и убеждать в необходимости их выполнения;
- прививать навыки правомерного поведения, потребность активно защищать в установленном порядке интересы и права личные, государственные и общественные;
- вырабатывать активную гражданскую позицию у школьников, нетерпимость к нарушениям правопорядка.

Концептуальные позиции технологии определяют те подходы, на которых строится эффективный воспитательный процесс формирования правовой

культуры учащихся. Среди приоритетных подходов выделены аксиологический, герменевтический, конкретно-исторический, этико-правовой, личностно ориентированный и системный.

Системный подход рассматривает воспитание правовой культуры как многоуровневый иерархический взаимозависимый детерминированный процесс становления личности гражданина.

Аксиологический подход предусматривает, что воспитание правовой культуры личности должно осуществляться на основе развития у нее способности к самостоятельному выбору нравственно-правовых ценностей и норм в качестве ориентиров поведения.

Герменевтический подход означает способность педагога постичь внутреннюю связанность фактов и явлений, составить ясное представление о причинно-следственных связях воспитательного процесса, что помогает понять и принять каждого ребенка, развить педагогическую интуицию, толерантность в преодолении ситуации «непонимания», приблизить к решению задач гуманизации и демократизации жизнедеятельности воспитанников.

Конкретно-исторический подход определяет задачи воспитания правовой культуры личности с учетом специфики современного этапа развития общества.

Этико-правовой подход обуславливает интеграцию нравственного и правового воспитания в целостном процессе формирования правовой культуры гражданина. Личностно ориентированный подход признает личность целью воспитания и одновременно субъектом жизнедеятельности и правовых отношений, активно участвующей в преобразовании себя и социальной среды [3].

Важным условием создания воспитывающего правового пространства в общеобразовательном учреждении выступает совместная деятельность учащихся и педагогов. Поиск совместно с учащимися образцов правовой культуры, правомерного поведения, выработка на этой основе собственных правовых ценностей составляют содержание работы педагога по правовому воспитанию и тем самым, обеспечивая активную личную позицию учащегося в воспитательном процессе.

Знакомство учащихся с правовыми нормами позволяет более успешно решать задачу формирования нравственных свойств личности. Например, изучение системы прав, предоставляемых гражданам, способствует развитию чувства собственного достоинства, а изучение обязанностей – формированию ответственности. Ознакомление с системой запретов, определенных правовыми нормами, позволяет уточнить представления учащихся о зле.

В настоящее время произошло изменение основной парадигмы системы образования. Если ранее она выражалась: «Школа – подготовка к жизни», то на современном этапе: «Школа – это сама жизнь». Поэтому педагогический коллектив школы, каждый учитель должны не просто готовить подрастающее поколение к выполнению гражданских функций по отношению к государству,

семье, труду и личной, частной и общественной собственности, а включать их в социальную систему отношений. Каждый выпускник школы должен твердо знать нормы и правила поведения в обществе, свои права и обязанности, основные положения законодательства Республики Беларусь.

Список источников

1. Кодекс Республики Беларусь «Об образовании» от 13 января 2011 г. № 243-З.
2. **Борщева, Е. В.** Правосознание как фактор формирования правового государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. В. Борщева; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2000. – 20 с.
3. **Иманкулов, Р. И.** Психолого-педагогические аспекты правового сознания: (школьный возраст) : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Р. И. Иманкулов; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 1998. – 17 с.
4. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь : сб. нормативных документов. – 2015. – С. 9–39.
5. **Спиридонов, Л. И.** Теория государства и права / Л. И. Спиридонов. – М. : Гардарики, 1996.
6. **Торханова, А. В.** Профилактика противоправного поведения школьников / А. В. Торханова, И. А. Царик, А. С. Чернявская. – Минск : Нац. ин-т образования, 2009. – 120 с.

УДК 34 (7/8 + 476)

ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Кондратенко Антон Викторович,

ГУО «Межисетская средняя школа» (а/г Межисетки, Могилевский район, Могилевская область, Беларусь)

Право как социальное явление вызывает то или иное отношение к нему людей. Это отношение может быть положительным или отрицательным, то есть понимается, как ценность права или бесполезное, не приносит положительного действия. При этом люди не только выражают свое отношение к существующим правовым явлениям, но и формируют свое представление о том, каким должно быть право. В данной статье рассматриваются взгляды и чувства молодых людей по отношению к праву и юридическим явлениям в своей жизни, что в свою очередь образует правосознание. Также с правом и правосознанием неразрывно связано правовая культура.

Исходя из общих подходов, содержащихся в современной науке, правовое сознание молодежи, как субъектов правовых отношений, представляет собой способность отражать существующие теоретические идеи, взгляды, нормы,

представления, а также реальные процессы, происходящие в правовой сфере. Однако эта способность имеет существенную специфику, связанную с тем обстоятельством, что молодежь является не ставшим, а становящимся субъектом правовых отношений. Следовательно, и ее правовое сознание определяется свойствами, отражающими процесс становления. Это проявляется, как в структуре правосознания, так и в степени зрелости и устойчивости ее составных элементов. В групповом и индивидуальном правосознании молодежи часто наблюдается разрыв между теоретическими представлениями и практическим опытом, явлении аномии в нормативных структурах, противоречия в мотивационной сфере и многие другие проявления, свидетельствующие о недостаточной его зрелости.

При сравнении правовой культуры молодежи двух государств нужно рассмотреть правовое воспитание в системе образования и других социальных институтах. Именно при правовом воспитании достигается высокая правовая культура.

Правовое воспитание – это целенаправленное постоянное воздействие на человека с целью формирования у него правовой культуры и активного правомерного поведения. Основная цель правового воспитания – дать человеку необходимые в жизни юридические знания и научить его уважать законы и подзаконные акты и соблюдать их, то есть сформировать достаточно высокий уровень правовой культуры, способен значительно уменьшить количество правонарушений. Каждый человек, зная свои права и обязанности, может грамотно защищать себя от незаконных действий субъектов права.

Педагоги Соединенных Штатов Америки рассматривают правовое воспитание как формирование социально ответственного, политически лояльного члена общества, который соответствует «американскому образу жизни». В президентском акте «Америка-2000» в подтверждение такой установки среди основных национальных целей модернизации образования выделено «воспитание ответственного гражданина». Гражданское воспитание в США рассматривается в качестве мировоззренческого конструкта – как связующий мост и посредник между личностью и государством, частными и публичными интересами. Особую значимость для правового воспитания имеют церковь, семья, общины, добровольные объединения.

Основополагающими в концепциях гражданского воспитания являются тезисы о школе как «лаборатории демократии», нераздельности демократии и гражданского воспитания. В основе теоретических установок в значительной мере лежит парадигма конструктивизма, идеологи которого полагают, что учащаяся молодежь должна быть активным творцом собственных гражданских ценностей. В понимании Б. Блума, Р. Гарнье, Б. Скиннера, Ч. Мерриам, С. Ханн и других ученых гражданское воспитание заключается особенно в том, чтобы приобщить к общегражданским ценностям, вооружить умениями

политического диалога. Речь идет о воспитании граждан в духе социальной ответственности за свою страну, благосостояние нации, обеспечение стабильности республиканского устройства. Гражданское воспитание трактуется как учебно-воспитательный процесс, основанный на социальном опыте учащихся и направленный на формирование персональной гражданской ответственности. Акцент делается на формировании социально-политических компетенций, что отчетливо видно в смене педагогической терминологии. Так термин «гражданское воспитание» часто заменяют термином «политическая социализация».

Американская модель правовой культуры и воспитания является наиболее разработанной, теоретически и методически законченной, результативной. Оценкой ее педагогических достижений может служить следующий вывод.

Проблема гражданского развития личности являлась актуальной для американского государства с момента его создания. С самого начала Америка была тем, что поэт Уолт Уитмен назвал «нация наций», то есть страной, заселённой иммигрантами различных рас и национальностей, вероисповеданий, языков, культур. Одной из важнейших задач была задача объединения разных народов в одну нацию. Объединила их идея гражданства и приверженности Конституции, ее идеалам и принципам.

Английский писатель Израэль Зангвел в своей пьесе «Плавильный котел» в 1908 г. сказал: «Америка – это большой котел, в котором расплавляются и смешиваются люди всех национальностей». В течение всей истории США представители различных народов ассимилировались в новую американскую действительность, но многие с трудом расставались с привычками и традициями. Они гордились тем, что будучи «американцами», оставались верными традициям Родины. Будучи нацией иммигрантов, Америка научилась ценить результат смешения культур.

Правовое воспитание в нашем молодом государстве осуществляется в соответствии с Концепцией непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь. В Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь формирование правовой культуры личности утверждается как одно из основных составляющих воспитания.

К условиям воспитания правовой культуры личности относятся:

- совершенствование системы защиты прав и интересов обучающихся, в том числе посредством действенной системы ученического (студенческого) самоуправления;

- организация правового просвещения педагогических работников, обучающихся и их законных представителей; профилактика противоправных действий;

- создание в учреждениях образования атмосферы взаимоуважения, взаимной ответственности;

– использование разнообразного содержания, методов, приемов и средств правового воспитания;

– контроль (самоконтроль) за соблюдением прав и обязанностей обучающихся;

– взаимодействие учреждений образования, семьи, органов управления образованием, органов государственной, исполнительной и судебной власти, правоохранительных органов, общественных объединений и организаций, других заинтересованных в правовом воспитании обучающихся.

В рамках учебного плана общеобразовательного учреждения изучаются предметы, содержание которых непосредственно направлено на формирование культуры правового мышления, осознание правовых и нравственных норм общества. Помимо реализации нравственно-правового компонента в учебном процессе познание учащимися правовых идей, ценностей, норм организуется во внеучебное время. Таким образом, формирование правовой культуры учащихся выступает одной из актуальных направлений воспитания гражданина Республики Беларусь

Список источников

1. **Лебедев, А. Ф.** Общая теория права : учебное пособие / А. Ф. Лебедев. – Минск : Амалфея, 2015, – 364 с.
2. Обновленная Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь : преемственность и новации : сб. нормативных документов, 2016.
3. **Джуринский, А. Н.** Сравнительное образование. Вызовы XXI века / А. Н. Джуринский. – Прометей, 2014. – 440 с.

УДК 373,5 : 34

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Копейченко Андрей Иванович,

ГУО «Средняя школа № 25 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь)

В статье анализируется направленность правового воспитания учащихся в школьном курсе «Обществоведение». Отмечается, что правовое воспитание учащихся направлено на формирование в их сознании понятных и конкретных нравственно-правовых категорий, правовое информирование по вопросам основ конституционного строя государства, основных отраслей права Республики Беларусь.

Современное общество и государство заинтересовано в существовании эффективной системы правового воспитания учащихся, с целью снижения уровня совершения правонарушений и преступлений.

Правовое воспитание в школе является составной частью гражданского и патриотического воспитания [1]. Правовое воспитание учащихся общеобразовательной школы осуществляется посредством проведения классных и информационных часов, уроков истории и обществоведения, факультативных занятий.

Школьный курс «Обществоведение» изучается в 9–11 классах. К 9 классу учащиеся общеобразовательной школы уже имеют некоторые представления о правовых знаниях, но именно они, в силу возраста и своих личностных особенностей, постепенно от самосознания своей личности переходят к самоутверждению. В данный период учащиеся получают возможность сформировать свое личное отношение к вопросам права и правосознания, определить его значимость для человека как важнейшего регулятора общественных отношений.

В системе общего среднего образования «Обществоведение» представляет собой учебный предмет, основу которого составляет совокупность научных знаний об обществе и человеке, в содержании предмета представлены социальные нормы (нравственные и правовые) [2].

Правовое воспитание представляет собой целенаправленную деятельность государства, общественных организаций, отдельных граждан по передаче позитивного юридического опыта; систематическое правовое воздействие на сознание и поведение человека. Содержание правового воспитания обусловлено экономическим, политическим, социальным и духовно-культурным состоянием общества.

Учащиеся 9–11 классов общеобразовательной школы занимают особое место в социальной структуре общества, их представления об окружающем мире еще не сложились в устойчивую систему, не осознанна в полной мере личная ответственность перед обществом за свое поведение, не сформированы прочные знания своих прав и обязанностей.

Можно отметить следующие особенности правосознания учащихся 9–11 классов: 1) они не понимают смысл многих правовых норм, и как следствие возникает возможность их нарушения или игнорирования; 2) полный эгоцентризм, который препятствует усвоению молодыми людьми идеи формального юридического равенства; 3) высокая степень конфликтности, что часто проявляется в противопоставлении себя старшим и сверстникам, в том числе и в плане противоправного поведения; 4) критическое отношение к существующей политико-правовой организации общества, не всегда соответствующей представляемой идеальной модели [4].

Одной из главных задач государства является социальная профилактика правонарушений. Она предусматривает не только устранение причин и усло-

вий преступности, но и правовое воспитание членов общества, направленное на формирование определенных свойств и качеств личности, которые образуют правосознание и выступают внутренней предпосылкой правомерного поведения человека в различных сферах жизни и деятельности, регулируемых нормами права [5, с. 10].

В 9 классе учащиеся общеобразовательной школы в разделе «Человек и нравственность» изучают вопросы морали, нравственных ценностей и нравственного поведения [6]. Основной задачей здесь выступает формирование в сознании учащихся понятных и конкретных нравственно-правовых категорий [5, с. 13].

В 10 классе учащиеся получают возможность научиться различать правовую и моральную регуляцию поведения человека в обществе, объяснять взаимосвязь и взаимозависимость между правами и свободами. Воспитательная функция права связана с необходимостью убедить учащихся в справедливости действующих правовых норм, важности укрепления правопорядка и законности. Школьники должны четко осознавать высокую жизненную ценность права, в силу того, что право препятствует произволу, открывает возможности для свободной деятельности людей в рамках закона [7]. В 11 классе изучается конституционный строй Республики Беларусь, государственная политика, основные отрасли права. Учебный материал содержит выдержки из нормативных правовых актов и преимущественно направлен на правовое информирование.

Важно отметить, что в учебниках по обществоведению почти не представлены разъясняющий и воспитывающий компоненты, что не позволяет сформировать у учащихся положительное отношение к социально-правовым ценностям, уважение к конституционному строю, действующим законам, органам государственной власти и управления [5, с. 13]. Правовые знания еще не свидетельствуют о том, что личность будет действовать в соответствии с ними. Поэтому важно, чтобы правовые знания стали правовыми убеждениями. Правовую культуру нельзя рассматривать отдельно от общей образованности. Правовая культура личности включает в себя знание и понимание права с возможностью действий согласно его предписаниям, которая проявляется в объеме и глубине теоретических знаний, навыках и умениях решать задачи своего поведения.

В таких условиях эффективными средствами правового воспитания учащихся на уроках школьного курса «Обществоведение» является использование проблемных познавательных заданий, юридических задач, проектная и исследовательская деятельность школьников. Таким образом, школьное обществоведческое образование в значительной степени способствует восприятию правовой культуры на основе формирования в сознании учащихся понятных и конкретных нравственно-правовых категорий, правового информирования по вопросам основ Конституции государства, основных отраслей права Республики Беларусь.

Список источников

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adu.by/wp-content/uploads/2015/umodos/koncept-vospit-detej-i-molodioji.doc>.
2. Концепция учебного предмета «Обществоведение». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adu.by/wp-content/uploads/2014/umodos/kup/Koncept_Obschestvovedenie.doc. – Дата доступа: 01.10.2017.
3. **Ефременко, Е. М.** Правовое воспитание как фактор формирования правосознания молодежи / Е. М. Ефременко // Народная асвета. – 2014. – № 4. – С. 3–7.
4. Стуканов, В. Г. Актуальные проблемы правового воспитания в современном белорусском обществе / В. Г. Стуканов // Народная асвета – 2016. – № 9. – С. 10–14.
5. Обществоведение : учеб. пособие для 9 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / М. И. Вишневецкий [и др.] ; под ред. М. И. Вишневецкого. – Минск : Народная асвета, 2009. – 208 с.
6. Обществоведение : учеб. пособие для 10 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / М. И. Вишневецкий [и др.] ; под ред. М. И. Вишневецкого. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2009. – 240 с.
7. Обществоведение : учеб. пособие для 11 кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / М. И. Вишневецкий [и др.] ; под ред. М. И. Вишневецкого. – Минск : Народная асвета, 2010. – 270 с.

УДК 37.035:34

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЁЖИ: ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Лакрисенко Алла Михайловна,

ГУО «Средняя школа № 11 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь)

В настоящее время одной из важных задач современной Республики Беларусь является построение правового демократического государства, что неразрывно связано с формированием правовой культуры населения в целом. Формирование правовой культуры – сложный длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни граждан. Формирование правовой культуры молодежи возможно путем реализации основных направлений.

Важным признаком правового государства, обязательным условием его построения, является высокий уровень правовой культуры населения и является одним из показателей ее развития и важным критерием модернизации общества. Под правовой культурой понимается совокупность знаний, ценностей и установок личности относительно прав и возможностей их практиче-

ского осуществления [2, с. 450]. Правовая культура представляет собой сложный комплекс явлений общественной жизни, включающий правовые нормы, принципы, правосознание, правоотношения, правовое поведение в процессе реализации жизненных установок.

Развитие человеческого потенциала в области права способствует построению в стране общества, характеризующегося уважением к закону, материальным благополучием и стабильностью. Познавая свои права, человек начинает уважать и права других людей, что ведет к созданию более терпимого и миролюбивого общества. Формирование правовой культуры – сложный длительный процесс, затрагивающий все стороны общественной жизни граждан. Средствами формирования являются пропаганда права, развитие юридических знаний, практическое укрепление законности, наличие сильной юридической науки, высокое качество законов и подзаконных актов.

Правовая культура формируется из следующего: человек приобретает знания норм права, позитивно относится к праву, правомерное поведение становится нормой, обычаем в повседневной жизни, появляется необходимость активно участвовать в пропаганде права, потребность научить других, передавать свои правовые знания и навыки [4, с. 7].

Основной задачей в процессе формирования правовой культуры является формирование позитивного отношения к закону, праву, знанию гражданами своих прав и соблюдению обязанностей перед государством и обществом. Правовое образование является основой свободного общества, на которой создается и развивается мощное, здоровое государство. Правовая культура проявляется в повседневном поведении. К высшим ее проявлениям относится неукоснительное соблюдение закона. Осознанный выбор подобной модели поведения предполагает высокий уровень доверия к действующему законодательству. Чтобы вырастить законопослушных с высоким уровнем правовой культуры граждан, основы правовой культуры должны закладываться еще в детстве.

В нашей республике молодежь составляет почти четверть населения. Сегодня ценности молодежи, ее взгляды, нравственный облик оказывают все более заметное влияние на общество, так как молодые люди вовлечены во все без исключения социальные процессы. В современном обществе часто ставится вопрос о правовой культуре молодежи. Нередко молодое поколение обвиняется в ее полном отсутствии и пренебрежении. Поэтому перед обществом и образовательной системой стоит актуальная задача, заключающаяся в поиске специфических особенностей формирования правовой культуры личности, а также эффективных форм ее усвоения молодежью.

Для решения этой задачи в Республике Беларусь осуществляется государственная молодежная политика. Основными целями ее являются:

– содействие социальному, культурному, духовному и физическому развитию молодежи;

– использование инновационного потенциала молодежи для дальнейшего развития Беларуси;

– реализация общественно значимых инициатив, общественно полезной деятельности молодежи, молодежных общественных объединений [1, с. 23].

На формирование правового сознания молодого человека влияют следующие факторы:

– непосредственные условия жизни и работы;

– организованная система обучения и воспитания;

– средства массовой информации;

– государственная молодежная политика [5, с. 107].

Формирование правовой культуры молодежи возможно путем реализации следующих основных направлений:

Во-первых, важным представляется разъяснение молодежи необходимости наличия правовых знаний в современном мире.

Во-вторых, распространение знаний о праве и правопорядке, т. е. правовой информации. В нашем государстве для этих целей используются следующие средства: литература, искусство, школа, церковь, печать, радио, телевидение, специальные юридические учебные заведения. Правовое воспитание является составным элементом идеологической функции государства. Именно правовая информация выступает необходимым условием профилактики правового нигилизма, т. е. отрицательного отношения к праву у разных групп населения и в первую очередь у молодежи.

В-третьих, проводится регулярная работа по профилактике правонарушений в молодежной среде [3, с. 56].

В условиях современного развития общества необходимость социализации молодежи фактически определяет судьбу всех происходящих в стране реформ, поскольку ныне молодое поколение вынуждено ориентироваться на будущее, формировать свой собственный потенциал применительно к рыночным отношениям, пройдя адаптацию к таким процессам: безработица, платное обучение, инфляция и т. д. Под воздействием этих негативных тенденций активизируются процессы социального отчуждения молодежи, ее отстраненности от политической жизни, от участия в поддержке общественных целей конкретным действием, уменьшения заинтересованности судьбой различных общностей и слоев. Социально-экономические факторы и условия жизни обуславливают не только идеологические, политические, моральные позиции и мотивацию поступков молодежи, но и формирование ее правовой культуры и правосознания [6, с. 40].

Молодежь – это главный ресурс общества, его будущее. Чтобы вырастить законопослушных граждан с высоким уровнем правовой культуры, необходимо изучать право. Успех отдельно взятой личности зависит от того, насколько удачно человек воспользуется имеющими у него правами и реализует пред-

ставленные ему обществом возможности. Более того, успех общественно-экономических преобразований зависит от уровня политической и правовой культуры общества. Из жизни общества должны быть устранены факты неуважения к закону, правового невежества, грубого нарушения прав и свобод человека, неисполнения предписаний закона.

Изучение основ права предоставляет широкие возможности молодым людям правильно сделать свой выбор в конкретной ситуации, воспитывает у молодежи чувства собственного достоинства, самоуважения, ответственности за свой выбор, свои поступки. Человек, знающий свои права, вызывает уважение окружающих, он добивается соблюдения своих прав в различных ситуациях, с его мнением считаются.

Список источников

1. Молодежь: права и обязанности : сборник нормативных актов РБ / Минск, 2004. – С. 185.
2. **Дробязко, С. Г.** Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 6-е изд., исправл. – Минск : Алмалфея, 2013. – 496 с.
3. Молодежь Беларуси на современном этапе: состояние, проблемы и пути их решения / под ред. С. Д. Лаптенка – Минск, 2004. – 342 с.
4. Молодежь Беларуси: социальная политика и условия самореализации // Научное издание. – ИСПИ, 2000.
5. **Дыжова, А. А.** Правовая культура и правовое сознание учащейся молодежи: соц.-прав. анализ / А. А. Дыжова А. П. Демидова. – Могилев : УО «МГУП», 2013. – 165 с.
6. **Зубок, Ю. А.** Правовая культура молодежи / Ю. А. Зубок // Социс. – 2006. – № 6. – С. 37–42.

УДК 343.95

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Марфонова Анна Викторовна, Мизюрькова Светлана Васильевна,
ГУО «Мазоловский учебно-педагогический комплекс детский сад –
средняя школа» (а/г Мазолово, Мстиславский район,
Могилевская область, Беларусь)

Правомерность и необходимость правового воспитания детей в настоящее время не подвергается никакому сомнению. В этом сыграло роль и появление международных документов о правах человека и правах ребенка, и смена приоритетов в обществе. Когда человек, личность, признается наивысшей ценностью.

Однако осознавая необходимость правового воспитания, учителя затрудняются в его практической реализации. Причины затруднений мы видим в том, что названная проблема методически и технологически ими не проработана и не освоена.

Если мы хотим жить в правовом обществе и видеть своих детей свободными, ответственными, деятельными, уважающими себя и других, способными строить жизнь, достойную человека, следует с первых школьных шагов приобщать учащихся к правовой культуре. А это означает, что необходимо создавать систему обучения и воспитания, направленную на формирование правовой культуры личности.

Правовые знания помогут педагогу защитить ребенка от посягательств сверстников, старших ребят, взрослых, найти верный тон во взаимоотношениях с родителями, следствием чего будет доверие родителей к учителю, а его советы будут приниматься родителями как забота о ребенке, его личностном развитии, нормальном физическом и эмоциональном самочувствии. Правовая культура учителя поможет ему в осуществлении личностного подхода к каждому ребенку [2, с. 3].

Построение правового государства немислимо без воспитания у подрастающего поколения гражданских качеств личности. Поэтому воспитание правосознания у школьников становится одной из задач школы и классных руководителей.

Школа – это учреждение, построенное на определенной иерархии, на особом взаимодействии взрослых с детьми, старших с младшими, между сверстниками. Возникают строго очерченные взаимоотношения между участниками учебно-воспитательного процесса. У школьника появляются права и обязанности, которые он должен выполнять. Именно здесь начинает формироваться правовое сознание человека, его стремление быть участником общественной жизни. В младшем школьном возрасте развивается самосознание. У ребенка возникают вопросы: «Кто я? Чем отличаюсь от других?» и др. Ребенок активно раздвигает горизонты своих прав и своих возможностей, познавая их границы. Из сказанного вытекает необходимость правового образования младших школьников. Конечно, первичные представления в аспекте рассматриваемой проблемы дети получают гораздо раньше, в раннем детстве. Младшие школьники продолжают свое правовое образование на более организованной правовой основе. Через учебно-воспитательный процесс они обогащаются знаниями о государстве, его символах, своих правах и обязанностях, знакомятся с конкретными правовыми нормами, учатся следовать им [3, с. 68].

Правовая культура личности – совокупность правовых знаний и способность их полной и правильной реализации в различных видах деятельности. Правовая культура предполагает сочетание правовых знаний с нравственными идеалами и ценностными ориентациями личности.

Содержание воспитательной работы по формированию правовой культуры личности направлено на усвоение систематизированных знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, формирование законопослушного поведения, понимание обучающимся ответственности за противоправные действия. Формирование адекватной самооценки личности обучающегося и поведения, которое проявляется в реализации своих прав и свобод, ответственном отношении к выполнению своих обязанностей как гражданина Республики Беларусь, в готовности в различных жизненных ситуациях действовать юридически грамотно, целесообразно, ориентируясь на существующие законы. Правовое воспитание выполняет две основные функции: передача определенной суммы правовых знаний, навыков и умений, необходимых для нормальной жизнедеятельности; формирование правовых идей, чувств, убеждений в сознании воспитуемых в отличие от других видов социального воспитания личности.

Условия воспитания правовой культуры личности:

- совершенствование системы защиты прав и интересов обучающихся, в том числе посредством действенной системы ученического (студенческого) самоуправления;

- организация правового просвещения педагогических работников, обучающихся и их законных представителей; профилактика противоправных действий;

- создание в учреждениях образования атмосферы взаимоуважения, взаимной ответственности;

- использование разнообразного содержания, методов, приемов и средств правового воспитания;

- контроль (самоконтроль) за соблюдением прав и обязанностей обучающихся;

- взаимодействие учреждений образования, семьи, органов управления образованием, органов государственной, исполнительной и судебной власти, правоохранительных органов, общественных объединений и организаций, других заинтересованных в правовом воспитании обучающихся [1].

Большую помощь в правовом воспитании могут оказать работники правоохранительных органов – милиции, судов и прокуратуры, инспекторы по делам несовершеннолетних, представители государственных служб и общественных организаций, средства массовой информации и родители [3, с. 70].

Все же основную работу по правовому воспитанию учащихся должен проявлять педагогический коллектив. Нужна определенная система воспитания правосознания учащихся, начиная с первых дней занятий в школе. Важнейшими задачами школы и каждого классного руководителя являются: ознакомление учащихся с правовыми актами государства; воспитание уважительного отношения к законам своей страны и убеждение в необходимости их

выполнения; привитие навыков законопослушного поведения, умения защищать свои права и свободы в установленном порядке.

Формы и методы правового воспитания обучающихся:

- классные часы;
- уроки;
- факультативы;
- правовые беседы;
- использование кино, телевидения;
- вечера встреч и тематические вечера;
- вечера вопросов и ответов;
- обсуждение книг и статей, которое позволяет не только пополнить запас правовых знаний, но и сформировать свое отношение к ним;
- наглядная агитация (тематические стенды, папки с вырезками газетных и журнальных статей);
- правовой уголок (включает информацию о правах и обязанностях школьников);
- издание пособий, буклетов и памяток по правовой тематике;
- проведение конкурсов по правовой тематике;
- встречи с работниками прокуратуры;
- неделя права.

В плане классного руководителя можно предусмотреть цикл бесед следующего содержания: «Ты – будущий хозяин своей страны», «Ты отвечаешь за себя и других», «Гражданином быть обязан...», «Что такое “хорошо” и что такое “плохо”?», «Человек в мире правил», «Что такое закон?» Кроме бесед, можно предусмотреть вечера и утренники на тему «Долг и обязанность», «Права и обязанности учащихся», оформить витрину «Знаешь ли ты законы своей страны», а в стенных газетах ввести рубрику «Можно и нельзя».

Массовая, групповая, индивидуальная работа во внеклассной, внешкольной деятельности по правовому воспитанию складывается из просмотров, обсуждений кино- и телефильмов, экскурсий, читательских конференций, бесед, диспутов, устных журналов, игр, инсценировок, работы кружков, клубов, научных обществ и др. Эти формы правового воспитания имеют важнейшее воспитательное значение, решают задачи расширения правовых знаний школьников, накопления нравственно-правового опыта, формирования навыков правомерного поведения, воспитания непримиримости к нарушениям законов и к антиобщественным поступкам [3, с. 71].

Чтобы приобретенные школьниками правовые знания могли успешно реализоваться на практике, надо закреплять их, вырабатывать у учащихся навыки правомерного поведения, умение самостоятельно принимать правильные решения в альтернативной ситуации. Широкие возможности для формирования этих навыков дает специально организованная игра. В созданной игро-

вой ситуации школьники сопереживают своим героям, стремятся овладеть их морально-волевыми качествами, интенсивно воспринимают опыт других, развивают навыки выбора альтернативных решений по отношению к действиям, поведению окружающих. Игровая ситуация в значительной степени затрагивает эмоциональную сферу личности, способствуя формированию навыков общения в процессе овладения знаниями.

В условиях постоянно меняющихся законов воспитания у школьников правосознания и гражданской ответственности представляет собой наиболее сложный участок работы педагогического коллектива. Поэтому в каждой школе необходимо создать определенную систему правового воспитания с привлечением к этой работе всех заинтересованных лиц.

Список источников

1. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи: утверждена постановлением Министерства образования Республики Беларусь 15.07.2015 г. № 82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ripo.unibel.by/index.php?id=782>. – Дата доступа: 23.09.2017.
2. **Поддубская, Г. С.** Нравственно-правовое воспитание в начальной школе / Г. С. Поддубская. – Мозырь : ООО ИД «Белый Ветер», 2008. – 110 с.
3. **Степаненков, Н. К.** Планирование работы классного руководителя / Н. К. Степаненков. – Минск : Ред. журн. «Адукацыя і выхаванне», 1996. – 104 с.

УДК 343.95

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Сулимова Елена Владимировна, Шилович Наталья Леонидовна,
ГУО «Средняя школа № 27 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь)

Материалы из опыта работы «Правовое воспитание школьников: актуальные проблемы и пути их решения» представляют собой определенную систему форм, методов и приемов педагогического воздействия, опираются на принципы индивидуализации, мотивированности, взаимодействия личности и коллектива, единства образовательной и воспитательной среды. Ценность работы заключается в том, что в ней представлен опыт педагогов, основанный на реальном участии детей в социально-значимой деятельности, направленной на формирование правовой культуры и осознанного правового поведения.

Современный мир меняется настолько быстро, что многие молодые люди теряются в сложных жизненных ситуациях. Потеряв социальные ориентиры,

они направляют свою кипучую энергию не на созидание, а на разрушение, относятся к выполнению важнейших гражданских обязанностей безответственно, проявляют социальную незрелость и бездуховность, нетерпимость и даже агрессивность, одной из форм которой является подростковая преступность. Недостаточная правовая грамотность и размытость моральных ориентиров становятся основными причинами правонарушений школьников.

Студентами БГПУ имени Максима Танка были проведены исследования среди учащихся средних школ разных регионов республики, совершивших правонарушения и состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. На основе полученных данных были составлены социально-педагогические портреты несовершеннолетних правонарушителей. Оказалось, что школьники, совершая аморальные и противоправные поступки, стремятся всячески «облагораживать» их мотивы. У них четко фиксируется позиция одобрения, или «понимания» большинства преступлений, и, в то же время, отрицания и полного игнорирования собственной ответственности за противоправное поведение. У большинства из них негативное отношение к школе и учебе. Согласно данным исследования, в 90,3% случаев учащиеся, имеющие противоправный опыт поведения, имеют отставание в учебе [4, с. 2]. Это исследование свидетельствует, что школьники, не реализовав себя в учебной деятельности, пытаются стать авторитетными среди сверстников, совершая противоправные поступки. Поэтому очевидно, что в современной школе должны быть созданы оптимальные условия для самореализации каждого ребенка.

Поступки человека определяются направленностью личности, в основе которой лежит совокупность устойчивых мотивов – то, ради чего человек совершает те или иные действия. Правовое воспитание начинается с формирования устойчивых позитивных мотивов деятельности. Только обладая системой знаний, умений действовать в различных ситуациях, навыками контроля и оценки своих поступков, ребенок способен не только защитить себя от опасностей и угроз окружающего мира, но и исключить или минимизировать создаваемые им самим опасные ситуации. Необходимым педагогическим условием формирования правовой культуры является системный подход через учебные предметы, классные и информационные часы, развивающие и факультативные занятия. Наше глубокое убеждение, что на каждом уроке существуют возможности формирования ответственного законопослушного поведения. Одной из ключевых составляющих правового воспитания является формирование информационной культуры школьников. В предметах гуманитарного цикла заложен огромный потенциал по ее формированию, умению критически воспринимать новую информацию, не доверять слепо любым заявлениям и призывам. Действительно, наше время можно сравнить с огромным информационным океаном, где неподготовленный ребенок выглядит как беспомощное утлое суденышко, незащищенное перед стихией. Еще Карамзин говорил:

«Давно называют свет бурным океаном: но счастлив, кто плавает с компасом! А это – дело воспитания». Неразрывна связь между правовым воспитанием и формированием нравственного стержня личности, который и служит основой регуляции поведения, контроля и оценки своих поступков. На примерах из истории и жизни необходимо показать, что из любых сложных жизненных обстоятельств человек, если он обладает сильной волей, характером, целеустремленностью, может выйти достойно, иногда заставив эти обстоятельства служить на пользу себе, своему народу.

При подготовке классных часов, направленных на профилактику противоправного поведения, используется материал уроков обществоведения: «Направленность личности», «Конфликтное и бесконфликтное поведение», «Культура отношений», «Взаимодействие с окружающими людьми», «Нравственность» и др. Но особенно важными в свете рассматриваемой проблемы являются уроки, где школьники знакомятся с основными нормами права. Несомненно, для того чтобы действовать в правовом поле, ребенок должен знать и уважать законы страны, гражданином которой он является. Также он должен знать, какие последствия могут возникнуть из-за несоблюдения правовых норм. Недаром говорят: «Предупрежден – значит вооружен!». В каждой теме отдельным вопросом изучаются особенности ответственности несовершеннолетних. После изучения этих тем на классных часах, ребята не только решают задачи правового характера, но и сами придумывают проблемные ситуации для одноклассников. Считаем, что это действительно показатель заинтересованности ребят, того, что эту тему они «пропустили через себя».

Каждое учебное заведение ищет свой неповторимый, индивидуальный почерк в работе. Мы, как и многие наши коллеги, находимся в постоянном поиске новых идей, направлений воспитательной работы, которые будут способствовать долговременным положительным результатам в учебно-воспитательной деятельности. Это классные часы «Знай свои права», «Дети и Интернет», «Не погибай по неведению», «В плену у привычки», «Умей сказать «Нет!», «Что такое стресс и как его пережить?» и др. Большую помощь классному руководителю может оказать совместный просмотр различных обучающих фильмов, роликов с последующим обсуждением. Это добавляет образности, эмоциональности, чувственных переживаний.

В нашей школе мы стараемся создать условия для самореализации каждого ребенка, независимо от его учебных достижений. Организована работа различных кружков и спортивных секций, клубов по интересам. Важно охватить всех учащихся разнообразными массовыми, групповыми и индивидуальными формами воспитательной работы и организовать это так, чтобы школа стала творческим центром и способствовала самореализации ребят. Наиболее распространенными формами и методами работы являются экспедиции, туристические маршруты, конференции, флэшмобы, конкурсы, выставки творческих

работ, круглые столы, обсуждение телепередач, диспуты, выпуск тематических газет, информационных бюллетеней. Любой учащийся может стать волонтером отряда «Золотое сердце». Работа отряда строится на интерактивных методах, способствующих сотрудничеству, формированию навыков коммуникации, совместному решению проблем. По инициативе членов волонтерского клуба «Золотое сердце» в школе ежегодно проводятся акции «От сердца к сердцу», «Пасхальный подарок» по сбору книг, настольных игр, игрушек, школьных принадлежностей для воспитанников Дома ребенка. Ребята, посещающие отряд, отмечают, что волонтерство способствует и их личностному росту, они учатся творчески относиться к делу, не бояться принять ответственность в сложных жизненных ситуациях.

Не остались в стороне наши ученики и от такого значимого события, как выборы в Молодежный парламент при Могилевском городском Совете депутатов. Прошло это мероприятие на очень серьезном уровне, с предвыборной агитацией, выступлениями перед избирателями. Депутатом стал Ятулис Арвидас, девизом программы которого стали слова «Не оставайтесь равнодушными!». Сейчас он работает в Комиссии по взаимодействию с общественными организациями и развитию волонтерского движения. Доброй традицией нашей школы стало чествование лучших спортсменов, победителей различных творческих конкурсов и соревнований. Общешкольные мероприятия «Виват, спортсмены!», «Созвездие талантов» придают особую социальную значимость достижениям ребят. Это свидетельство признания молодежных инициатив и значимости активной позиции каждого.

Важнейшим условием эффективности правового воспитания учащихся является организация взаимодействия с семьей. В школе внедряются разнообразные виды совместной деятельности учащихся, учителей и родителей; получают свое развитие общественные инициативы родителей в форме клубов, советов, родительских конференций, бесед за «круглым столом», вечеров вопросов и ответов для родителей, родительских гостиных, творческих мастерских по проблемам воспитания детей и профилактике вредных привычек с приглашением медицинских работников и работников правоохранительных органов; практикуется проведение совместных культурно-массовых и физкультурно-оздоровительных мероприятий, туристических слетов, экскурсий; Интернет-марафонов, Интернет-конференций и Интернет-форумов для родителей.

В заключение необходимо подчеркнуть, что усилиями одного человека, каким бы талантливым педагогом он ни был, проблему правового воспитания не решить. Только используя системный подход в правовом воспитании, усилиями родителей, учителей, классных руководителей, специалистов СППС возможно сформировать у учащихся систему знаний о праве, основах законодательства Республики Беларусь, законопослушное поведение и понимание ответственности за противоправные действия [3, с. 18].

Список источников

1. **Борщева, Е. В.** Правосознание как фактор формирования правового государства / Е. В. Борщева ; Академия МВД Республики. Беларусь. – Минск, 2000. – 20 с.
2. **Иманкулов, Р. И.** Психолого-педагогические аспекты правового сознания: (школьный возраст)/ Р. И. Иманкулов ; Кубанский гос. ун-т. – Краснодар, 1998. – 17 с.
3. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь Постановление Министерства образования Республики Беларусь от 15 июля 2015 № 82.
4. Воспитание правовой культуры школьников / И. А. Царик // УО «БГПУ им. М. Танка». – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc>. – Дата доступа: 29.09.2017.

УДК 342

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО, СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Щуро Татьяна Владимировна,

ГУО «Ходосовская средняя школа»

(а/г Ходосы, Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь)

Рассматривается вопрос о важности и целях правового воспитания школьников и учащейся молодежи на современном этапе развития общества. Сделана попытка проследить основные направления формирования правовой культуры учащихся в системе общего среднего образования.

Право является одной из важнейших и древнейших форм общественного сознания. Оно возникло с появлением человеческого общества. Организация правового воспитания молодежи в наше время вызвано развитием демократического, правового государства, существование которого немислимо без соответствующего уровня правовой культуры его граждан, трансформации правовой системы, необходимостью преодоления правового нигилизма и правовой неграмотности. В Конституции непрерывного воспитания детей и учащихся молодежи Республики Беларусь формирование правовой культуры личности утверждается как одно из основных составляющих воспитания. Общество и государство заинтересованы в формировании социально активных и в то же время законопослушных граждан. Им важно, каким будет человек будущего, в какой мере он освоит две важнейшие социальные роли – роль гражданина и роль патриота.

Целью правового воспитания является формирование у учащихся правовой культуры гражданина, состоящей из сознательного отношения к своим правам и обязанностям перед обществом и государством, закрепленных в Конституции Республики Беларусь, с глубокого уважения законов и прав человеческого общежития, готовности соблюдать и выполнять их требования, активной жизненной позиции, непримиримости к произволу, коррупции; а также формирование личности, которая стремится к преобразованию в своих интересах и интересах общества среды, не разрушая ее, готова нести полную ответственность за свои поступки, считать первопричиной своих достижений и неудач себя и свои собственные усилия, способна самовыражаться и самоутверждаться.

Ядром правовой культуры личности является правосознание, которое включает как систему научных знаний о праве, правопорядке и его охране, так и эмоционально окрашенное оценочное отношение к праву. Кроме того, правовая культура включает в себя действия человека, его поведение. Она предполагает умение и готовность личности решать свои жизненные проблемы, жить среди людей, ориентируясь на нормы права и не выходя за рамки дозволенного. Правовые нормы определяют, что «можно», а что «нельзя», каким образом поступить в той или иной ситуации. Знакомство учащихся с правовыми нормами позволяет более успешно решать задачи нравственного воспитания учащихся. Например, изучение прав способствует развитию чувства собственного достоинства, а изучение обязанностей – формирует ответственность. Ознакомление с системой запретов, определенных правовыми нормами, позволяет уточнить представления учащихся о добре и зле. Угроза наказания может стать немаловажным фактором предупреждения совершения несовершеннолетними опасных действий.

Реалии современной жизни таковы, что недостаточная правовая грамотность и размытость моральных ориентиров становятся основными причинами правонарушений школьников и учащейся молодежи. Воспитание правосознания начинается с усвоения нравственных ценностей и норм поведения в семье. Но основная работа по формированию правовой культуры происходит в стенах образовательных учреждений, и прежде всего в школе. Еще в середине XIX в. известный русский педагог К.Д. Ушинский указывал на необходимость выделять отдельным пунктом воспитания в ребенке чувства права и справедливости.

Организуя работу по правовому воспитанию, педагоги придерживаются следующих принципов:

- системный и дифференцированный подход к учащимся;
- стимулирование положительного эмоционального отношения к сообщаемой информации;
- активизация интереса подростков к приобретению правовых знаний;

- связь правовой информации с фактами из повседневной жизни учащихся, приучение их к сознательной оценке своих поступков;
- осознанное усвоение правовых знаний;
- учет психологических особенностей школьников;
- правовые знания нужны не сами по себе, а как основа поведения в различных жизненных ситуациях, имеющих юридическую силу.

Правовое воспитание приобретает особую актуальность в 14–15 лет, когда подростки сознательно могут воспринимать сущность законов. Основой правового воспитания учащихся является правовое просвещение. Это лекции по правовой тематике, правовые беседы, диспуты, круглые столы, обсуждение книг и статей, интерактивные и деловые игры, тренинги, решение проблемных задач и ситуаций нравственно-правового содержания, наглядная ситуация. Полученные знания позволяют учащимся правильно понимать общественные явления, способствуют развитию социальной активности, дают правильную ориентировку в жизни, определяя грань между дозволенным и запрещенным, позволяют выбирать законные пути и средства защиты личных прав и интересов. Кроме того, существует ряд документов, с которыми обязательно знакомятся учащиеся. Это Устав школы, Правила внутреннего распорядка для учащихся, Правила поведения несовершеннолетних в общественных местах, Правила дорожного движения, Правила безопасного поведения во время купания и нахождения на водоемах и реках, Знакомство с выдержками норм из Уголовного кодекса Республики Беларусь, Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь, предусматривающих ответственность за хранение, сбыт, выращивание наркотических средств и психотропных веществ.

Традиционным стало проведение «Недели правовых знаний», посещение Детского правового сайта, изучение государственной символики, конституционных прав и обязанностей, организации мероприятий социальной направленности с участием подростков и молодежи, работа по благоустройству территории, различные акции милосердия.

Часто организовываются встречи и беседы с сотрудниками правоохранительных и правозащитных органов, где учащиеся напрямую могут задать интересующие их вопросы, а сотрудники объясняют права школьников с точки зрения закона.

Составной частью правового воспитания подростков является участие в практической деятельности: отряды юных инспекторов дорожного движения, добровольные детские пожарные дружины, работа по пропаганде правовых знаний среди населения и младших школьников, участие подростков и молодежи в работе общественных детских и юношеских организаций (пионеры, БРСМ), в работе органов ученического самоуправления.

Воспитанию правовой культуре содействует и индивидуальная работа социального педагога с «проблемными» учащимися и их родителями,

профилактика вредных привычек, индивидуальные и групповые консультации, обеспечение социальной защиты прав несовершеннолетних (телефон доверия), куда можно обратиться в случае нарушения их законных интересов.

Особое место занимает организация внеклассной деятельности по развитию правовых знаний учащихся.

В рамках учебного плана общеобразовательных учреждений изучаются предметы, содержание которых непосредственно направлено на осознание правовых и нравственных норм общества – «Обществоведение». Есть факультативные занятия – «Основы права» (10, 11 классы), «Исследуя гуманитарное право» (9, 10, 11 классы). Проводятся олимпиады и конкурсы правовых знаний.

Школьная система правового воспитания включает в себя также работу с родителями учащихся. Она заключается в проведении бесед, лекций, юридических консультаций, знакомство с основными правовыми актами и документами, а также родительских собраний на правовую тематику, куда постоянно приглашаются представители правоохранительных органов. Школа поддерживает тесную связь с ИДН.

Правовое воспитание современных школьников не может ограничиваться рамками образовательного учреждения. Практика показывает, как важно научить ребенка использовать правовые знания в реальной жизни, помочь преодолеть трудности и не совершать правонарушений. Именно правовое воспитание является залогом, что право станет регулятором жизни индивида, а не помехой и препятствием на его пути реализации своих целей.

Список источников

1. **Борщева, Е. В.** Правосознание как фактор формирования правового государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. В. Борщева ; Акад. МВД Республики Беларусь. – Минск, 2000.
2. **Землин, А. И.** Правовая культура современной российской молодежи / А. И. Землин. – Основы государства и права, 1999.
3. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи Республики Беларусь : сб. нормативных документов, 2007.
4. **Царик, И. А.** Нравственно-правовое воспитание учащихся: содержание, формы и методы работы педагогов / И. А. Царик. – Минск : НИО, 1995.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ярошевич Евгения Александровна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Рассматривается значение и основные направления правового воспитания с целью профилактики насилия и виктимного поведения субъектов образования.

Формирование правовой культуры субъектов образования – одно из ключевых направлений воспитательной работы учреждений образования. Правовое воспитание как целенаправленный педагогический процесс воздействия на правосознание личности, социальной группы, направлено на формирование: правовых знаний, навыков и умений; правовых идей, чувств, убеждений, основанных на уважении к праву, законам, законности и правопорядку; умения и готовности самостоятельно применять правовые знания в жизни. Традиционно оно рассматривается как важнейший элемент системы превенции социальных девиаций, девиантного поведения негативной направленности. В то же время нельзя недооценивать его роль в осуществлении виктимологической профилактики – деятельности, направленной на выявление, предотвращение и пресечение криминальной и другой социально-девиантной виктимизации населения, на выявление, нейтрализацию и устранение всех социальных, личностных и других факторов, причин и условий, их детерминирующих, а также защиту прав жертв преступлений и других правонарушений и виктимологическое просвещение [1, с. 129].

Учреждение образования является социальным пространством, в котором обучающиеся приобретают жизненный опыт взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. В ситуации насилия этот опыт является деструктивным для всех субъектов – обучающихся, педагогов, родителей, которые могут выступить в роли жертвы (прямой или косвенной), обидчика(ов), свидетелей. Насилие в образовательном учреждении – проявление любых способов поведения, используемых для того, чтобы управлять мыслями, чувствами и поступками субъекта образования против его желания, воли или убеждений, но с выгодой для обидчика, результатом которых являются или могут явиться телесные повреждения, психологическая травма, различного рода ущерб. Как следствие происходит виктимизация субъекта – процесс воздействия насильственных отношений на человека, который приводит к формированию виктимных физических, психологических и социальных черт и признаков (виктимности). Дан-

ная проблема – прямое следствие и показатель дефектов в системе правового воспитания, профилактики отклоняющегося поведения.

В рамках виктимологической профилактики особое внимание уделяется, во-первых, устранению или нейтрализации факторов, обуславливающих и способствующих проявлению насилия и как следствие виктимности, во-вторых, активизации защитных возможностей жертвы и, в-третьих, использованию возможностей взаимопомощи в проблемной жизненной ситуации.

Для решения данных задач в системе правового воспитания пристальное внимание необходимо уделять формированию представлений о диспозиции, гипотезе и санкциях в структуре норм и правил поведения в учреждении образования и за его пределами, о насилии как причинении вреда правам и законным интересам других людей. Важно, чтобы получаемые знания и представления легли в основу повседневной деятельности субъектов образования, стали неотъемлемой частью повседневного знания.

В данном контексте целесообразно рассматривать и давать правовую оценку наиболее распространенным в современных условиях проявлениям насилия [2]:

- физического насилия – действиям с применением физической силы в целях причинения человеку боли, дискомфорта, унижения его достоинства;
- психологического насилия как совокупности намеренных вербальных и поведенческих действий, направленных на унижение достоинства, игнорирование, отторжение, контролирование или социальную изоляцию человека;
- сексуального насилия как вида домогательства, выражаемого в форме навязанных сексуальных прикосновений, сексуального унижения, принуждения к сексу и совершения сексуальных действий против воли жертвы;
- экономического насилия, которое проявляется в порче или насильственном отбирании имущества и денег у учащихся или работников;
- кибербуллинга, связанного с использованием мобильных телефонов, Интернета и его ресурсов для преследования человека, распространения порочащей или оскорбительной информации о нем (или от его имени в отношении других лиц).

В отдельную группу можно выделить дискриминацию – любые насильственные и иные дискриминационные действия, осуществляемые на почве «инаковости», в том числе по причине неприятия гендерной идентичности и сексуальной ориентации человека, религиозной, национальной принадлежности и другим критериям.

Эта работа предполагает рассмотрение вопросов, связанных с уважением и соблюдением прав человека, гендерным равенством, принятием общечеловеческих ценностей.

Особое внимание необходимо обратить на формирование негативного отношения к фактам насилия/виктимизации со стороны всех субъектов образо-

вания, так как невмешательство педагогов/коллег, равнодушие обучающихся/одноклассников (одногоруппников) позволяют насильственным действиям повторяться.

Замалчивание случаев насилия, отказ признавать их наличие и принимать соответствующие меры социального контроля в данной ситуации, перекладывание вины на жертву усиливают чувство безнаказанности у инициаторов насилия, безнадежности у пострадавшего, безразличие или страх у свидетелей и формируют негативное восприятие учреждения образования, деформируют правовое сознание субъектов.

Субъекты образования должны не только знать о правах и обязанностях, но и проявлять активность в реализации и защите своих прав. Поэтому важно, чтобы в образовательных учреждениях были созданы гарантирующие конфиденциальность и безопасность механизмы информирования о случаях насилия, оказания первой помощи жертве, принятия воспитательных и дисциплинарных мер к обидчику.

Нельзя допускать случаев косвенного причинения вреда жертве, связанного с негативным, обвиняющим отношением к ней лиц из ближайшего социального окружения, а также использования жертвы специалистами социально-педагогической и психологической службы, сотрудниками правоохранительных органов, журналистами в целях превенции насилия в образовательной среде, как это приводит к ее вторичной и третичной виктимизации. Также следует избегать «драматизации зла» и навешивания ярлыков на инициаторов насилия. Задача виктимологической профилактики – предупреждение так называемых «инверсионных проступков», в которых происходит смена ролей «обидчик – жертва» путем воздействия на потенциального потерпевшего (в первую очередь инициатора возникновения опасной ситуации).

В основе превенции насилия и виктимизации – формирование неприятия и недопустимости насилия в сознании всех субъектов образования (обучающихся, педагогов, других работников и родителей), развитие навыков конструктивного разрешения проблемных ситуаций, ответственного поведения, основанного на готовности самостоятельно выполнять требования нормативно-правовой системы общества. Эффективная система правового воспитания является одним из условий создания безопасной образовательной среды, ориентированной на защиту прав и интересов, приоритет жизни, здоровья, благополучия человека.

Список источников

1. **Барановский, Н. А.** Антидевиантная политика: теория и социальная практика / Н. А. Барановский. – Минск, 2011. – 271 с.
2. Школа без насилия : методическое пособие / под ред. Н. Ю. Сиягиной, Т. Ю. Райфшнайдер. – Москва : АНО «ЦНПРО», 2015. – 150 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ясев Владимир Викторович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Рассматривается влияние социальных сетей на структуру ценностно-правовых ориентаций и социальное взаимодействие студентов учреждений высшего образования.

Социализация современного студенчества как одного из составных элементов социальной группы молодежи затрагивает ряд важных проблем: адаптация к университетской жизни, ценностные ориентации, изменение социального облика студенчества, влияние на него различных агентов социализации. Ценности, как и люди, становятся мобильнее. Люди более восприимчивы к инновационным ценностям, так как чаще сталкиваются с ними в жизни [1, с. 269]. Все это происходит в различных видах социализации молодежи, в том числе правовой.

Интернет-социализация студенческой молодежи предстает как механизм – транслятор социокультурных и институциональных норм и правил, практик повседневной культуры. Специфика интернет-социализации студенческой молодежи конкретизируется следующими положениями: наряду с социализационным процессом происходит процесс ресоциализации, то есть усвоение новых норм и ценностей в связи с переходом в другую коммуникативную среду; содержание социализационного процесса, результативность социализации обусловлены не только особенностями первичной социализации, сформировавшимися ценностно-мотивационными иерархиями и структурами, но и особенностями и асимметриями в распределении наличных ресурсов индивидов (внешних и внутренних, социальных и психологических, потенциальных и актуальных); на интернет-социализацию студенческой молодежи в значительной степени влияет тот факт, что современное студенчество формировалось в переходный период, в условиях аномии, нестабильной, быстро меняющейся ситуации, что обусловило наличие стихийных представлений, значительно осложняющих ситуацию принятия решения, когда человек в интернет-пространстве сталкивается с альтернативными образцами мышления и паттернами поведения. Особенно актуально это в отношении понимания свободы личности и готовности включения в активную деятельность.

Социальные сети заняли большую часть нашего свободного времени. Молодые люди почти перестали общаться вживую, читать «настоящие» кни-

ги, гулять на улице. В то же время сеть своей открытостью и доступностью, а также устойчивостью к отключениям, способствует большей открытости, гласности и информированности в обществе, особенно оперативной информированности.

Социологические исследования роли социальных сетей в жизни студенческой молодежи г. Могилева показывают, что почти у всех респондентов (97,2%) есть доступ в Интернет.

Наиболее посещаемым интернет-ресурсом, как и предполагалось, стали социальные сети, форумы и чаты (32,2%). Сайты с мультимедийными ресурсами и юмористические, политические и прочие развлекательные (по 27,7%) разделили 2-е место. На 3-м оказались порно-сайты (6,8%) и сайты с онлайн-играми (5,6%). Причем, в последней группе предпочтений в основном заинтересованы парни (15,9%), также они чаще посещают развлекательные сайты (58%). Девушки же отдали единогласное предпочтение социальным сетям, а также сайтам, содержащим мультимедиа (64,8%, парни – 51,1%).

Сегодня социальным сетям, в отличие от иных средств массовой информации, характерна относительная свобода слова, свобода в высказывании своей точки зрения практически по любому вопросу. Положительные стороны общения в социальных сетях:

- возможность поддержки связи на расстоянии – 28,6%;
- постоянный доступ к необходимой информации – 24,5%;
- возможность скачать любимую музыку и фильмы – 19,8%;
- возможность найти новых друзей – 15,9%;
- возможность вступить в сообщества по интересам – 7,3%;
- социальные сети – хорошие помощники в бизнесе – 2,1%;
- возможность получить различные услуги на дому – 1,8%.

Система ценностных ориентаций выражает содержательное отношение человека к социальной действительности и в этом качестве определяет мотивацию его поведения, оказывает существенное влияние на все стороны его деятельности. Как элемент структуры личности ценностные ориентации характеризуют внутреннюю готовность к совершению определенной деятельности по удовлетворению потребностей и интересов, указывают на направленность ее поведения. В условиях трансформации общества, когда жизнь чрезвычайно динамична, важно зафиксировать и понять ценности, которыми руководствуются молодые люди. Ценности, которые во многом определяют обыденное сознание и повседневные представления о настоящем и будущем вступающих в жизнь поколений [2, с. 190]. Наиболее ценным на данный момент в жизни для молодежи является – здоровье (14,7%), любовь (12,5%), наличие хороших и верных друзей (10,8%) и материально обеспеченная жизнь (9,8%). Затем идут активная деятельная жизнь (9,4%), развитие и познание (7,2%), интересная работа (6,4%), счастливая семейная жизнь (5,5%), жизненная мудрость (5,3%),

свобода (4,9%), развлечения (4,5%), продуктивная жизнь (2,6%), красота природы и искусства / общественное признание (по 2,1%), счастье других людей волнует 0,9% опрошенных.

Развитие новых медиа в Беларуси происходит хаотично, спонтанно, российским и белорусским блогам и социальным сетям не хватает глубинного анализа и стратегии развития, а пользовательскому сообществу – проектов, нацеленных на улучшение культуры виртуального общения.

Социальные сети являются новым мощным инструментом социальных и политических технологий. Интернет как новое средство социальной коммуникации объективно меняет образ жизни многих людей, вносит все больший вклад не только в расширение знаний об окружающем мире, но и в процесс трансляции и воспроизводства определенных социальных норм и ценностей, моделей социального поведения и правил взаимодействия.

Меняющаяся среда жизнедеятельности человека оказывает сильное влияние на формирование новых параметров правового воспитания и образования личности. В системе факторов, оказывающих влияние на формирование личности в процессе социализации, сегодня активно формируется инновационный вид – информационные технологии.

Для современного молодого человека вполне естественным является использование возможностей Интернет. Такого рода возможности позволяют обойтись без прямого общения, редуцируя коммуникативные процессы в виртуальной среде. С другой стороны, виртуальное общение отрывает студента от реального, так необходимого для развития молодого человека как полноценной личности. Общение в социальных сетях Интернет способствует формированию активной жизненной позиции, но без приобретения настоящего социального опыта ее реализации. Происходит идеализация социальной активности молодежи и разрыв с практикой решения социальных проблем, что, в конечном счете, приводит к их избеганию. Существует опасность возникновения такого явления как социальный аутизм. Перенос социальной активности в сетевые сообщества Интернет приводят к новым социальным практикам молодежи.

Список источников

1. **Ясев, В. В.** Проблемы культурно-ценностных ориентиров в информационном обществе / В. В. Ясев // Религия и общество – 10 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 268–270.
2. **Ясев, В. В.** Социально-гуманитарное образование как средство формирования базовых ценностей общества / В. В. Ясев // Раманаўскія чытанні – XI : зб. артыкулаў Міжнарод. навук. канф.; Магілёў, 26–27 лістапада 2015 г. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2016. – С. 189–171.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

УДК 34.06

ПУБЛИЧНЫЕ И ЧАСТНЫЕ ИНТЕРЕСЫ ПРИ ОЦЕНКЕ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА БИЗНЕС-СРЕДУ

Арушаньянц Анна Николаевна,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(г. Минск, Беларусь)

В статье рассматривается проблема соотношения публичных и частных интересов в правовом регулировании предпринимательской деятельности с использованием оценки регулирующего воздействия, как нового инструмента, способствующего развитию предпринимательской активности населения и повышению качества нормотворчества.

Современный этап развития белорусской экономики характеризуется возрастанием роли предпринимательского сектора в обеспечении экономического роста и улучшении качества жизни населения. Первостепенную роль в данном процессе играет эффективное законодательное регулирование, обеспечивающее достижение положительного экономического результата с наименьшими затратами субъектов экономической деятельности – государства, бизнеса и граждан. Это возможно за счет использования современных технологий и методов правового регулирования, одним из которых является оценка регулирующего воздействия.

Оценка регулирующего воздействия (англ. Regulatory Impact Assessment, Regulatory Impact Analysis) представляет собой использование государственными органами при формировании государственной экономической политики системы специальных аналитических процедур, направленных на выявление и оценку возможных выгод, издержек и результатов от нового или существующего государственного регулирования [1, с. 78].

Главной целью оценки является достижение положительных результатов и эффектов от принимаемых нормативных правовых актов, что выражается в исключении излишнего и необдуманного государственного регулирования, выявлении избыточных административных и иных ограничений и барьеров для экономических субъектов, устранении их необоснованных расходов. Современное понимание оценки регулирующего воздействия ставит во главу угла устойчивое экономическое развитие, при котором должны учитываться

не только интересы бизнеса, но и другие экономические интересы, интересы социальной сферы, а также охраны окружающей среды.

Оценка регулирующего воздействия получила широкое применение в зарубежных странах, а также у наших ближайших соседей (Российская Федерация, Украина, Казахстан и др.). В указанных странах определены правовые, организационные основы оценки, порядок и методика проведения оценки.

С недавних пор проведение оценки регулирующего воздействия предусмотрено на уровне Указа Президента Республики Беларусь [2]. Однако пока этот инструмент не получил должного, определенного на законодательном уровне понимания и порядка проведения. В связи с этим важной задачей является выбор, разработка и внедрение таких элементов и методологии оценки регулирующего воздействия, которые в наилучшей степени могут быть адаптированы к существующему в Республике Беларусь нормотворческому процессу в сфере регулирования предпринимательской деятельности.

Одним из условий успешности проведения оценки регулирующего воздействия является правильное определение проблемы, возникшей в обществе и подлежащей решению, выявление частных и публичных интересов, которые будут затронуты в случае принятия нормативного правового акта. При этом надлежит решить вопрос о соотношении интересов и определении их значимости, так как зачастую они являются взаимоисключающими.

Понятие «интерес» многогранно и существует множество его определений. В основе философской трактовки интерес понимается как нечто, относящееся к человеческому сознанию. Другие считают интерес проявлением общественных связей и экономических отношений между людьми. Сочетание первых двух подходов поддерживается третьей группой исследователей, по мнению которых интерес имеет материальные основы (объективно существующие потребности), а также отражается в сознании в виде определенных целей.

Сходным образом понятие «интерес» раскрывается в праве. Интерес – социально обусловленная конкретной потребностью субъекта возможность обладать или пользоваться определенными благами (объектами и явлениями окружающей действительности), составляющая главный компонент механизма его деятельности [3, с. 68].

Интересы могут быть классифицированы на различные группы по множеству критериев. Однако в рамках обозначенной темы наиболее актуальной является классификация интересов по субъекту (носителям прав) на частные и публичные. Частный интерес служит цели удовлетворения потребностей личности, публичный интерес – цели обеспечения существования общества в целом. Первую группу интересов составляют интересы отдельных граждан и юридических лиц. Публичный интерес – интерес общества в целом.

В философском понимании выделение указанных групп интересов связано с единством общего и особенного в человеке. Общее предполагает связь

индивида с исторически данной совокупностью общественных отношений, социальной группой. Особенное есть индивидуальность, неповторимое в проявлении всего общего, что отличает одного индивида от другого. В данном подходе отмечается противоположность частных и публичных интересов, так как коллективность предполагает сочетание, сплочение, а индивидуальность есть выделение, отличие одного индивида от другого. При этом различия в интересах имеет место не только в отношении частный интерес – публичный интерес, но и в отношении частный интерес – частный интерес. Это подтверждается и на практике. Так, например продавцы предпочитают максимизировать свою прибыль и устанавливают высокие цены, потребители заинтересованы в более низких ценах.

В тоже время частные и публичные интересы предполагают друг друга, связаны неразрывным единством и являются взаимными. Например, если частный интерес состоит в обеспечении самостоятельности и свободы отдельных личностей, их объединений и организаций, то удовлетворение таких интересов одновременно выгодно и для государства, так как тем самым обеспечивается экономическая сила и мощь государства. Такое взаимодействие и взаимовлияние зависит от ряда факторов: от самого общества, уровня его развития, способности воздействия государства на его институты. Главное правило в этом – учет и баланс интересов личности, общества и государства, что является необходимым условием существования такого общества, в противном случае это привело бы к постоянному конфликту государства и общества, а также его отдельных членов [4, с. 79].

Проблеме согласования частных и публичных интересов уделено немало внимания. Взгляды на указанную проблему при этом формировались в зависимости от социально-экономического устройства государства и господствующей формы собственности: от признания авторитета общего интереса перед индивидуальным (римские философы), их отождествлением (древнегреческие философы), до абсолютного характера государственной власти по отношению к индивиду (естественно-правовая школа).

Современные теоретики и практики, принимая во внимание наличие конкурирующих и даже конфликтующих ценностей и интересов, ведут речь не о полной гармонизации общественных отношений, а об определенной степени сбалансированности конкурирующих принципов, интересов и ценностей [4, с. 79].

Обеспечение баланса интересов – задача государства, поскольку на нем лежит ответственность за безопасность общества, а также за создание всех необходимых условий для достойного существования каждого человека в отдельности. Государство обязано стоять на страже безопасности и законных интересов каждого гражданина не в меньшей мере, чем своих собственных. При этом имеется в виду, что права человека – это не дар государства, они из-

начально принадлежат человеку, а роль государства сводится к обязательству гарантировать их соблюдение. В то же время права человека не могут существовать сами по себе, независимо от конкретного общества и государства. Наполнение прав и свобод определенным, конкретным содержанием, естественно, зависит от степени развития того или иного общества, того или иного политического режима власти.

Таким образом, в определении порядка и методологии проведения оценки регулирующего воздействия в Республике Беларусь измерению и оценке должны подлежать не только издержки и выгоды субъектов хозяйствования, но и учет интересов других субъектов (отдельных граждан и общества в целом), охрана окружающей среды и др., обеспечивающие реализацию естественных прав и свобод гражданина, повышение уровня и качества жизни. Соотношение интересов должно базироваться не на принципе подчинения одних интересов другим, а на принципе их взаимодействия и согласования. Такой подход будет способствовать формированию социально ориентированной рыночной экономики, при которой происходит отказ от доминирования экономических целей над социальными, и достигается их гармоничное сочетание с реальными условиями.

Список источников

1. **Глазкова, М. Е.** Оценка эффективности действия нормативных правовых актов: современные подходы // М. Е. Глазкова, С. Б. Нанба // Журнал российского права. – 2011. – № 9. – С. 73–80.
2. Об оптимизации администрации Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 13 февр. 2017 г., № 40 // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. **Ворожцов, А. С.** Теоретико-правовые основы понятия законных интересов личности / А. С. Ворожцов // Актуальные вопросы науки и практики XXI в. : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Нижневартовск, 21–22 дек. 2015 г. / отв. редактор Е. С. Овечкина. – Нижневартовск : Издательский центр «Наука и практика» – 2016. – С. 67–69.
4. **Астафичев, П. А.** Баланс конкурирующих принципов, интересов и ценностей в конституционном праве России / П. А. Астафичев // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. – 2014. – № 30(193). – С. 79–85.

ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зацесса Елена Николаевна, Овсянникова Эльвира Александровна,
АНО ВО «Институт законовещения и управления Всероссийской
полицейской ассоциации» (г. Тула, Российская Федерация)

Данная статья посвящена понятию банковской деятельности в Российской Федерации. Раскрывает понятие и указывает на основные виды банковских операций, совершение которых является ключевым ядром осуществления кредитными организациями банковской деятельности.

С развитием рыночной экономики и внешнеполитической деятельности, уже невозможно представить какие-либо отношения, в которых не были бы задействованы кредитные организации. Банки и небанковские кредитные организации предлагают своим клиентам целый ряд банковских услуг.

Следует сказать, что термин «банковская деятельность» относится к числу так называемых межотраслевых понятий, которые активно применяются не только в сфере банковского права, но и в других отраслях права. В частности, данный термин употребляется в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности», в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в Налоговом кодексе РФ, в Уголовном кодексе РФ, в Кодексе об административных правонарушениях, в Федеральном законе «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих», в Федеральном законе «О техническом регулировании», в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» и в других законах и подзаконных нормативно-правовых актах. Безусловно, данный термин активно применяется в нормативных актах Банка России. «Законодательное определение данного термина отсутствует, что создает значительные трудности в сфере правоприменения.

Зачастую термин «банковская деятельность» употребляется в законодательстве в различных аспектах, что создает дополнительные трудности для правоприменения (например, в ст. 172 УК РФ после термина «банковская деятельность» в скобках указан термин «банковские операции», из чего можно сделать вывод, что эти понятия синонимичны, что не соответствует понятию «банковской деятельности», которое можно вывести из банковского законодательства). Российский законодатель периодически употребляет термины близкие по значению с понятием «банковской деятельности», но не совпадающие с ним по смыслу и содержанию (например, термины «деятельность кредитных организаций», «банковские услуги», «банковское дело» и некоторые другие), что также усложняет правоприменительный процесс» [4, с. 162].

В силу отсутствия легального определения банковской деятельности, есть необходимость обратиться к научным трудам, по данному вопросу. Так, Г.А. Тосунян считает, что «под банковской деятельностью понимается предпринимательская деятельность кредитных организаций, а также деятельность Банка России (его учреждений), направленная на систематическое осуществление банковских операций (либо обусловленная ими) на основании: для Банка России и его учреждений – Закона о Банке России; для кредитных организаций – специального разрешения (лицензии) Банка России, полученного после государственной регистрации кредитной организации в порядке, предусмотренном федеральным законодательством» [5, с. 227]. Ю.В. Кучера определяет банковскую деятельность как «коммерческую деятельность кредитных организаций на основании лицензии Центрального Банка РФ, полученной после государственной регистрации кредитной организации, направленная на получение прибыли путем систематического совершения банковских операций» [2, с. 25].

Исходя из всего многообразия подходов к пониманию банковской операции, целесообразно выделить основные признаки-критерии, по которым будем отделять банковскую деятельность от смежных и похожих понятий.

Первым и основным признаком следует указать на то, что основной сущностью банковской деятельности является совершение кредитными организациями банковских операций. Более того, необходимо подчеркнуть, что совершение их должно быть систематическим, что и делает деятельность кредитных организаций банковской, так как банки и небанковские организации, как и любые другие юридические лица, имеют права вступать в любые гражданско-правовые отношения и сделки, которые не противоречат закону. То есть, можно предположить, что кредитная организация будет выполнять ежедневно договорные обязательства, которые не связаны с выполнением банковской операции, а следовательно, ее деятельность не будет носить банковский характер, а лишь коммерческий.

Это нас отсылает еще к одному признаку банковской деятельности – коммерческому характеру. Деятельность кредитной организации должна приносить ей доход, так как в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации, кредитные организации являются коммерческими, следовательно, их деятельность будет носить предпринимательский характер. Из чего следует сделать вывод, что любая банковская деятельность, любая банковская операция или сделка должна быть платной для клиента банка или небанковской кредитной организации, принося доход кредитной организации. И последний третий признак для банковской деятельности заключается в том, что заниматься ею могут только специальные субъекты, а именно: Центральный Банк Российской Федерации, банки и небанковские кредитные организации и кредитные организации с иностранным уставным капиталом. Любая

кредитная организация должна получить специальное разрешение на совершение банковских операций – лицензию, выдаваемой Центральным Банком Российской Федерации.

Более того, законодатель установил признак исключительности банковской деятельности, то есть банки и небанковские кредитные организации, которые осуществляют систематическое совершение банковских операций, не могут заниматься какой-либо иной производственной или торговой деятельностью, которая будет приносить им основной доход. И традиционно из этого исключительного ограничения была выведена научная деятельность, которая может быть совершена кредитной организацией [1, с. 15].

Таким образом, можно подвести небольшой итог изложенного и определить, что банковская деятельность заключается в систематическом совершении кредитными организациями банковских операций, но приравнивать эти два понятия нельзя, так как помимо банковских операций, банк и небанковская кредитная организация может осуществлять еще целый ряд гражданско-правовых обязанностей и публично-правовых обязательств.

Список источников

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 18.06.2017) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.06.2017) // Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, № 6, ст. 492.
2. **Кучера, Ю. В.** Административно-правовое регулирование банковской деятельности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2004.
3. **Осипова, М. А.** О понятии банковской деятельности в Российской Федерации // Известия ИГЭА. – 2012. – № 2. – С. 161–166.
4. **Тосуян Г. А., Викулин А. Ю., Экмалян А. М.** Банковское право Российской Федерации / под общ. ред. Б. Н. Топориной. – М., 1999.

УДК 331.104

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА МАЛОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Масров Андрей Николаевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной статье особое внимание уделяется вопросам трудовых отношений на внутрифирменном уровне между нанимателем и наемным персоналом. Рассматриваются формы найма на малых предприятиях и их отличия от найма на предприятиях, находящихся в государственном секторе. Кроме этого, дана характеристика трудо-

вым отношениям, которые возникают на малых предприятиях между менеджерами и исполнителями.

На современном рынке труда малые предприятия выступают в качестве одной из наиболее многочисленных категорий работодателей. Так, например, в Италии на них работает около 13 миллионов человек, что составляет 79% всей рабочей силы страны, в США две третьих рабочих мест создаются малыми компаниями. Республика Беларусь по этим показателям пока уступает большинству зарубежных стран.

В 2016 г. на малых предприятиях в Республике Беларусь работало 1,43 миллиона человек, т. е. немногим более 32% от общего числа занятых. В 2015 г. данный показатель был ниже. Вместе с тем, средняя численность работников на малых и средних предприятиях уменьшилась. Количество индивидуальных предпринимателей снизилось на 4,8 тысячи единиц. Только в микроорганизациях средняя численность работников увеличилась на 42,8 тысячи человек.

Основной интерес у белорусских ученых вызывают макроэкономические функции малого предпринимательства на общенациональном рынке труда. Значительно меньше внимания уделяется вопросам трудовых отношений на внутрифирменном уровне. Существующая методология персонального менеджмента отражает, в основном, опыт государственных и корпоративных образований и не всегда соответствует специфическим условиям малого предпринимательства. На рынке труда, как и на рынках других сфер деятельности, присутствуют наемные работники и работодатели, государство, общественные организации, специализированные фирмы, выполняющие посреднические и обслуживающие функции. Наиболее важной проблемой является невозможность выделения на рынке труда конкретного контингента трудовых ресурсов, профессионально ориентированных на работу на малом предприятии. Основная причина – отсутствие традиционной специализации работодателей по отраслевому признаку. На малом предприятии могут быть востребованы работники любой специальности, квалификации, пола и возраста. Поэтому при организации трудовых отношений, в первую очередь, необходимо учитывать не отраслевую принадлежность работодателя, а общие особенности труда на малом предприятии.

Исследуя особенности трудовых отношений на малом предприятии, прежде всего, следует коснуться юридического оформления отношений найма. На крупных предприятиях, а тем более в государственном секторе, эта проблема отсутствует. Найм оформляется с помощью коллективного или индивидуального трудового договора. Это автоматически распространяет на работника установленный законом пакет социальных гарантий. Любые нарушения прав работника в таком случае будут пресекаться в судебном порядке. В малом отечественном предпринимательстве получила широкое распространение по-

рочная практика использования наемного труда без юридического оформления отношений. Единственной выигрывающей стороной здесь являются работодатели.

Нелегитимное использование наемного труда позволяет им решать как финансовые, так и организационные проблемы по кадровому направлению деятельности. Наряду с прямой экономией фонда заработной платы и отчислений во внебюджетные фонды, работодатель получает возможность предъявить работнику любые требования, фактически не принимая на себя каких-либо обязательств. Так, юридически не оформленный работник не вправе рассчитывать на какие-либо социальные гарантии со стороны работодателя и государства. Лишь ограниченная по численности категория специалистов, имеющих постоянную и, как правило, высокооплачиваемую работу вне малого предприятия, может быть заинтересована в подобной форме трудовых отношений. Выступая в качестве совместителей, они не нуждаются в дополнительных социальных гарантиях и не опасаются увольнения.

В тоже время получаемый ими заработок нигде не учитывается, следовательно, не облагается подоходным налогом. Основным же пострадавшим от такой практики выступает государство, потери которого определяются сохранением льгот для малых предприятий, сокращением налоговых поступлений.

Зарубежные страны также сталкиваются с подобными проблемами и решают их путем обширного перечня санкций – от штрафов виновных предпринимателей до принудительной ликвидации.

Для малого предпринимательства характерна большая степень прозрачности процесса труда наемного работника. Во-первых, ограничена сама численность наемных работников в целом по предприятию и его структурным подразделениям. Во-вторых, в малом предпринимательстве принципиально иное соотношение собственников и наемных работников. В таких условиях естественным решением для большинства предпринимателей является совмещение правового статуса собственника с должностью менеджера, не только высшего, но и низового звена. Здесь отсутствует необходимость присущей крупным предприятиям длительной процедуры прохождения информации по цепочке инстанций. Любые решения об каких-либо изменениях оперативно принимаются собственником и незамедлительно претворяются в жизнь.

Другой особенностью малого предпринимательства является менее формализованный характер трудовых отношений между исполнителем и менеджером. Небольшая численность персонала обеспечивает возможность для лучшего знакомства не только с профессиональными, но и с личностными качествами подчиненных. В результате чего менеджеру проще выбрать методы регулирования трудовых отношений, наиболее соответствующие статусу конкретного сотрудника, психологическому типу и даже текущей ситуации в его семье.

Из этого можно сделать вывод, что специфика производственной деятельности малых предприятий не предполагает необходимости использования методически сложных форм организации труда наемного персонала, растянутых во времени технологических циклов, участия в них работников принципиально различной квалификации и специализации.

УДК 346.543.4

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Становая Ольга Владимировна,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются теоретические аспекты концессий и практическая сфера их применения как формы привлечения инвестиций, юридическое обеспечение привлечения инвестиций в Республику Беларусь на основе концессионных соглашений; а также вопросы совершенствования национального законодательства в исследуемой области.

Иностранные инвестиции являются одним из важнейших факторов развития и стабилизации экономики любой страны. В Республике Беларусь в последние годы наблюдается острая нехватка инвестиционных ресурсов. Действующая в Республике Беларусь модель социально ориентированной экономики позволяет сочетать интересы публично-правовых образований и частных инвесторов, свободную конкуренцию с активной ролью государства, эффективность использования всевозможных ресурсов с высоким уровнем социальной защиты населения.

В условиях изменения роли государства в управлении социально-экономическими процессами, в Республике Беларусь все большее развитие приобретает институт государственно-частного партнерства. При выполнении своих функций государство не всегда способно в полной мере обеспечить потребности общества, в связи с чем остро нуждается в привлечении инвестиционных ресурсов. Государственно-частное партнерство в данном случае является механизмом согласования интересов государства и субъектов предпринимательской деятельности в рамках реализации общественно-значимых проектов, привлечения дополнительных инвестиционных ресурсов к развитию социально-экономической сферы, и как следствие, повышению благосостояния общества.

Одной из наиболее эффективных форм государственно-частного партнерства, как показывает опыт современных государств, является концессия, которая обеспечивает эффективное управление публичной собственностью с привлечением иностранных инвестиций. Государство (концедент) в данном случае уходит от прямого управления строительством (реконструкцией), эксплуатацией объектов публичной собственности, однако, исходя из общественных интересов, оно определяет цели, задачи и параметры концессионного соглашения, и оставляет за собой контроль за его осуществлением, а частный предприниматель-инвестор (концессионер) осуществляет оперативную деятельность на разных стадиях проекта: разработку, финансирование, создание, использование, управление, реализацию услуг потребителям.

Основным отличием концессионного договора от иных механизмов осуществления инвестиций в Республике Беларусь является: 1) объекты концессий могут предлагаться только из перечня объектов, утверждаемого Указом Президента Республики Беларусь от 28 января 2008 г. № 44, в котором перечисляются месторождения полезных ископаемых и площадки, подлежащие разработке, для целей добычи полезных ископаемых; 2) в концессию могут предоставляться месторождения полезных ископаемых или право оказания услуг на месторождениях полезных ископаемых; 3) платежей со стороны государства концессионеру не предусматривается; 4) в концессию предоставляются исключительно коммерческие объекты; 5) в концессию могут предоставляться права владения и пользования объектом концессии или права на осуществление вида деятельности в отношении объекта концессии; 6) предусматривается разовый платеж, уплачиваемый концессионером за право владения и пользования объектом концессии или за право на осуществление вида деятельности; 7) производимая продукция может разделяться между концессионером и концедентом на условиях, оговоренных в концессионном договоре [1, с. 16].

До недавнего времени в Беларуси для передачи в концессию предлагались только месторождения природных ископаемых. В утвержденный Президентом Беларуси пока единственный такой перечень объектов вошли и три участка на Витебщине. Так, месторождение глины «Курополье» в Поставском районе планируется к передаче в концессию на 22 года. Здесь концессионеру предлагается произвести детальную разведку и последующую разработку. Еще по одному месторождению глины в Поставском районе («Голбица») срок действия концессионного договора для добычи полезного ископаемого установлен на 20 лет. На данном объекте детальная разведка уже произведена. Третьим включенным в перечень участком является месторождение песка и песчано-гравийного материала «Улесье» в Докшицком районе. К участию в данных проектах проявляют интерес компании из России, Чехии, Болгарии, Вьетнама, Индии. В 2015 г. Министерство природы и охраны окружающей

среды Беларуси предложило инвесторам два участка в Гомельской области (Познякевичская и Акуличская площадки) для поиска и, в случае выявления на них месторождений нефти, – их разработки.

Но в настоящее время на основе принятого Закона Республики Беларусь № 63-3 от 12 июля 2013 г. «О концессиях» (далее – Закон «О концессиях») было заключено только одно соглашение между Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды и иностранным концессионером, оно касается проведения разведки и разработки сланцевых залежей и является договором о разделе продукции.

Предпринимались попытки заключения концессионных соглашений в лесной сфере. Однако предоставить данный участок в концессию с дальнейшим созданием в Республике Беларусь мебельного производства, не являлось возможным, так как данная территория служит сырьевой базой для большинства отечественных предприятий [2, с. 30].

Активное сотрудничество со Всемирным банком в сфере транспорта позволяет развивать транспортные концессии, финансирование реконструкции между г. Минском и г. Бобруйском. Также, Министерство транспорта намерено предложить для реконструкции на условиях концессии три магистрали: Минск – Вильнюс, Минск – Витебск, Гомель – Брест. Интерес инвесторов, в данном случае состоит в передаче объекта реконструкции в эксплуатацию сроком на 20 лет, т. е. компания, осуществившая модернизацию магистрали, содержит ее и собирает плату за пользование, тем самым возвращая свои затраты [2, с. 30].

В настоящее время также подписан концессионный договор на установку современной системы взимания платы за проезд грузовых автомобилей на всех наиболее значимых автомобильных дорогах Республики Беларусь и эксплуатацию этой системы сроком на 20 лет.

Транспортная концессия является одним из наиболее перспективных направлений развития государственно-частного партнерства, т. к. не накладывает на государство строгих обязательств по возврату денежных средств, а имеют место быть предпринимательские риски, которые распределяются между государством и концессионером.

Мировой опыт показал эффективность муниципальных концессий: концессии в сфере водоснабжения и водоотведения, реконструкция социальных объектов и т. д. Однако в Республике Беларусь механизм сдачи объектов муниципальной собственности в концессию не разработан, отсутствует законодательная база, свою роль играют также убыточность и неперспективность данной сферы для инвестора.

Очевидные достоинства концессионных соглашений заключаются в следующем: снятие финансовой нагрузки с государства, т.к. концессионер берет на себя обязательства по финансированию, строительству и обслуживанию

объекта, переданного в концессию; между государством и концессионером устанавливаются долгосрочные, стабильные, юридически оформленные отношения; для государства концессия – это возможность привлечения частного капитала без потери стратегического контроля над объектом.

Учитывая такие достоинства, необходимо отметить все же слабое развитие института концессий в Республике Беларусь, в связи с наличием таких серьезных недостатков: участие в концессии по сравнению с арендными отношениями являются дорогостоящими и рискованными для концессионера; ограниченный перечень объектов концессии и потенциальных концессионеров; концессия является новым видом правоотношений, законодательная база разработана не достаточно, имеется ряд пробелов, не отработана на практике.

В концессионных соглашениях государство сегодня видит одну из самых перспективных форм реализации проектов на условиях государственно-частного партнерства, однако законодательству в этой сфере далеко до совершенства. В первую очередь необходимо проработать непосредственно само концессионное соглашение с позиции применения к нему норм гражданского права и, соответственно, рассмотрения его как гражданско-правового договора, что позволит четко выделить структуру данного договора, и если субъекты и объекты данного договора определены законом, то существенные условия для каждого из видов концессионных договоров требуют конкретизации, гарантии прав концессионера являются слишком неоднозначными, а отсутствие в законе норм о компенсации убытков может поставить инвестора в тупик при принятии решения о заключении концессионного соглашения. Так как анализ закона «О концессиях» приводит нас к выводу о том, что реализация инвестиционного проекта осуществляется с участием двух сторон, т. е. имеет место определенное «сотрудничество сторон». Тем не менее, основные риски по таким договорам несут концессионеры. Требуют дополнения основания для изменения или расторжения договора: например, существенное изменение условий (в данном случае требуется уточнение существенности для концессионного договора).

Вступление государства в отношения с бизнесом на договорной основе во всем мире выступает одним из важнейших условий повышения инвестиционной активности в инфраструктурной сфере. Применение норм гражданского права при регулировании концессионных отношений, а также отнесение концессионного соглашения к гражданско-правовым договорам, позволит продемонстрировать со стороны Республики Беларусь открытость в принятии условий, устанавливаемых концессионером, устранить либо снизить до минимума административно-правовой режим концессии, что позволит Республике Беларусь конкурировать на международном рынке за привлечение иностранных капиталов.

Список источников

1. Государственно-частное партнерство в странах евразийского экономического союза / Б. Б. Бекешев [и др.]. – Москва : Центр развития ГЧП, 2017. – 82 с.
2. **Савчук, Т.** Развитие концессий как способа осуществления инвестиций в Республике Беларусь / Т. Савчук, А. Адашкевич, О. Касперович // Банкаўскі веснік. – 2015. – № 1. – С. 28–32.

УДК 338.24

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПОДХОД В ДИАГНОСТИКЕ БАНКРОТСТВА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Довыденко Иван Иванович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Использование управленческого анализа при диагностике банкротства предприятия – должника. Виды кризиса лежащие в основе банкротства. Вопросы, решаемые в диагностике банкротства при формировании целей и задач антикризисного управления.

Успешный анализ риска банкротства предприятия возможен лишь на основе следующих основных предпосылок:

В основу анализа ложатся результаты наблюдения предприятия за возможно более долгий период времени.

Учетные формы, используемые при анализе, должны достоверно отображать подлинное финансовое состояние предприятия.

Для анализа используются лишь те показатели, которые в наибольшей степени критичны с точки зрения их относимости к банкротству данного предприятия.

Лицо, производящее анализ, должно располагать представительной статистикой банкротств, которая также должна быть верифицирована на относимость к банкротству данного предприятия – с точки зрения отрасли, страны и периода времени, за который проводится анализ.

В основе деятельности любого предприятия лежит использование материальных, финансовых, человеческих ресурсов. Четвертым фактором любого процесса производства является специфический фактор – предпринимательские способности высшего менеджмента. Этот четвертый фактор является ключевым в организации любого процесса. Именно поэтому мы считаем, что в основе любого процесса банкротства лежат, прежде всего, ошибки высшего

менеджмента. Эти ошибки приводят к неэффективному использованию материальных и человеческих ресурсов, следствием чего является финансовый кризис, выражающийся сначала в неплатежеспособности, затем – в несостоятельности. Юридически оформленная констатация факта несостоятельности предприятия и является банкротством.

В основе банкротства предприятия всегда лежат три кризиса – кризис управления, экономический кризис и финансовый кризис. Внешним проявлением совокупного действия этих трех кризисов на предприятие является сначала его неплатежеспособность, то есть неспособность предприятия погасить свои краткосрочные обязательства, а затем и несостоятельность, то есть когда сумма текущих обязательств предприятия превышает стоимость его имущества. Принятое Хозяйственным судом решение о признании предприятия несостоятельным превращает его в банкрота. Ни одна из существующих на сегодняшний день методик анализа не исходит из того, что банкротство является высшим проявлением трех кризисов предприятия.

Поэтому с точки зрения практического применения они неприменимы. Можно предложить следующую методику диагностирования состояния предприятия – должника, принципиальная схема которого представлена на рисунке.

Схема методики диагностирования состояния предприятия-должника

Главной целью данного анализа является выявление целей и задач, которые поставили бывшие собственники перед руководством предприятия, составление существующей схемы управления предприятием. Исходя из поставленной цели, управленческий анализ должен дать ответы на следующие вопросы:

- каковы взаимоотношения предприятия с контролирующими органами и местной властью;
- какие цели стояли перед предприятием;
- какова существующая схема управления;
- каковы технологические особенности процесса основной деятельности;

- какова технологическая схема оказания услуг;
- имеется ли нормативная база на предприятии;
- имеются ли положения о структурных подразделениях и должностные инструкции работников;
- оценить наличие трудовых ресурсов на предприятии;
- выявить соответствие существующей системы управления поставленным целям и технологии;
- выявить соответствие имеющихся трудовых ресурсов предъявляемым к ним требованиям.

Формулируя данные задачи управленческого анализа, будем исходить из того, что система управления должна, с одной стороны, соответствовать поставленным перед организацией целям, с другой же – основываться на технологическом процессе производства.

Управление предприятием должно основываться на его технологическом процессе. В последнее время стало очень распространенным мнение, что управление предопределяется формой собственности или даже организационно-правовой формой предприятия. Однако организационно-правовая форма организаций выражает отношения собственности и касается не процесса управления организацией, а только распределения прибыли между собственниками. Она воздействует на процесс управления только в той степени, что именно собственники подбирают и назначают управляющего организациями и ставят перед ним стратегические цели. Именно в функции управляющего входит разработка системы и сам процесс осуществления управления организацией.

Если же процесс управления не определяется организационно-правовой формой предприятия, то возникает резонный вопрос – что же предопределяет его? Здесь необходимо отметить, что процесс управления на любом предприятии прежде всего предопределяется технологией основной деятельности, отраслевой принадлежностью предприятия. Например, большинство банков России является акционерными обществами открытого типа, РАО «Газпром» – также акционерное общество открытого типа. Они одинаковы только в одном – их акционеры получают прибыль в виде дивидендов. Но это отношения собственности. Процесс же управления в банке абсолютно не схож с процессом управления на газодобывающем предприятии или трубопроводе. Требования к структуре управления, к профессиональному составу трудовых коллективов, организация трудовых процессов, стимулирования труда у этих предприятий одинаковой организационно-правовой формы, абсолютно различны и предопределяются технологией производства.

Таким образом, управленческий анализ должен выявить соответствие имеющейся системы управления на предприятии поставленным целям и существующему технологическому процессу.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗЫСКАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Иванова Диана Владимировна,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

За нарушение исключительного права вместо убытков правообладатель (владелец товарного знака) вправе заявить требование о выплате компенсации. В материале рассматриваются некоторые ситуации по взысканию компенсации за нарушение исключительного права, возникающие в судебной практике Республики Беларусь и Российской Федерации, и предлагается их разрешение.

Взыскание компенсации предусмотрено в гражданском праве только в подотрасли право интеллектуальной собственности как альтернатива возмещению убытков. Объясняется введение такого способа защиты исключительного права в частности сложностью, а порой и невозможностью доказывания наличия и размера убытков, которые причинены нарушителем правообладателю.

В Республике Беларусь такой способ защиты исключительных прав как компенсация назван только в Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» [1] и Законе Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» [2]. Единого положения о возможности взыскания компенсации в случае нарушения исключительного права на любой объект интеллектуальной собственности, такого как в п. 3 ст. 1252 Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3], белорусское законодательство не содержит.

Возникают проблемные ситуации в случае, когда истец выбирает взыскание компенсации, но при этом не представлено какое-либо обоснование ее размера, нет данных о стоимости контрафактных товаров или же стоимости права использования объекта интеллектуальной собственности. По делам о товарных знаках, встречается, что товары фактически не продавались, и лицензионные договоры не заключались. Может ли размер присужденной компенсации в таком случае быть приравнен к нулю? Представляется, что подобное решение не в полной мере согласуется с доктринальным представлением о природе компенсации, взыскиваемой за нарушение исключительного права. В отличие от хорошо известного англо-американскому праву института номинальных убытков, которые присуждаются в случаях, когда потерпевшая сторона, будучи права по существу, предпринимала добросовестные попытки, но тем не менее, не смогла доказать размер своего реального ущерба, номинальная компенсация нашей доктриной не признана.

Следует предложить истцу раскрыть соответствующие доказательства или же, при невозможности, уточнить заявленные требования в части выбора (способа расчета) компенсации. В случае если истец отказывается или не принимает во внимание рекомендации суда, в иске следует отказать. В практике суда Республики Беларусь в случае, когда истец не представил расчеты и не обосновал размер компенсации, суд отказывает в удовлетворении исковых требований.

Известно, что на одном товаре может размещаться несколько различных товарных знаков. После внесения изменений в Закон Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» очевидно появление и такого вопроса: как будет рассчитываться и взыскиваться сумма компенсации за нарушение исключительного права, если одновременно на товаре имеется несколько объектов интеллектуальной собственности, в частности произведение и товарный знак, использующий это произведение.

По первой ситуации Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации высказался в постановлении от 27.12.2012 г. № 9414/12: в таком случае нарушаются исключительные права на каждый товарный знак [4]. В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.06.2012 г. № 2384/12 указано, что если защищаемые товарные знаки фактически являются группой (серией) знаков одного правообладателя, которые зависимы друг от друга, связаны между собой наличием одного и того же доминирующего словесного элемента, имеют фонетическое и семантическое сходство, а также несущественные графические отличия, не изменяющие сущность товарных знаков, то нарушение прав на несколько таких товарных знаков представляет собой одно нарушение [5]. Можно ли прислушаться к этим позициям и по всем анализируемым случаям предложить решение о взыскании компенсации как за один факт нарушения исключительного права?

Поскольку законодательство Российской Федерации, как и законодательство Республики Беларусь, допускает кумулятивную охрану, нет оснований для того, чтобы игнорировать какой-либо из охраняемых объектов или же объединять их как одно нарушение. Несмотря на то, что тождественными или сходными могут быть слова, изображения и т. д., речь идет о различных объектах исключительных прав, отличающихся по своей природе, назначению и особенностям правовой охраны. Это влечет отличия не только по основаниям применения мер ответственности, но и основанию и предмету иска, представляемым доказательствам, доказываемым фактам и т. д. На наш взгляд, в таких случаях следует считать, что нарушены исключительные права на несколько объектов интеллектуальной собственности. Соответственно будет рассчитываться размер компенсации за каждое нарушение в отдельности. Для снижения «общей» суммы компенсации в данном случае также оснований не усматривается.

Список источников

1. Об авторском праве и смежных правах : Закон Респ. Беларусь от 17 мая 2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О товарных знаках и знаках обслуживания: Закон Респ. Беларусь от 5 февр. 1993 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 4 [Электронный ресурс] : Федер. закон, 18 дек. 2006 г., № 230-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
4. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27.12.2012 г. № 9414/12: [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.06.2012 г. № 2384/12 по делу № А40-146649/10-19-1260 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

УДК 346.22 (476)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лавренчиков Александр Сергеевич,

ГУО «Свислочская средняя школа Осиповичского района»
(д. Свислочь, Осиповичский район, Могилевская область, Беларусь)

Мировая практика показывает, что малый и средний бизнес оказывает существенное влияние на развитие экономики и решение социальных проблем рыночных стран. Он во многом определяет темпы экономического роста, структуру и качество валового национального продукта.

По численности работающих, объему производимых и реализуемых товаров, разнообразию выполняемых работ субъекты малого и среднего предпринимательства зачастую занимают ведущие места. Таким образом, высокий уровень развития предпринимательства является необходимым условием успешного функционирования рыночной экономики [7, с. 21].

В современной Беларуси, идущей по пути рыночных преобразований, до сих пор не использован потенциал этого особого сектора экономики, призванного смягчить последствия системного кризиса, выступать в роли катализатора переходных процессов. Развитие его в Беларуси существенно отстает от темпов, демонстрируемых в странах-соседях. Это объясняется отношением государства к этому сектору – правительство связывает возможности экономического роста

в Беларуси преимущественно с государственными предприятиями. В результате для малого и среднего предпринимательства создана довольно негостеприимная среда с высокими издержками как входа на рынок, так и ухода с него, в виде сложного и изменчивого законодательства, длительной и дорогостоящей регистрации, закрытия предприятия и пр. Высокие транзакционные издержки, связанные с получением всех необходимых разрешений дополняются рисками и конфискационными механизмами в виде многочисленных проверок и штрафов за нарушение норм законодательства. Несмотря на определенные успехи, достигнутые в развитии данного сектора, предпринимательство еще не оказывает столь существенного влияния на социальное и экономическое развитие общества, как это имеет место в промышленно-развитых странах [7, с. 43].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 28 мая 1991 г. № 813-ХП «О предпринимательстве в Республике Беларусь» под предпринимательством понимается самостоятельная, инициативная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода и осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица (предприятия). Предпринимательская деятельность может осуществляться в виде индивидуальной трудовой деятельности, а также в различных организационно-правовых формах предприятий (юридических лиц) [1, с. 95].

Экономическая природа предпринимательства характеризуется через его признаки: инициативу, коммерческий риск и ответственность, комбинирование факторов производства, новаторство. Развитие предпринимательства предполагает ряд определенных условий. Обеспечение свободы хозяйственной деятельности – это свобода использовать принадлежащее предпринимателю, арендуемое или переданное в пользование имущество; свобода определять, что и как производить, выбирать поставщиков и потребителей, назначать цены, распоряжаться прибылью, остающейся после уплаты налогов, и решать иные производственные вопросы.

Развитие рыночных отношений. Предпринимательство – это рыночно-конкурентный тип хозяйствования, система отношений, предполагающая хозяйственную самостоятельность, эквивалентные (равноценные) связи, наличие особого рода сознания.

Установление прав собственности на средства производства и произведенной продукции. Собственность выступает как форма присвоения материальных благ и, прежде всего, средств производства как фактора производства. Собственность на средства производства теряет смысл вне собственности на продукт. Присвоение средств производства и продукта осуществляется в процессе владения, распоряжения и использования [2, с. 43].

Наличие многообразия форм собственности. Рыночная экономика многоукладна. Процесс формирования многоукладной экономики – это процесс, ос-

нованный на множестве форм собственности и базирующихся на них типах хозяйствования.

Наличие экономически обоснованного и самостоятельного субъекта хозяйствования. Экономическая обособленность означает, что сам производитель решает, какую продукцию выпускать, как ее производить, кому и где продавать. Государство не должно мешать производителям изготавливать то, что им представляется нужным, а потребителям – покупать то, что они желают. Пока же 45,2% населения республики считают, что цены должны устанавливаться государством и жестко им контролироваться. Еще 24,6% полагают, что свободные цены должны быть только на модные, престижные товары, предметы роскоши. Лишь 12,6% высказываются за то, чтобы цены определялись свободно на основе спроса и предложения, а 17,6% – за свободное ценообразование на все товары, кроме предметов первой необходимости [5, с. 8].

Важность значения малого и среднего предпринимательства (МСП) для экономики и социальной жизни страны очевидна. В связи с этим одной из функций государства должно стать обеспечение поддержки и развития данного сектора экономики. Современный этап развития МСП в стране характеризуется тем, что на уровне государства и общества уже утвердилось понимание необходимости активизации частной инициативы не только как способа обеспечения занятости населения, но и как одного из важнейших источников стабильного социально-экономического роста.

Система взаимодействия власти и бизнеса в Беларуси, в отличие от западных государств, имеющих большой опыт в этой области, находится на начальной стадии развития [4, с. 58].

В последнее время наблюдается улучшение условий для создания и ведения малого предпринимательства. Программными документами поставлена задача существенного повышения его роли в экономике, превращения в действенный фактор социально-экономического развития. Именно в секторе МСП сегодня государство в основном осуществляет политику либерализации экономики.

Принят ряд документов в области развития малого бизнеса, призванных поддержать его. Они касаются сокращения административных барьеров, в частности упрощения регистрации и закрытия бизнеса; уменьшения перечня административных процедур, бремени налогообложения; приостановления проверок; регламентации имущественного обеспечения; сокращения перечня товаров, не подлежащих сертификации, и др.

Предпринимательство в нашей стране пока не стало движущей силой экономического развития ввиду действия таких факторов, как жесткая регламентация различных сфер деятельности, не оставляющих простора инициативе; неравенство форм собственности; недостаточно четкая политика государства в отношении частного бизнеса. Одна из главных причин этого – отсутствие

эффективного механизма регулирования взаимодействия государства и субъектов малого и среднего предпринимательства, усиления влияния интересов МСП в системе государственного управления.

Назрела необходимость в повышении эффективности государственного регулирования сектора МСП, четком определении полномочий каждого из органов государственного управления в сфере развития и поддержки этого сектора, активном взаимодействии с общественными объединениями МСП, а также определении форм и методов координации их деятельности при подготовке и реализации соответствующих управленческих решений. Это позволит сделать работу государственного аппарата более согласованной и результативной, активизировать участие предпринимательских структур и их объединений в содействии развитию малого и среднего предпринимательства, в улучшении деловой среды, бизнес-климата [6, с. 21].

Государственное регулирование предпринимательской деятельности представляет собой управленческую деятельность государства в лице соответствующих уполномоченных органов, направленную на упорядочение экономических отношений в сфере предпринимательства с целью защиты интересов их участников. Эти интересы должны быть уравновешены и не вступать в конфликт друг с другом. Достичь их баланса возможно различными способами, приемлемыми для взаимодействия власти и бизнеса. Проблемой государственного регулирования в тех или иных сферах предпринимательской деятельности остается сохранившаяся с советских времен привычка должностных лиц и органов власти понимать его как непосредственное руководство деятельностью хозяйствующих субъектов.

Можно рекомендовать Департаменту по предпринимательству Минэкономики, другим заинтересованным республиканским органам государственного управления и облисполкомам совместно с бизнес-объединениями, представляющими интересы МСП, инициировать вопрос и законодательно предусмотреть передачу предпринимательскому сектору части функций государства, присущих каждому органу, ведомству, а именно таких, как: лицензирование, сертификация, развитие производственной инфраструктуры обеспечения бизнеса (измерительных, контрольных и других лабораторий, инспекций и центров), первичная экспертиза бизнес-планов и инвестиционных проектов, защита прав потребителей, информационное обслуживание, консультирование, подготовка кадров и другое.

На современном этапе малый бизнес является важнейшим компонентом экономики. Развитие малого предпринимательства в РБ способствует решению таких задач, как демонополизация, формирование рыночной структуры экономики и конкурентной среды, насыщение рынка конкурентоспособной продукцией, занятость населения и создание новых рабочих мест, экономический рост и увеличение налоговых поступлений, формирование стабилизиру-

ющего общества среднего класса, реализации ряда конкретных мер стратегического и оперативного характера в области ресурсного обеспечения [3, с. 54].

Однако развитию сектора малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь препятствует ряд проблем. Выявлен ряд негативных тенденций, влияющих на формирование бизнеса:

- преимущественная ориентация предпринимательских структур на деятельность в сфере торговли и общественного питания – примерно 40% от общего количества предприятий;

- недолговечность большинства предпринимательских структур, обусловленная нестабильностью общей экономической ситуации, отсутствием стимулов к долгосрочным инвестициям;

- вытеснение большинства негосударственных предприятий на периферию научно-технического прогресса, их неспособность переломить негативные последствия за счет прорыва на экспортные рынки;

- отсутствие оперативного контроля показателей деятельности субъектов малого предпринимательства;

Необходимо отметить также и то, что малый бизнес в Беларуси уже имеет довольно широкую правовую основу, но она недостаточна. Проблема состоит в том, что она однобока и принятые правовые аспекты не реализуются.

Несмотря на то, что в стране действует система государственной поддержки субъектов малого предпринимательства, из государственного и местных бюджетов средств на эти цели выделяется крайне мало. Работа созданной инфраструктуры для поддержки малого бизнеса пока остается только на бумаге.

Список источников

1. **Балашевич, М. И.** Малый бизнес – отечественный и зарубежный опыт / М. И. Балашевич. – Минск : Экоперспектива, 2001. – 224 с.
2. **Борушко, Е. П., Кузьмич, Е. А.** Пути повышения эффективности государственного регулирования сектора малого и среднего предпринимательства // Экономический бюллетень НИЭИ Министерства экономики Республики. – 2010. – № 3.
3. **Догиль, Л. Ф.** / Предпринимательство и малый бизнес : учеб. пособие / Л. Ф. Догиль, Б. Д. Семенов. – Минск : Вышэйшая школа, 1997. – 266 с.
4. Малое предпринимательство в Беларуси // Малый и средний бизнес в Беларуси : сб. статей. – Минск, 2002. – 128 с.
5. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 02.10.2017.
6. Развитие малого и среднего бизнеса в экономическом потенциале региона // О. С. Башлакова. Малый и средний бизнес в экономическом потенциале региона.
7. Экономическая теория: (микро- и макроэкономика) : учеб. пособие для подготовки к экзаменам / общ. ред. М. И. Плотниченко. – Минск : Интерпрессервис, 2003. – 192 с.

К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ТЕРМИНА «ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

Лапутько Ксения Вячеславовна,

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

В статье рассматривается проблема толкования термина внешнеэкономическая деятельность.

Современная наука располагает множеством подходов к определению понятия и сущности внешнеэкономическая деятельность (далее – ВЭД). Термин «внешнеэкономическая деятельность» впервые был использован в СССР в конце 80-х гг. прошлого столетия, с возникновением необходимости реформирования системы хозяйствования. До этого момента внешняя торговля была централизована, имели место лишь межправительственные внешнеэкономические связи.

В отечественном законодательстве отсутствует легальное определение термина «внешнеэкономическая деятельность». Закон Республики Беларусь «О внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь» от 25 октября 1990 г. № 354-ХП, который действовал до 2004 года, не раскрывал понятия ВЭД, но указывал на виды внешнеэкономической деятельности: «в сферу действия настоящего Закона входят все виды ВЭД, включая внешнюю торговлю, экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество» [5]. В настоящий момент в Республике Беларусь отсутствует отдельный нормативный правовой акт, регулирующий ВЭД. Термин упоминается лишь в некоторых нормативных правовых актах, затрагивающих вопросы правового регулирования отдельных видов ВЭД. Отсутствие легального определения термина «внешнеэкономическая деятельность» приводит к множественности подходов к содержанию данного понятия, а также к проблемам разграничения терминов: «внешняя торговля», «внешнеэкономические связи», «внешнеторговая деятельность» и «внешнеэкономическая деятельность». Первые три термина, являются по сути синонимами, однако в перечень нельзя включать ВЭД.

В современных толковых словарях, в том числе в экономических и правовых, ВЭД не имеет единого определения. Отметим, что единственным узкоспециализированным актом на пространстве государств бывшего СССР является Закон Украины «О внешнеэкономической деятельности» от 19 февраля 1992 г., № 2139-ХП, который в статье 1 определяет ВЭД как деятельность субъекта хозяйственной деятельности Украины и иностранных субъектов хозяйственной деятельности, построенная на взаимоотношениях между ними, имеющая

место как на территории Украины, так и за ее пределами [4]. На наш взгляд, данное определение не содержит всех признаков характеризующих данную правовую категорию. Определение ВЭД через территорию и виды субъектов не отражает сути рассматриваемого термина. В Законе Российской Федерации «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ термин «внешнеэкономическая деятельность» определен как внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них) [10]. Определение представляется нам неудачным, так как вместо фактического толкования законодатель прибег к раскрытию термина через перечисление видов внешнеэкономической деятельности. В отдельных межгосударственных соглашениях, заключенных Республикой Беларусь, можно встретить два разных подхода к толкованию термина «внешнеэкономическая деятельность». В постановлении Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан № 8-12 «О модельном законе «Об основах внешнеэкономической деятельности» (принято в г. Санкт-Петербурге 04.04.1999 г.) закреплено следующее определение: «внешнеэкономическая деятельность – деятельность национальных юридических и физических лиц, опосредующая внешнюю торговлю, а также иные отношения по международному экономическому сотрудничеству с иностранными государствами, их органами, международными организациями, иностранными юридическими и физическими лицами» [6]. В постановлении Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан № 11-13 «О модельном законе «Общие принципы экспортного контроля» (г. Санкт-Петербурге 10.12.2000 г.) внешнеэкономическая деятельность определена как внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальной собственностью) [7].

В научной литературе также отсутствует единый подход к понятию ВЭД. На наш взгляд, можно говорить о двух способах рассмотрения внешнеэкономической деятельности, выбор которого зависит от целей и специализации (правовой или экономической) ученого. Экономисты определяют ВЭД как совокупность производственно-хозяйственных, организационно-технических, финансово-экономических и коммерческих функций, связанных с проведением внешнеторговых сделок, участием в международном инвестиционном сотрудничестве, международной кооперации, валютных и кредитных операциях производственной кооперации [1]. Мнения специалистов-правоведов

расходятся. Первая группа ученых рассматривает ВЭД с точки зрения частного права как деятельность субъектов по экспорту, импорту товаров (услуг), иностранным инвестициям, страхованию, в области материального и иного производства с целью формирования и становления рыночной экономики республики, вхождения ее в мировую экономику, удовлетворения потребностей населения. Фактически, ВЭД сводится лишь к взаимодействию субъекта хозяйственной деятельности и иностранного субъекта хозяйствования. С определенной долей условности, с таким подходом можно согласиться. Однако, данные правовые отношения лежат в большей степени в поле регулирования международного частного и хозяйственного права. Вторая группа ученых рассматривает ВЭД с точки зрения международного экономического права как деятельность государства по развитию сотрудничества с другими государствами в области торговли, экономики, техники, культуры, туризма, осуществляемая путем заключения международных договоров. На наш взгляд, оба подхода к рассмотрению ВЭД представляются узкими, поскольку из сферы правового регулирования оказываются исключены управленческие (административные) меры регулирования ВЭД государством. Исключены оказываются те отношения, которые связаны с деятельностью государственных органов по управлению, контролю и обеспечению ВЭД, таких как разработка государственных программ в данной сфере, инструментов контроля и т. д.

Особый интерес представляет определение, которое отражает подход социалистической науки к «ВЭД – совокупность экспортно-импортных операций страны, союзных республик, министерств и ведомств, предприятий, объединений, государственных и кооперативных организаций» [2, с. 9]. Данное определение отражает тот факт, что в период СССР ВЭД был в исключительно государственной монополии и не мог осуществляться никем, кроме уполномоченных государственных субъектов. В экономической доктрине ученые обращают особое внимание на разграничение терминов «внешнеэкономические связи» и «внешнеэкономическая деятельность». В.В. Покровская определяет внешнеэкономические связи как форму реализации межгосударственных отношений в части научно-технического, производственного и торгового сотрудничества и валютно-финансовых отношений. Как уточняет автор, основной акцент стоит на обеспечении экспортных поставок для государственных нужд [8, с. 18]. Некоторые ученые, например В.М. Руденков, выделяет в таких связях два уровня: микроуровень, на котором субъектами являются частные лица, макроуровень, в этом случае, субъект – государства, межгосударственные и межправительственные организации [9, с. 5]. При этом ключевым различием приведенных двух понятий является интерес: публичный в случае внешнеэкономических связей, частный – в внешнеэкономической деятельности.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет толкование данное отечественными экономистами, Т.В. Карпей и Э.А. Савенок, которые рассматри-

вают ВЭД как процесс реализации внешнеэкономических связей на уровне субъектов хозяйствования. В свою очередь, внешнеэкономические связи определяются авторами как система экономических отношений, возникающих при движении всех видов ресурсов между государствами и экономическими субъектами разных государств. Исходя из чего, авторы усматривают сущность ВЭД в совокупности экономических, организационно-правовых, финансовых операций и сделок с целью получения максимально возможной эффективности, недостижимой при осуществлении аналогичных операций на внутреннем рынке [3, с. 24]. На наш взгляд, невозможно дать верное толкование термину ВЭД без анализа ее структурных элементов. Однако при изучении экономической литературы можно обнаружить, что таковые выделяются лишь в контексте ВЭД отдельного субъекта хозяйствования.

Предлагаем выделить следующие подходы к рассмотрению сущности ВЭД: во-первых, международно-правовой, под которым понимается межгосударственное сотрудничество, во-вторых, хозяйственно-правовой, как все операции осуществляемые субъектом хозяйствования по трансграничному обмену товарами, услугами, работами, объектами интеллектуальной собственности, в-третьих, внутргосударственный административно-правовой, как управление, регулирование и совершение административных процедур компетентными органами государства по обеспечению законности осуществления ВЭД. Для каждого из элементов будет присущ свой метод правового регулирования. Наиболее целесообразно использовать интегративный подход к определению указанного понятия, поскольку ВЭД включает в себя как аспект предпринимательской деятельности субъектов хозяйствования, отяжеленный иностранным элементом, аспект международно-правовых договоров, заключаемых государствами в определенных сферах, так и аспект, регулируемый административно-правовым методом и осуществляемый государством в рамках национального законодательства.

Из анализа научных статей, посвященных рассматриваемому вопросу, можно сделать вывод о широком понимании видов внешнеэкономической деятельности; фактически, лишь один из них четко определен и развит и наукой, и законодательными актами – внешнеторговая деятельность.

Таким образом, мы можем сформировать следующее определение внешнеэкономической деятельности – совокупность систематически осуществляемых действий, целенаправленных в области международного (трансграничного) обмена товарами, работами, услугами, информацией и объектами интеллектуальной собственности.

Список источников

1. **Гавриленко, В. Г.** Капитал : энциклопедический словарь // Право и экономика // В. Г. Гавриленко. – 2009.

2. **Данченко, Е. Г.** Социалистический рынок и внешнеэкономическая деятельность / Полгот / Е. Г. Данченко, В. П. Черевань ; науч. ред. В. И. Сенченко. – Киев, 1990. – 38 с.
3. **Карпей, Т. В.** Организационно-экономическое обеспечение внешнеэкономической деятельности / Т. В. Карпей, Э. А. Савенок, Б. В. Сорвиров. – Минск : Право и экономика, 2004. – 76 с.
4. О внешнеэкономической деятельности : Закон Украины, 19 февраля 1992 г., № 2139-ХІІ с изм. и доп. – Режим доступа: <http://www.profiwins.com.ua/legislation/laws/105.html>. – Дата доступа: 11.05.2017.
5. О внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 25 октября 1990 г. № 354-ХІІ // Электрон. копия эталонного банка данных правовой информации с информационно-поисковой системой «Эталон»: версия 6.7 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – утратил силу.
6. О модельном законе «Об основах внешнеэкономической деятельности» : постановлении Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан № 8-12 (Принято в г. Санкт-Петербурге 04.04.1999).
7. О модельном законе «Общие принципы экспортного контроля» : постановление Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан № 11-13 (Принято в г. Санкт-Петербурге 10.12.2000)
8. **Покровская, В. В.** Организация и регулирование внешнеэкономической деятельности : учебник / В. В. Покровская. – Москва : Юристъ, 2002. – 456 с.
9. **Руденков, В. М.** Организация и управление внешнеэкономической деятельностью / В. М. Руденков. – Минск : МГЭИ, 2005. – 484 с.
10. Федеральный закон «Об экспортном контроле» от 18.07.1999 № 183-ФЗ с изм. и доп. – Режим доступа: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/zakonodatelstvo/96-zakonu/309-federalnyj-zakon-rossijskoj-federatsii-ot-18-iyulya-1999-g-n-183-fz>. – Дата доступа: 11.05.2017.

УДК 346.7

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Пахоменко Алеся Игоревна,

Ассоциация защиты интересов организаторов азартных игр
(г. Минск, Беларусь)

В докладе рассмотрены правовые аспекты развития игорного бизнеса в Республике Беларусь. Выделены некоторые проблемы, препятствующие цивилизованному развитию бизнеса, и пути их разрешения.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12.01.2011 № 31 утверждена Концепция развития игорного бизнеса в Республике Беларусь, которая определила дальнейшие подходы к его правовому регулированию на фоне введенных запретов и ограничений в соседних государствах – Российской Федерации и Украине.

В настоящее время игорный бизнес в Республике Беларусь вправе осуществлять исключительно юридические лица на основании специального разрешения (лицензии). С 01.01.2011 г. лицензирующим органом в сфере игорного бизнеса является Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь (ранее данными полномочиями было наделено Министерство спорта и туризма).

Одновременно с этим на Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь возложена исключительная компетенция по реализации государственной политики в сфере игорного бизнеса, а также координации деятельности республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов [1].

С этого момента законодательство, регулирующее порядок ведения игорного бизнеса, претерпело существенные изменения, не все новшества положительно отразились на состоянии данного вида деятельности.

Практика ведения игорного бизнеса в последние годы указывает на его стремительное сокращение, что подтверждают следующие цифры: по состоянию на 01.01.2016 года в Республике функционировало 246 залов игровых автоматов, на 01.01.2017 г. количество залов игровых автоматов составило 174, то есть за указанный период имеет место уменьшение на 33%; по состоянию на 01.01.2015 г. в Республике использовалось 9930 игровых автоматов, на 01.01.2017 г. количество игровых автоматов составило 6407, то есть, за указанный период имеет место уменьшение на 35%, при этом каждый игровой автомат является объектом налогообложения налогом на игорный бизнес в фиксированной сумме; за период 2014 г. сумма поступившего налога на игорный бизнес в бюджет Республики Беларусь составила 41 200 000 белорусских рублей, что эквивалентно 40 332 844 долларов США, за период 2016 г. сумма составила 45 400 000 белорусских рублей, что эквивалентно 22 831 280 долларов США, то есть реальные поступления от деятельности в сфере игорного бизнеса (в валютном эквиваленте, при этом для расчета применен средний курс Национального Банка Республики Беларусь за соответствующий год белорусского рубля по отношению к доллару США) уменьшились на 43%.

В настоящее время игорный бизнес находится в стадии регрессного развития. Нахождение бизнеса в состоянии, при котором имеет место уменьшение реальных налоговых поступлений, требует незамедлительного выявления и устранения причин, препятствующих развитию данного вида деятельности.

Исходя из практического опыта, проблема видится в чрезмерном вмешательстве в порядок осуществления хозяйственной деятельности со стороны

регулятора – Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, в первую очередь, посредством правового регулирования, а также в неэффективности механизма регулирования игорного бизнеса в целом. При регулировании игорного бизнеса отсутствует необходимый баланс интересов, который обеспечивается посредством принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, что предопределяет качество и эффективность правовых норм, регулирующих данный вид деятельности.

Главной и непосредственной целью разделения государственной власти в странах древности являлось обеспечение жизнедеятельности правовой системы. В основу разделения властей было положено различное отношение государственных органов к процессу разработки, принятия и осуществления закона [2, с. 219].

Регулирующий орган в сфере игорного бизнеса в Республике Беларусь по существу является по отношению к вверенной сфере и законодательной, и исполнительной, и даже немного судебной властью, что не может не сказываться негативно на результатах деятельности всей сферы в целом и следствием чего является односторонность правового регулирования. Так, Министерство по налогам и сборам по отношению к игорному бизнесу видится законодательной властью, поскольку именно данный государственный орган является разработчиком большинства нормативных правовых норм, регулирующих отношения, связанные с организацией и проведением азартных игр; являясь единоличным республиканским органом управления, реализующим государственную политику в сфере игорного бизнеса, координирующего деятельность республиканских органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных органов в сфере игорного бизнеса, выполняет функции исполнительной власти; довод о том, что регулятор по существу является и судебной властью, исходит из наличия компетенции рассматривать дела об административных правонарушениях в отношении большинства нарушений требований законодательства организаторами азартных игр, что аналогично деятельности судов общей юрисдикции, а также наличием в течении продолжительного периода времени законодательного права в ряде случаев прекращать деятельность лицензиатов в сфере игорного бизнеса прекращением, аннулированием действия специального разрешения (лицензии).

В рамках обсуждения проекта Указа Президента Республики Беларусь «Об изменении указов Президента Республики Беларусь» (о лицензировании отдельных видов деятельности в части общих вопросов лицензирования в мае 2017 г. Ассоциацией защиты интересов организаторов азартных игр внесено предложение об отказе от предоставления полномочий лицензирующим органам на прекращение, аннулирование действия лицензий.

Отказ от внесудебного прекращения действия лицензий минимизирует количество необоснованно принятых решений о прекращении действия ли-

цензий, которое в большинстве случаев приводит к ликвидации организаций, поскольку прекращение действия лицензий при таких обстоятельствах будет возможно только по результатам полной и всесторонней оценки всех имеющих существенное значение для принятия правильного решения обстоятельств независимым судом.

Чрезмерное вмешательство со стороны регулятора в деятельность организаторов азартных игр, препятствует развитию бизнеса на основе практического опыта, навыков и умений специалистов в сфере игорного бизнеса. Имеет место регулирование тех вопросов, которые не требуют государственного регулирования.

Многие требования в сфере игорного бизнеса чрезмерны. Так, ярким примером является опубликованное в недавнее время предложение регулятора запретить посетителям игорного заведения предоставлять другому посетителю игорного заведения денежные средства либо их эквивалент (фишки, жетоны, электронные деньги, иное) для участия в азартной игре, что в случае принятия, будет являться беспрецедентным вмешательством в гражданские правоотношения, и станет очередным препятствием в сфере развития бизнеса.

Ограничение права физических лиц в игорных заведениях свободно распоряжаться своим имуществом, в том числе денежными средствами, не будет способствовать развитию игорного бизнеса. Очередной барьер в свободе действий, в том числе физических лиц – пользователей услуг проведения азартных игр, желание законодательного регулирования каждого действия сторон гражданско-правового договора – соглашения о выигрыше – участника азартной игры и организатора создает напряженные условия нахождения в игорных заведениях, чрезмерные ограничения, как для организаторов, так и для участников, негативно отражается на посещаемости игорных заведений, как следствие на размере получаемого дохода субъектами предпринимательской деятельности, что в лучшем случае влечет отсутствие свободных финансов на развитие организации, в худшем – недостаточность денежных средств на погашение налогов, обязательство уплаты которых возникает независимо от наличия прибыли.

Таким образом, цивилизованное развитие бизнеса не представляется возможным без качественно разработанной и стабильной нормативной правовой базы, учитывающей интересы всех сторон правоотношений, эффективного механизма регулирования без излишнего вмешательства со стороны государства в гражданские правоотношения. Качественное и стабильное законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, является необходимым условием для развития бизнеса.

До принятия нормативного правового акта, изменений и дополнений в действующее законодательство, регулирующее предпринимательскую деятельность, необходима тщательная проработка каждой предлагаемой нормы,

всесторонняя оценка возможных последствий последующей практики применения, глубокий анализ необходимости введения каждой нормы, практической эффективности с участием лиц, осуществляющих практическую деятельность в соответствующей сфере, в том числе необходимо законодательное закрепление обязательного приглашения к участию в разработке нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность, бизнес-союзов в соответствующей сфере. Разработка правовых норм на основе практического опыта способствует отсутствию в последующем потребности внесения изменений.

Недостаточно проработанные, излишние требования, неясные формулировки, отсутствие баланса интересов между государственными органами, бизнесом и потребителями тормозит развитие бизнеса, отрицательно влияют на деловой климат, являются препятствием для привлечения иностранных инвестиций, что очевидно на примере правового регулирования игорного бизнеса в Республике Беларусь, где отчетливо прослеживается, каким образом изменение правил ведения бизнеса предопределяет его дальнейшее развитие.

Список источников

1. Об утверждении Положения об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 янв. 2005 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. **Муравский, В. А.** Разделение властей: исторический опыт и Конституция Российской Федерации // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып.1. – Екатеринбург, 1999. – С. 215–234.

УДК 347 (476.4)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ г. МОГИЛЕВА И МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Соркин Геннадий Семенович, Горшенков Сергей Алексеевич,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь), юридическая группа «Sorkin&Gorshenkov»
(г. Могилев, Беларусь)

Анализируются отдельные показатели развития рынка юридических услуг в г. Могилеве и Могилевской области, полученные в результате проведенного авторами маркетингового исследования на основе вторичной информации, полученной из открытых источников.

Право на юридическую помощь для осуществления и защиты прав и свобод является неотъемлемым конституционным правом каждого гражданина. Реализацией данного права в Республике Беларусь занимается широкая сеть правовых институтов, таких как адвокатура, юридические службы юридических лиц, государственные органы, лица, осуществляющие деятельность по оказанию юридических услуг на основании специальных разрешений (лицензий) [1], нотариусы, временные (антикризисные) управляющие, патентные поверенные, инвестиционные агенты, риэлтерские, аудиторские организации и др.

Вместе с тем, основными игроками на рынке юридических услуг традиционно выступают адвокаты, а также индивидуальные предприниматели (далее ИП) и юридические лица, имеющие соответствующую лицензию на право оказания юридических услуг. Несмотря, на первый взгляд, на некоторую схожесть, их деятельности все же имеются и существенные различия, что накладывает свой отпечаток в целом на рынок юридических услуг.

Анализ статистических данных о ИП, имеющих специальное разрешение (лицензию) на право осуществления деятельности по оказанию юридических услуг (по состоянию на 30.06.2017 г.) показал очень низкую долю (5%) данной категории юристов в г. Могилеве (32) и Могилевской области (11) от общего количества зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, занимающихся подобной деятельностью в Республики Беларусь (43 против 883).

Динамика происходящих изменений на рынке оказания юридических услуг ИП показывает всплеск активности в регистрации в период времени 2012–2017 гг.

Что касается юридических лиц, то в настоящее время в г. Могилеве и Могилевской области оказывают юридические услуги 3 юридических лица, среди которых 2 частных предприятия и 1 общество с ограниченной ответственностью. Среднее время нахождения на рынке юридических услуг в г. Могилеве – 2 – 7–8 лет, 1–2 года.

Всего в Республике Беларусь имеют соответствующую лицензию на оказание юридических услуг 238 юридических лиц. Доля лиц, оказывающих юридические услуги в г. Могилеве и Могилевской области составляет лишь 1,26% от общего числа юридических лиц, занимающихся подобным видом деятельности в Республики Беларусь. Подавляющее большинство юридических фирм осуществляют свою деятельность в г. Минске и Минской области [2].

Низкую долю индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, оказывающих юридические услуги можно объяснить следующими причинами:

1) переход юристов-хозяйственников в адвокатскую практику в связи с изменениями в законодательстве, запрещающими юристам осуществлять представительство в суде;

2) непривлекательность данной формы осуществления юридических услуг ввиду ограниченности круга вопросов (только юридические лица и индивидуальные предприниматели), разрешаемых юристами по сравнению с адвокатами, вследствие чего обслуживание небольшого количества клиентов и соответственно получение достаточно низкого дохода.

Иным правовым институтом, призванным профессионально предоставлять юридическую помощь является адвокатура. Адвокаты могут осуществлять свою деятельность в рамках юридических консультаций, индивидуально или объединяясь в адвокатские бюро.

Всего в Республике Беларусь индивидуально осуществляют свою деятельность 299 адвокатов. Доля адвокатов-индивидуалистов в г. Могилеве и Могилевской области составляет 4,01% от общего числа адвокатов-индивидуалистов Республики Беларусь. Кроме этого, в г. Могилеве и Могилевской области осуществляет свою деятельность лишь 1 адвокатское бюро (2 адвоката). Таким образом, доля адвокатских бюро Могилевщины составляет 1,3% от общего числа адвокатских бюро республики (74), подавляющее большинство которых зарегистрировано в г. Минске.

На территории Могилевской области в рамках юридических консультаций осуществляют свою деятельность 112 адвокатов, из них в г. Могилеве – 55 (51 общей специализации и 4 хозяйственной специализации), в Могилевской области – 58.

Таким образом, на 1 августа 2017 года в г. Могилеве оказывают юридические услуги 3 юридических лица, 1 адвокатское бюро, 3 юридических консультации, в общем количестве 99 человек, из них: 55 адвокатов в составе юридических консультаций; 2 адвоката в рамках адвокатского бюро; 10 адвокатов-индивидуалистов; 32 индивидуальных предпринимателя [3].

Численность населения г. Могилева на конец 2016 г. составили 379 718 человек, из них занятого в экономике – 171 656 человек. Таким образом, доля осуществляющих свою деятельность юристов среди занятого населения г. Могилева составляет 0,06%. На одного юриста приходится 1751 занятых в экономике человек.

Представленные статистические сведения не отражают степени потребности занятого в экономике населения в юридических услугах, поэтому цифра 1751 человек приводится условно. На спрос оказывают влияние большое количество факторов, таких как наличие информации в сети Интернет, наличие денежных средств на оплату услуг, возможность получения бесплатной консультации у знакомого юриста и т. п.

Основная реклама услуг индивидуальных предпринимателей, оказывающих юридические услуги, содержится на сайтах вакансий (tam.by, pravo.by и т. п.), среди 31 индивидуальных предпринимателя имеются сайты лишь у 4, у 1 имеется группа «ВКонтакте».

В целом, несмотря на возможность обнаружения в сети информации о юристах, носит она очень ограниченный характер, потому как у большинства нет перечня оказываемых услуг, указания на специализацию, цен, подробной информации об исполнителе и т. п. Имеются лишь контакты и адрес. Вместе с тем, основная специализация ИП-юристов заключается в оказании услуг в сфере хозяйственного права для сегмента B2B.

Среди 3 юридических лиц сайт, а также страница в «Вконтакте» имеется лишь у одного. Основная специализация юридических лиц – хозяйственное право для сегмента B2B.

Единственное в г. Могилеве адвокатское бюро собственного сайта и страницы в социальной сети не имеет. Среди 10 адвокатов-индивидуалистов сайт имеется лишь у одного. Лишь 5 адвокатов юридических консультаций имеют свой собственный сайт в сети Интернет.

Основная информация об адвокатах содержится на официальном сайте Республиканской коллегии адвокатов и Могилевской областной коллегии адвокатов. Местонахождение адвокатов известно широкому кругу населения г. Могилева – Юридическая консультация, расположенная по ул. Первомайской. Также встречаются указатели и вывески на фасадах домов и фонарных столбах.

Таким образом, продвижение юридических услуг остается на очень низком уровне. В среднем лишь 10-11% ИП и адвокатов г. Могилева используют возможности сети Интернет для продвижения своих услуг в отличие от г. Минска. Видится, что основным каналом поступления клиентов является «сарафанное радио» и общеизвестная информация о местонахождении юридических консультаций.

Список источников

1. О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования: Декрет Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Юридические услуги / Министерство юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.gov.by/ru/about-licensing/juridical-services/>. – Дата доступа: 31.07.2017.
3. Республиканская коллегия адвокатов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rka.by>. – Дата доступа: 31.07.2017.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОКУПКИ И ПРОДАЖИ БИЗНЕСА В БЕЛАРУСИ

Опарек Владислав Юрьевич, Коршукова Ольга Владимировна,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Сделки купли-продажи готового бизнеса для Беларуси не редкость. Однако правовая сфера в этом вопросе развита недостаточно. В статье представлены наиболее актуальные направления изменения законодательства в сфере купли-продажи готового бизнеса.

В Беларуси все большую популярность приобретает покупка готового бизнеса, но этот рынок находится на стадии своего развития. Однако готовый бизнес – это оптимальное решение для многих покупателей, т. к. он предполагает: наличие готовой идеи; наличие помещения и оборудования; слаженный коллектив; сформированные каналы сбыта и др.

Покупателями готового бизнеса выступают: физические лица, для которых приобретение готового бизнеса является началом предпринимательской деятельности. Это самая многочисленная группа, которая составляет 80% всех обращающихся к покупке бизнеса. Также физические и юридические лица желающие приобрести непрофильный бизнес. Характерно для предпринимателей имеющих стабильный основной бизнес. Их доля 12-14% от числа всех обратившихся. Кроме них, покупателями могут быть юридические лица, приобретающие готовый бизнес для поглощения с целью развития и укрупнения собственного бизнеса. Их доля на рынке составляет 6-8% [5].

Продать или купить бизнес с выгодой очень сложная задача. Бизнес необходимо правильно оценить, оформить сделку, учесть все требования законодательства. В тоже время правовая сфера купли-продажи готового бизнеса развита недостаточно. Поэтому крупные сделки в Беларуси совершаются по английскому праву и избирают иностранный арбитраж в качестве органа, рассматривающего споры.

Причинами сложившейся ситуации выступают:

– законы Республики Беларусь не стандартны и не соответствуют общепринятым в мире юридическим инструментам и практикам при заключении сделок купли-продажи бизнеса;

– *в нашей стране не предусмотрено соглашение о возмещении имущественных потерь.* На практике норма – распределение рисков между сторонами в случае потери, сопутствующих исполнению договора;

– в Республике Беларусь нет института возмещения имущественных потерь, т.е. возвращение ни в чем не повинной стороны в то положение, в котором она находилась, если бы не заключала договор;

– законодательство Республики Беларусь непонятно и не дает уверенности предпринимателям в защите их интересов;

– отсутствует в законодательстве нашей стороны инструмента эстопель, т.е. сделку противоречащую закону или иным правовым актам, нельзя признать недействительной, если стороны договора начали ее исполнение или уже исполнили [3, 4].

Таким образом, в Республике Беларусь, не смотря на возросшую популярность купли-продажи готового бизнеса в законодательстве нет четкого определения этого понятия. Так же существуют недостатки правовой сферы купли-продажи бизнеса, что приводит к тому, что около 80% сделок осуществляются по английскому праву. Российская федерация уже внесла в законодательство ряд наиболее распространенных институтов английского права. Мир вокруг нас изменяется с невиданной скоростью. Поэтому нужно действовать оперативно, следовательно, путь апробации и перенимания лучших мировых практик должен иметь право на жизнь.

Список источников

1. **Галич, В.** «Белорусские предприниматели – оптимисты в квадрате»: что стоит учесть, покупая готовый бизнес / В. Галич // Про бизнес [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://probusiness.io/markets/2862-belorusskie-predprinimateli-optimisty-v-kvadrate-chto-stoit-uchest-pokupaya-gotovyyu-biznes.html>. – Дата доступа: 29.09.2017.
2. **Галич, В.** Ликбез: что нужно знать по сделкам M&A / В. Галич // Про бизнес [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://probusiness.io/management/2802-likbez-chto-nuzhno-znat-po-sdelkam-m-a.html>. – Дата доступа: 30.09.2017.
3. **Лойко, О.** «Инвестор говорит: «Ребята, давайте структурироваться на Кипре...» Зачем Беларуси английское право / О. Лойко // Деньги и власть [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/524100.html>. – Дата доступа: 4.09.2017.
4. **Мурашко, Е.** 6 вещей английского права, которые могут прижиться в Беларуси. Или не прижиться / Е. Мурашко, А. Ермоленко // Про бизнес [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://probusiness.io/law/3612-6-veshchey-angliyskogo-prava-kotorye-mogut-prizhitsya-v-belarusi-ili-ne-prizhitsya.html>. – Дата доступа: 4.09.2017.
5. **Эбер, Ю.** Состояние рынка готового бизнеса в Республике Беларусь / Ю. Эбер // Ключевые решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krconsult.org/about/analytics/dajjest/stoimost/business>. – Дата доступа: 29.09.2017.

МОНИТОРИНГ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА КОНТРОЛЯ ЗА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Полякова Любовь Григорьевна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматривается одна из форм контроля предпринимательской деятельности – мониторинг. Анализ содержания данной формы государственного контроля проводится в контексте его эффективности при осуществлении контрольных мероприятий в отношении субъектов предпринимательства. Основным показателем эффективности системы мониторинга является превенция правонарушений.

На современном этапе важная роль в общественной и экономической жизни общества отводится предпринимательской деятельности. Являясь основой рыночной экономики, предпринимательская деятельность обеспечивает основные конкурентные ее преимущества: создает предпосылки инновационного развития экономики, генерируя основные нововведения; формирует соответствующую конкурентную среду; решает проблему занятости населения и другое. В соответствии с положениями Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» [1] (далее – Директива № 4) создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности является одним из основных стратегических факторов устойчивого социально-экономического развития республики.

Мировой опыт свидетельствуют, что для улучшения деловой среды и развития предпринимательства, необходимо стремиться к уменьшению административной нагрузки на субъектов хозяйствования, в том числе, и от контрольной деятельности государства. Необходим переход от контроля бизнеса и неограниченных полномочий контролирующих органов к системе профилактики нарушений обязательных требований. В целях построения эффективной модели взаимодействия контролирующих органов и субъектов предпринимательской деятельности п. 5 Директивы № 4 ориентирует белорусское законодательство на придание контрольной (надзорной) деятельности предупредительного характера, к переходу к преимущественному использованию профилактических мер, направленных на предотвращение правонарушений при осуществлении предпринимательской деятельности [1].

Принцип предупреждения совершения правонарушений является одним из основополагающих в сфере государственного контроля. Эффективной ре-

ализации принципов контроля в правоприменительной деятельности способствует наиболее полное раскрытие их содержания в тексте нормативного акта [2, с. 54].

В связи с этим Указом Президента Республики Беларусь от 26.07.2012 № 332 предусмотрена новая форма контроля – мониторинг, и в Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» введено Положение о порядке проведения мониторинга [3] (далее – Положение).

В соответствии с Положением мониторингом является форма контроля (надзора), заключающегося в наблюдении, анализе, оценке, установлении причинно-следственных связей, применяемая контролирующими (надзорными) органами в целях оперативной оценки фактического состояния объектов и условий деятельности субъекта мониторинга на предмет соответствия требованиям законодательства, выявления и предотвращения причин и условий, способствующих совершению нарушений, без использования полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органам и их должностным лицам для проведения проверок [3].

Анализ данного положения позволяет заключить, что мониторинг как форма контроля вобрал в себя такие методы контрольной деятельности, как наблюдение, анализ и оценка действий субъектов с точки зрения соответствия требованиям, установленным законодательством.

Следует отметить, что в основе этимологии термина «мониторинг» лежит латинское слово «*monitorius*» – предостерегающий, предупреждающий [4], а в переводе с английского языка «*monitoring*» означает – контроль, наблюдение, слежение [5, с. 264], «*monitory*» – предостерегающий [5, с. 411].

Рассматривая мониторинг в качестве метода познания, И.П. Фарман характеризует его как «перспективный метод познавательной практики и опытной науки, инструмент для решения конкретных жизненных задач и управления ситуацией, особенно в условиях современной модернизации» [6, с. 269].

При использовании термина «мониторинг» в рамках осуществления государственного контроля речь идет о сборе, обработке и оценке информации в различных сферах, в целях предотвращения разного рода негативных последствий. Очевидно, что в качестве основных характеристик мониторинга как формы контроля следует рассматривать его превентивную функцию – возможность на основе анализа и оперативной оценки фактического состояния субъекта хозяйствования и условий его деятельности на предмет соответствия требованиям законодательства, выявлять и предотвращать причины и условия, способствующие совершению правонарушений.

Отличительной чертой мониторинга, наряду с другими формами контроля, является его перманентный (постоянный, непрерывный) характер и преимущественное применение при текущем контроле в ходе совершения фи-

нансово-хозяйственных операций подконтрольными субъектами. При этом мониторинг предусматривает невмешательство в оперативную производственную деятельность проверяемых субъектов.

Следует также отметить и особенности правовых последствий для субъекта при выявлении нарушений в ходе мониторинга. В случае обнаружения нарушений законодательства (недостатков), не создающих угрозу национальной безопасности, причинения вреда жизни и здоровью населения, окружающей среде, субъект предпринимательской деятельности получает от контролирующего органа рекомендации по устранению выявленных нарушений (п. 6 Положения) [2]. К субъекту, добровольно и в срок устранившему нарушения (недостатки) и проинформировавшему об этом контролирующий орган, меры ответственности не применяются, за исключением повторного выявления нарушений, обнаруженных при проведении предыдущего мониторинга.

Рассматривая мониторинг как самостоятельную форму государственного контроля, следует обратить внимание на имеющиеся недостатки законодательства в части регламентации правового статуса лиц, осуществляющих государственный контроль. На отсутствие юридического разграничения полномочий контролирующих органов при проведении мониторинга и проведения проверки, неоднократно указывалось в правовой литературе [7, с. 56]. Так, в соответствии с нормами действующего законодательства при проведении мониторинга не требуется использование полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органам и их должностным лицам для проведения проверок (п. 2 Положения). Данное положение рассматривается как одна из отличительных черт, позволяющих разграничивать мониторинг и проверку. При этом п. 3 Положения о мониторинге и п. 4 Положения о проверках содержат правомочия должностных лиц контролирующих органов входить на территорию и иные помещения (объекты) проверяемого субъекта [2].

Данный пример можно отнести к категории юридических коллизий. Он демонстрирует необходимость установить четкий перечень полномочий проверяющих при проведении мониторинга, в противном случае их деятельность может идентифицироваться с проверочной, а в последствии и подменить ее.

При этом следует учесть такую особенность мониторинга как информационное взаимодействие контролирующего органа с подконтрольным субъектом в режиме реального времени. Учитывая запрет на использование полномочий, предоставленных контролирующим органам для проведения проверок, при проведении мониторинга, полагаем необходимым закрепить на законодательном уровне право контролирующих органов, осуществляющих мониторинг, на получение дополнительной информации, имеющей непосредственное отношение к деятельности субъекта, по запросу, которая является необходимой

для объективной оценки деятельности, и обязанность подконтрольных субъектов представлять такую информацию. Данная мера способна значительно повысить эффективность мониторинга, сохраняя при этом принцип невмешательства в деятельность субъекта мониторинга.

Проведенный анализ, позволяет заключить, что внедрение в практику контролирующих органов такой формы контроля, как мониторинг свидетельствует о смещении приоритетов от проверочной деятельности к наблюдению (мониторингу) за объектами контроля.

Преимуществом мониторинга по сравнению с проверкой, как основной формой контроля, является его постоянный длящийся характер, при этом отсутствует вмешательство в хозяйственную деятельность субъекта, быстрота и гибкость правового реагирования, что позволяет достигнуть наиболее полного охвата объектов контроля во времени и, соответственно, наилучшего результата.

В этой связи представляется, что мониторинг позволяет достаточно эффективно решать задачи, стоящие перед государственным контролем, в сфере предпринимательской деятельности.

Список источников

1. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. **Полякова, Л. Г.** Нормативное закрепление принципов государственного контроля / Л. Г. Полякова // Проблемы правового регулирования общественных отношений: теория, законодательство, практика: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф., Брест, 21 ноября 2014 г./ Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Е. А. Короткевич, О. В. Чмыга. – Брест : БрГУ, 2015. – С. 53–56.
3. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.02.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Латинско-русский словарь. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-latin/dictionary-latin-russian2-term-4672.htm>. – Дата доступа: 29.09.2017.
5. **Мюллер, В. К.** Большой современный англо-русский, русско-английский словарь: около 450 000 слов, словосочетаний и идиоматических выражений. – М. : Цитадель-трейд Аделант, 2012. – 1055с.
6. **Фарман, И. П.** Мониторинг как метод исследования и представления знания / И. П. Фарман // Философия науки. Эпистемологический анализ коммуникации. – 2012. – Вып. 17. – С. 256–269.
7. **Пилипенко, А. А.** Как отличить мониторинг от проверки? / А. А. Пилипенко // Промышленно-торговое право. – 2016. – № 5. – С. 55–57.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Пагирская Екатерина Вячеславовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В данной статье рассматривается понятие предпринимательства и основные источники правовой информации о предпринимательской деятельности в Республике Беларусь, а также правовой статус индивидуального предпринимателя в Беларуси.

В современном мире развитие предпринимательства является залогом экономического роста страны на национальном и мировом уровне. Предпринимательская деятельность – это инновационный процесс, поэтому одними из приоритетных целей предпринимателя является поиск и реализация нововведений, повышение конкурентоспособности товаров. Предпринимательство основано на непрерывном поиске изменений в потребностях потребителей, удовлетворения их потребностей путем организации современного производства, внедрения инноваций, приносящих максимум производительности и прибыли. Именно поэтому развитию предпринимательства должно уделяться большое внимание со стороны государства.

Основными источниками правового регулирования в Республике Беларусь являются: Гражданский кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь 28 мая 1991 г. № 813-ХІІ «О предпринимательстве в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь «О поддержке малого и среднего предпринимательства» от 1 июля 2010 г., Декрет Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращения деятельности) субъектов хозяйствования», Указ Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», Указ Президента Республики Беларусь от 16.05.2005 г. № 225 «О некоторых вопросах осуществления физическими лицами ремесленной деятельности», Указ Президента Республики Беларусь от 18 июня 2005 г. № 285 «О некоторых мерах по регулированию предпринимательской деятельности».

Гражданский кодекс Республики Беларусь содержит нормы, регулирующие предпринимательскую деятельность в Республике Беларусь, а также в ст. 1 дает нам само понятие. Предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение

прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления [1].

Общие положения предпринимательской деятельности, правовые, экономические основы, порядок регистрации и прекращения деятельности, права и обязанности субъектов предпринимательства, а также меры государственной защиты и регулирование предпринимательства в Республике Беларусь отражает Закон Республики Беларусь 28 мая 1991 г. № 813-ХІІ «О предпринимательстве в Республике Беларусь». Он является, на мой взгляд, основным источником информации о предпринимательской деятельности в Республике Беларусь.

Еще одним документом, регулирующим предпринимательскую деятельность в Республике Беларусь является Директива Президента Республики Беларусь № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь». Директива дает понять, что бизнес – одно из важнейших направлений экономической политики государства. Документ направлен на устранение барьеров, с которыми сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности. Основными задачами государственных органов в сфере предпринимательской деятельности исходя из Директивы № 4 являются: обеспечить развитие добросовестной конкуренции субъектов предпринимательской деятельности независимо от формы собственности, создавать условия для беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности, ликвидировать излишние административные барьеры при взаимодействии между государственными органами и юридическими лицами, гражданами, завершить гармонизацию налоговой системы Беларуси с действующими в европейских странах, усовершенствовать инфраструктуру и систему финансирования малого предпринимательства в целях активизации предпринимательской деятельности и обеспечения эффективной поддержки предпринимательства (правовой, организационной и финансовой), исключить излишнее регулирование рынка труда, сформировать правовую базу, стимулирующую развитие в Беларуси механизмов государственно-частного партнерства и обеспечить однозначное правовое регулирование и стабильность законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность [2].

В Республике Беларусь предпринимательская деятельность осуществляется в двух формах: индивидуальные предприниматели и юридические лица. Статус предпринимателя приобретает посредством государственной регистрации в порядке, установленном Законом и другим законодательством Республики Беларусь [3, с. 112]. Физические лица, желающие заниматься хозяйственной деятельностью без образования юридического лица – индивидуальные предпри-

ниматели. К особенностям правового статуса индивидуального предпринимателя можно отнести то, что: этот статус приобретает с момента государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, к деятельности этих граждан применяются правила Гражданского кодекса РБ, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, имущественные споры индивидуальными предпринимателями или между ними и юридическими лицами разрешает экономический суд, если они связаны с предпринимательской деятельностью, индивидуальный предприниматель, который не в состоянии удовлетворить требования кредиторов может быть признан по решению суда несостоятельным (банкротом), требования кредиторов, в случае признания индивидуального предпринимателя банкротом, удовлетворяются за счет принадлежащего ему имущества, за исключением того имущества, на которое не может быть обращено взыскание [1].

В Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г. № 149 «О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 годы» указаны цели и задачи развития предпринимательства в Республике Беларусь, к ним относятся: улучшение деловой среды, содействие развитию субъектов малого и среднего предпринимательства, совершенствование инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, формирование позитивного отношения к предпринимательской инициативе граждан [4].

Таким образом, делаем вывод о том, что развитие предпринимательской деятельности и экономики в целом должно быть одним из приоритетных направлений развития государства, т.к. именно экономика определяет динамику, основные условия, уровень жизни общества и каждого его гражданина в отдельности. Основная задача государства в сфере предпринимательства – создать качественную систему, обеспечивающую функционирование и развитие предпринимательской среды, а также способствующую активизации предпринимательской инициативы.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 декабря 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. от 09.01.2017 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: директива президента Республики Беларусь, 31 декабря 2010 г., № 4 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Гражданское право : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 750 с.

4. О Государственной программе «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь» на 2016–2020 годы: постановление Совета министров Республики Беларусь, 23 февраля 2016 г., № 149 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
5. **Довыденко, И. И.** Содержание и роль антикризисной диагностики в системе антикризисного управления / Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2015. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 270.

УДК: 347.763:656.2.073 (476)

ПРАВО НА ЗАЩИТУ В ДЕЛАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРОВ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Сигаева Татьяна Адамовна,

Белорусский государственный экономический университет
(г. Минск, Беларусь)

Рассматриваются основные вопросы защиты прав в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом. Определяются предмет и формы защиты; выявляются принципы, критерий и особенности формирования выбора способов защиты; устанавливаются меры и средства защиты.

Защитой является деятельность уполномоченных лиц и органов по реализации субъективных прав и охраняемых законом интересов в случаях их нарушения или оспаривания [1, с. 91]. В качестве предмета защиты могут выступать права и охраняемые законом интересы.

В делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, предметом защиты являются права. Интересы здесь защищаются лишь постольку, поскольку ими опосредствуются. Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с нарушением или оспариванием прав или охраняемых законом интересов, выражается, в первую очередь, в декларировании права на защиту. Право на защиту реализуется посредством форм, способов и средств защиты.

Права, возникающие из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, могут защищаться в судебном порядке, а также в форме самозащиты. Разновидностью самозащиты является претензионный порядок урегулирования споров, обязательность соблюдения которого может вытекать из законодательства или договора. Исходя из ст. 751 Гражданского кодекса Республики Беларусь [2] (далее – ГК), пп. 136–143 Устава железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь 2 августа 1999 г. № 1196 [3] (далее – УЖТ), дела,

возникающие из перевозок грузов, предварительно (до суда) должны рассматриваться в претензионном порядке урегулирования споров.

Административная форма не характерна для защиты прав, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом. Это обусловлено тем обстоятельством, что, исходя из п. 3 ст. 10 ГК, защита гражданских прав в данном порядке может осуществляться лишь в случаях, специально предусмотренных законодательством.

Право на защиту конкретизируется в законодательстве посредством регламентации прав на осуществление способов защиты. Сущность договора обуславливает, по общему правилу, свободу выбора способов защиты. Это соответствует принципам диспозитивности договора и эффективности защиты. Выбор формируется по общему критерию соответствия способа защиты природе нарушенного права, характеру и степени нарушения. При защите прав, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, свобода выбора способов защиты минимальна. В основном учитывается критерий. Он вызывает необходимость в использовании компенсационных способов защиты. За редким исключением, они являются мерами ответственности. Их осуществление допустимо на основании и в пределах, регламентированных законодательством, а также соглашением сторон, если возможность их заключения предусмотрена законодательством. Когда нормативными правовыми актами не установлены меры ответственности и возможность заключения соглашений, для защиты используются любые иные способы, не являющиеся мерами ответственности.

В случае нарушения прав на доставку и выдачу груза критерий обуславливает использование способа защиты в виде присуждения к исполнению обязанности в натуре. Такие правовые конфликты не актуальны ввиду отсутствия интереса перевозчика, а в судебной форме – интереса отправителя. Для первого они влекут неблагоприятные экономические, технические и технологические последствия, для второго не имеет смысла их разрешение по прошествии нескольких месяцев после обращения в суд.

За просрочку доставки груза п. 118 УЖТ предусмотрено взыскание исключительной неустойки. В связи с ее незначительными размерами и нежеланием грузовладельцев портить отношения с перевозчиком этот способ защиты применяется редко. За необеспечение сохранности перевозимого груза п. 116 УЖТ предусмотрено возмещение убытков в виде реального ущерба. Кроме него п. 3 ст. 750 ГК предусмотрен дополнительный способ защиты в виде возврата провозной платы, взысканной за перевозку утраченного, недостающего, испорченного или поврежденного груза, в тех случаях, когда она не входит в стоимость груза.

Для защиты нарушенного права на оплату перевозки критерий требует применения способа в виде присуждения к исполнению обязанности в натуре и (или) взимания процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 366 ГК). Исходя из принципа эффективности защиты, оптимальным ва-

риантом является сочетание двух действий. Но участники договора свободны в их выборе, они вправе использовать как один из способов, так и их вместе. Споры, возникшие вследствие неоплаты, не распространены, так как внесение платежей осуществляется, как правило, в предварительной форме и обеспечивается оперативным способом защиты перевозчика прекратить прием груза.

Рассмотренные выше способы защиты могут использоваться в случае нарушения соответствующих прав, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, в судебном и претензионном порядке.

Для достижения и реализации действий, направленных на защиту права, законодательство предусматривает определенные средства защиты. Традиционно к ним относятся иск, жалоба и заявление. Поскольку дела, возникающие из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом, в сущности являются спорами о праве гражданском, то средствами их защиты являются: в претензионной форме заявление (претензия), в судебной – иск.

Список источников

1. **Осипов, Ю. К.** Подведомственность юридических дел / Ю. К. Осипов. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. – 124 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
3. Устав железнодорожного транспорта общего пользования [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 авг. 1999 г., № 1196 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 10.07.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 005.8

ПРОЦЕССНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ БИЗНЕС-ПРОЕКТАМИ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННЫХ СТАНДАРТОВ

Семенов Владимир Иванович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Управление проектами становится обязательной составляющей деятельности современных предприятий. Внедрение современных стандартов в сфере управления проектами особенно актуально, поскольку их применение обеспечивает построение

эффективных внутрикорпоративных стандартов управления на основе процессно ориентированного подхода.

В условиях постоянно растущей конкуренции все большее количество предприятий экономически развитых стран предпочитает процессно ориентированный подход к управлению привычному и хорошо изученному функционально-ориентированному подходу.

Суть функционального подхода заключается в управлении наборами функций. Весь набор активностей организации разбивается на наборы функций (однородных и специализированных), которые сосредотачиваются в отдельных подразделениях. Подразделения выстраиваются в иерархические структуры. Управление такой структурой и сводится фактически к управлению функциями. Этот подход довольно прост, понятен сотрудникам организаций, легко усваивается и тиражируется по горизонтали и вертикали путем наращивания иерархий. Но этот подход эффективен в условиях постоянно увеличивающегося спроса, ускоряющего рост компаний, при наличии гарантированных рынков сбыта.

Переход на процессное управление означает переход на управление деятельностью предприятия в отличие от управления структурами, характерного для функционального подхода, что приводит к гибкой и быстрой реакции компании на постоянно изменяющиеся внешние воздействия рынка и, соответственно, к радикальному повышению эффективности деятельности предприятий, снижению стоимости продукции при одновременном повышении ее качества и обеспечения.

Процессно ориентированный подход признан наиболее эффективным по отношению к управлению проектами и является основой большинства стандартов в сфере проектного менеджмента, в частности, стандартов, разрабатываемых американским институтом PMI, Международной ассоциацией управления проектами IPMA, а также международной организацией по стандартизации ISO.

Благодаря постоянному и системному обновлению и расширению комплекса международных и национальных стандартов, аккумулирующих лучшие мировые практики в управлении проектами, на сегодняшний день проектные менеджмент является одной из самых хорошо структурированных и стандартизированных областей менеджмента.

В сентябре 2017 г. институт управления проектами (PMI) выпустил шестое издание Руководства к Своду знаний по управлению проектом (PMBoK Guide), которое содержит значительные дополнения по сравнению с предыдущими версиями.

Разработчики рекомендуют использовать PMBoK для создания собственной методологии управления проектами в организации. Методология может

быть создана внутренними экспертами организации или с помощью внешних профессиональных консультантов. Отдельное внимание в Руководстве уделяется адаптации стандарта к реальным условиям. Начальным уровнем адаптации является встраивание процессов и инструментов, описанных в РМВоК, под конкретную организацию, т. е. внедрение и отладка процессно ориентированного подхода.

Под процессом понимается набор взаимосвязанных действий и операций, выполняемых для создания заранее определенного продукта, услуги или результата.

Характеристиками каждого процесса являются 3 элемента (рисунок):

Входы: входные данные, которые необходимы для старта процесса (документы проекта, факторы внешней среды предприятия, активы организационного процесса, а также необходимые выходы предыдущего процесса и т. д.).

Выходы: последствия или результат процесса (документы проекта, запрошенные изменения, рекомендованные корректирующие и предупреждающие действия и т. д.). Каждый процесс состоит, по крайней мере, из одной выходной единицы; в противном случае, нет никакого смысла в выполнении процесса.

Инструменты и методы, которые применяются для эффективного выполнения процесса, т. е. то, что преобразовывает вход в выход: сотрудники, программное обеспечение, методология менеджмента и т. д.

Три элемента процесса

Стандарт РМВоК содержит 47 процессов управления проектом. Российский стандарт ГОСТ Р ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту» описывает 39 процессов.

Процессы проектного менеджмента классифицируются в двух направлениях:

1) все процессы разделяются на пять категорий, известных как группы процессов управления проектом (или управленческие группы процессов): инициирование, исполнение, планирование, контроль, завершение;

2) в свою очередь группы процессов управления разбиваются на 10 отдельных областей знаний, представляющих собой самостоятельный предмет управления: интеграция проекта, содержание, сроки, стоимость, качество, человеческие ресурсы, коммуникации, риски, закупки, заинтересованные стороны.

Проектный менеджмент требует высокой согласованности и, следовательно, для обеспечения успеха проекта необходимо, чтобы для каждого из используемых процессов были обеспечены взаимосвязи с другими процессами.

Описанные в стандартах процессы не должны применяться без изменений ко всем проектам или фазам жизненного цикла проекта. Руководитель должен корректировать состав процессов управления конкретным проектом или фазой, отбирая подходящие процессы и условия их реализации.

Для успешной реализации проекта необходимо:

– выбрать те процессы, которые необходимы для достижения целей проекта;

– обеспечить формирование и изменение требований к продукту проекта;

– учесть требования заинтересованных лиц;

– определить границы содержания проекта и управлять им в пределах, определяемых ограничениями, для получения результатов проекта, учитывая риски проекта и потребности в ресурсах;

– обеспечивать исполнение обязательств всеми участниками проекта.

В Республике Беларусь в настоящее время нет национальных стандартов по проектному менеджменту. Учитывая международный, глобальный характер развития стандартизации, разработка собственных оригинальных стандартов вряд ли целесообразна. Поэтому наиболее оптимальным решением является внедрение международных стандартов на предприятиях республики на основе их признания на национальном уровне, а также обеспечения учреждениями образования подготовки специалистов в области проектного менеджмента.

УДК 331.2 (476)

ВЛИЯНИЕ КАНАЛОВ ТРУДОУСТРОЙСТВА НА УРОВЕНЬ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Чегерова Татьяна Ивановна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Представлены результаты оценки уровня заработной платы в зависимости каналов трудоустройства рынке труда в Республике Беларусь. Дано обоснование приме-

нения эконометрической модели с фиктивными переменными для моделирования заработной платы в зависимости как количественных, так и качественных показателей.

Уровень заработной платы работника в организации зависит от влияния многообразных факторов, как внутренних, так и внешних, которые зачастую сложно учесть. Традиционно к внутренним относят: масштабы деятельности и уровень доходности организации; уровень производительности труда, профессионально-квалификационный уровень работников; системы оплаты труда, применяемые в организации; качество труда и личный трудовой вклад работника в конечный результат. К внешним факторам, оказывающим влияние на размер заработной платы, относятся: уровень жизни в регионе; стоимость рабочей силы, сложившаяся на рынке труда; конкурентные отношения на рынке труда экономическое состояние отрасли и т. д.

В данной работе представлены результаты исследования каналов трудоустройства в Республике Беларусь по данным анкетного опроса работающего населения г. Могилева по аналогии работ российских ученых [1, 2] с использованием образца опросников «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ». Была проведена оценка уровня заработной платы по уравнению минцеровского типа, которую работники получали согласно выбранному каналу трудоустройства.

Выборочная совокупность составила 247 человек, выделенных по критерию трудоустроенности. Полученная выборка позволила оценить распространенность использования каналов трудоустройства в зависимости от характеристики работников и рабочих мест, а также оценить, насколько различны уровни заработной платы работников, которые использовали разные каналы трудоустройства, и по своей сути являются параметрами эффективности (результативности) использования каналов и сетей при трудоустройстве.

Для моделирования уровня заработной платы целесообразным является применение регрессионных моделей с фиктивными переменными [3]. Такие модели могут содержать одновременно как количественные, так и качественные переменные (модели ковариационного анализа-ANCOVA), либо только качественные переменные (модели дисперсионного анализа-ANOVA). Чаще всего применяются бинарные фиктивные переменные (D), принимающие два значения, 0 и 1, в зависимости от определенного условия. Простейшая ANCOVA-модель с одной количественной и одной качественной переменной, имеющей два альтернативных состояния:

$$Y = b_0 + b_1X + \gamma D.$$

Это могут быть, например Y – заработная плата сотрудника фирмы, X – стаж, D – пол сотрудника.

Набор переменных в данном исследовании состоял из следующих факторов: возраст работника, пол, уровень образования, стаж работы в организации (категории: до 1 года; 1–5 лет; 5–10 лет; 10–15 лет; 15 лет и выше), занимаемая должность, каналы трудоустройства в организацию (категории: «без использования социальных сетей»; «помощь родственникам и знакомых» (сильные сети); «приглашение руководства предприятия» (слабые сети). Группировка каналов трудоустройства проведена по аналогии с исследованием на российском рынке труда [2]. Все переменные носили качественный характер, поэтому была использована модель дисперсионного анализа-ANOVA.

В результате проведенного анализа было получено статистически значимое уравнение ($R^2 = 0,217$, $p < 0,05$), включающее в себя все вышеперечисленные факторы. Полученное уравнение позволяет сделать следующие выводы. Такие факторы, как возраст работника, уровень образования, стаж работы, занимаемая должность не имеют статистически значимого влияния на уровень заработной платы ($p > 0,05$). Переменная «пол» оказалась статистически значимой. У мужчин уровень заработной платы выше в среднем на $\exp(0,2157)$ раз или на 24,0% ($p < 0,1$) по сравнению с женщинами. Каналы трудоустройства также оказывают определенное влияние на уровень заработной платы белорусских работников, сильные социальные сети оказывают положительное влияние на заработки. При прочих равных условиях, трудоустройство с их помощью увеличивает заработную плату работников в среднем в $\exp(0,197)$ раз или на 21,0% ($p < 0,1$) по сравнению с референтной группой. Трудоустройство по приглашению работодателя (слабые социальные сети) оказывает отрицательное влияние на заработки в среднем в $\exp(-0,270)$ раз или на 34,1% ($p < 0,01$) по сравнению с референтной группой.

Таким образом, на рынке труда Беларуси влияние сильных социальных сетей (знакомства, родственные связи) на уровень заработной платы является статистически значимым. Приглашение на работу администрацией (работодателем) не является важной детерминантной, определяющей прирост заработка работника и его положение в организации, что также характеризует патриархальность белорусского рынка труда. [4, 5]

Список источников

1. **Рощин, С. Ю., Маркова, К. В.** Выбор каналов поиска работы на российском рынке труда. – М. : EERC, 2004. – 66 с.
2. **Стукен, Т. Ю.** Эффективность использования социальных сетей при трудоустройстве // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2008. – № 3. – С. 70–75
3. **Чегерова, Т. И.** Эконометрические модели в обеспечении кадровой безопасности организации // Материалы международной научно-практической интернет-конференции: «Современные детерминанты развития бизнес-процессов в Украине». 24 мая 2017 г., Киев, 2017. – С. 203–207.

4. **Маковская, Н. В., Чегерова, Т. И.** Механизм формирования внутрифирменной оплаты труда в условиях экономического кризиса: сравнительный анализ предприятий Беларуси и России. // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова.* – № 2(42). – 2013. – С. 5–24.
5. **Маковская, Н. В.** Особенности функционирования каналов трудоустройства на рынке труда в Беларуси // *Вест. Ом. ун-та. Сер. Экономика.* – 2016. – № 3. – С. 194–200.

УДК [331.45:63] : 31

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДСТВА

Лихачев Николай Егорович, Лихачева Светлана Николаевна,
Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Анализируются результаты социологического исследования объективных и субъективных факторов соблюдения техники безопасности в условиях сельскохозяйственного производства.

Одной из ключевых проблем современного производства выступает травматизм людей при исполнении ими трудовых функций. Это негативное явление стало объектом междисциплинарных научных изысканий, но наиболее плодотворным оказался социологический метод, позволяющий реализовывать комплексный подход к исследованию травматизма как технолого-экономического, так и социального явления. В современных условиях рыночной экономики и научно-технического прогресса человеческий фактор играет особо значимую роль. Он представляет собой совокупность основных социальных характеристик людей, их нравственных принципов и установок. Именно от человека, занятого производственным процессом, зависит качественная работа машин и механизмов, а также его собственная безопасность и здоровье.

Если основывать на данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, то выясняется, что имеет место быть позитивная динамика в обеспечении безопасности труда, число случаев производственного травматизма идет на убыль. В 1990 г. количество потерпевших при несчастных случаях на производстве составило 21624 чел., в 2000 г. – 8218 чел., в 2014 г. – 1833 чел., в 2016 г. – 1476 чел. Прогресс очевиден, однако, следует сделать некоторое уточнение. В последние годы произошло сокращение численности работающих. Так, например, в агросфере в 2000 г. было занято 674,0 тыс. чел., а в 2016 г. – 425,1 тыс. чел. [1].

Возможность получения производственной травмы присутствует во многих сферах хозяйственно-экономической деятельности, но наибольшая вероятность наличествует в сельском хозяйстве. Объяснить это можно как спецификой, так и условиями производства. Первое, происходит насыщение этой отрасли сложной и высокопроизводительной техникой. Второе, трудовая деятельность в агросфере рассредоточена территориально и в значительной степени ее качество и безопасность зависит от индивидуального отношения работника. Третье, осуществление контрольных функций за трудовым поведением людей затруднено в силу их обособленности и необходимости использования разных видов работ. Обозначенные особенности накладывают свой отпечаток на характер и содержание трудовой деятельности, создают условия для высокого риска травматизма.

Как и в других отраслях экономической деятельности на состояние безопасности труда в этих сферах также влияет качество и надежность технологии производства, состояние оборудования, профессионализм исполнителей. Но особо следует подчеркнуть значение субъективных факторов, к которым необходимо отнести мотивационные установки работника, его нравственные устои, атмосферу доброжелательности и здоровой требовательности между партнерами, качество управленческой деятельности. В агросфере очень многое зависит от дисциплинированности и личной ответственности работника и по другим обстоятельствам. Трудовые функции выполняются на открытом пространстве, не всегда они могут быть регламентированы по времени, почти не поддаются автоматизации, зависят от природно-климатических условий. К тому же следует признать, что сельские труженики в большей степени склонны к употреблению спиртного, что также является одной из потенциальных причин производственного травматизма.

Непосредственно в ходе трудового процесса уровень производственного травматизма зависит от: а) обеспеченности средствами защиты, спецодеждой, соответствующих условий для безопасного исполнения работ; б) отношения промышленно-производственного персонала к соблюдению требований безопасности труда; в) организации ведомственного и общественного контроля за соблюдением правил техники, безопасности при выполнении производственных заданий. Исходя из изложенных подходов, перейдем к анализу мнения респондентов по поводу состояния техники безопасности и начнем с проблемы о наличии риска получения травм и профзаболеваний в агросекторе.

Если суммировать высокий и средний уровни травматизма и профессиональных заболеваний по итогам опроса, то выясняется достаточно высокий процент респондентов, обеспокоенных этим фактором. В сельхозпредприятиях на присутствие риска травматизма указали 48,8%, а профзаболеваний – 47,6%. Можно констатировать, что труд агрария сопряжен с достаточно высокой возможностью получения травмы или профессионального заболевания.

Около трети участников опроса подтверждают наличие травматизма в трудовых коллективах при нахождении работников в нетрезвом виде. Таким образом,

пьянство во время исполнения трудовых функций остается одним из основных источников профессионального травматизма на предприятиях сельского хозяйства.

Вопросы охраны труда на производстве затрагивают разнообразные аспекты, а система мер состоит из множества составляющих. Принимая во внимание общественное мнение, можно оценить насколько те или иные направления более эффективны в отношении соблюдения норм трудового законодательства и обеспечения мер по охране здоровья и жизни работников. В ходе социосследования была предпринята попытка выяснить, как респонденты оценивают положение дел с системой охраны труда в своих коллективах.

В данном вопросе мнения участников исследования разделились почти поровну по поводу эффективной или не совсем эффективной системы мер. Но не может не тревожить тот факт, что каждый десятый респондент негативно оценивает состояние этой системы. Нарушение норм охраны труда – явление, которое нередко встречается в этой отрасли хозяйственной деятельности. В ходе соцопроса мы попросили работников агросектора указать, насколько часто они сталкиваются с нарушением их прав в области охраны труда. Так выяснилось, что 24,6% исполнителей в ходе трудовой деятельности не сталкиваются с такими фактами, но 17,4% отметили довольно частое нарушение своих прав при обеспечении безопасности труда, а 43,0% эпизодически сталкиваются с аналогичными обстоятельствами.

Значимой составляющей частью охраны труда на любом производстве является своевременная и полная информирование об условиях безопасного исполнения работ. В настоящее время имеются разнообразные формы информационного воздействия на исполнителя и, как показывает социоследование, в организациях этому аспекту уделяется большое внимание. Подавляющее большинство респондентов получает необходимую информацию в части охраны труда (81,3%) при трудоустройстве. Непосредственно в ходе исполнения трудовой деятельности информируются 54,9%; в ходе семинаров, собраний и планерок 19,4%. Можно констатировать, что информационная работа о безопасном ведении работ в аграрных организациях находится на должном уровне. Но следует отметить, что система охраны труда не свободна от формализма. Так, например, выяснилось, что 24,4% респондентов расписались в журналах, но самого инструктажа с ними не проводилось. Поэтому даже полный порядок в документации еще не есть гарантия добросовестного исполнения должностных обязанностей.

Список источников

1. Численность занятого населения Республики Беларусь по видам экономической деятельности / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/indicators/population.php>. – Дата доступа: 17.10.2017 г.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

УДК 342.731

РЕЛИГИЯ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОВ О СВОБОДЕ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ

Старостенко Виктор Владимирович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Рассматривается закрепление в важнейших документах международного права свободы совести – прав и свобод человека применительно к области религиозно-конфессиональной жизни.

Среди основополагающих достижений цивилизационного развития, характеристик духовности общества, культурной и правовой зрелости личности и социума особое место занимает свобода совести. Она может быть определена как право человека самостоятельно определять свое отношение к религии – быть последователем какой-либо религии либо отвергать религиозную веру (исповедовать любую религию или не исповедовать никакой), вести религиозный либо безрелигиозный образ жизни, а также выражать и распространять соответствующие убеждения. При этом свобода совести выступает как симбиоз индивидуального и коллективного права. Индивидуальное право на свободу совести приобретает коллективный (общественный) характер, поскольку может осуществляться совместно с другими гражданами, объединенными в соответствующие организации. Идеология свободы совести получила отражение как в мировой, так и отечественной правовой и общественно-философской мысли [1; 2; 3; 4].

Свобода совести с середины XX в. закрепляется в важнейших документах международного права. Особое место среди них занимает *Международный билль о правах человека*, в состав которого входят: Всеобщая декларация прав человека (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966) и Международный пакт о гражданских и политических правах (1966). В этих и других актах о правах человека концепт свободы совести может входить в состав интегрированных понятий: «свобода мысли,

совести и религии» (Всеобщая декларация прав человека), «свобода совести и религии» (Американская конвенция о правах человека), «свобода мысли, совести и вероисповедания» (Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека) и т. п.

Положение, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии», было введено в международное гуманитарное право статьей 18 *Всеобщей декларации прав человека*. Определено, что это право включает «свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов» [5, с. 3]. При этом допускаются только такие ограничения, какие «установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» (статья 29) [5, с. 5].

16 декабря 1966 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН был принят *Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах*. Статья 2 Пакта заявляет о гарантиях участвующих в нем государств осуществлять провозглашенные в нем права без какой бы то ни было дискриминации, в том числе в отношении религии, политических или иных убеждений и обстоятельств [5, с. 6, 9]. Согласно более пространному *Международному пакту о гражданских и политических правах*, принятому резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г., право на свободу мысли, совести и религии включает «свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении». При этом «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору». Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, «установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (статья 18). Также Пакт предусматривает равенство всех людей перед законом и отсутствие дискриминации в правах по признаку религии (статья 26), право религиозных меньшинств «пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды...» (статья 27) [5, с. 18–20].

Развернутые комментарии к основополагающей статье 18 Пакта о гражданских и политических правах были даны в 1993 г. в специальных Замечаниях общего порядка Комитета ООН по правам человека. В них, в частности, отмечается, что «право на свободу мысли, совести и религии (включая свободу убеждений)... охватывает свободу мысли по всем вопросам, а также воззрения

человека и приверженность религии или убеждениям». Обращено внимание на то, что «свобода мысли и свобода совести защищаются в такой же степени, как и свобода религии и убеждений», что статья 18 «защищает теистические, нетеистические и атеистические убеждения, а также право не исповедовать никакой религии или убеждений». Указывается, что «свобода «иметь или принимать» религию или убеждения обязательно предполагает свободу выбирать религию или убеждения, включая право менять свою религию или убеждения или придерживаться атеистических воззрений, а также право продолжать исповедовать свою религию или убеждения» [1, Приложения, с. 668–669].

Ряд международно-правовых документов специально посвящен правам ребенка, среди них – *Конвенция о правах ребенка*, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. Статья 2 Конвенции гарантирует права ребенка без какой-либо дискриминации, независимо от религии. Статья 14 провозглашает, что «государства-участники уважают право ребенка на свободу мысли, совести и религии» (часть 1), а «свобода исповедовать свою религию или веру может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения или защиты основных прав и свобод других лиц». Статья 30 определяет, что в тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды [5, с. 138, 140, 145].

Из других деклараций Генеральной Ассамблеи ООН может быть особо выделена провозглашенная в резолюции от 25 ноября 1981 г. *Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений*. Под нетерпимостью и дискриминацией в данной области документ понимает «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод» (статья 2.2). В Декларации утверждается право каждого человека «на свободу мысли, совести и религии», трактуемое как «свободу иметь религию или убеждения любого рода по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и выражать убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений». Заявляется, что «никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему ему свободу иметь религию или убеждения по своему выбору», что «свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной без-

опасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц» (статья 1). Объявлено, что «никто не должен подвергаться дискриминации на основе религии или убеждений со стороны любого государства, учреждения, группы лиц или отдельных лиц» (статья 2.1), и все государства обязаны принимать «эффективные меры» по недопущению подобной практики (статья 4).

Особое внимание данная Декларация уделяет правам ребенка (статья 5). Так, нравственное воспитание детей определяют родители или опекуны «в соответствии со своей религией или убеждениями» (статья 5.1), при этом соответствующее воспитание «не должно наносить ущерб ни его физическому или умственному здоровью, ни его полному развитию» (статья 5.5). В соответствии с желаниями родителей ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений, и не побуждается к обучению в данных областях вопреки желаниям его родителей (статья 5.2). Ребенок должен воспитываться «в духе понимания, терпимости, дружбы между народами... уважения к свободе религии или убеждений других людей» (статья 5.3) [5, с. 105–107].

Право на свободу совести находит отражение в национальном законодательстве стран современного мира. Республика Беларусь (ранее – БССР) ратифицировала важнейшие международные договора по правам человека и, соответственно, взяла на себя обязательства соблюдать нормы о «свободе мысли, совести и религии». Так, Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах были ратифицированы 12 ноября 1973 г., Конвенция о правах ребенка – 1 октября 1990 г. [5, с. 1133]. На основе норм международного права в 1990-х гг. разрабатывается белорусское национальное законодательство о свободе совести и религиозных организациях.

Список источников

1. Свобода религии и убеждений: основные принципы (философия, законодательство, защита свободы совести) / под ред. Т. Линдхольма, К. Дурэма и Б. Тахзиб-Ли. – М. : Институт религии и права, 2010. – 744 с.
2. 750 определений религии: история символизаций и интерпретаций: монография / под ред. Е. И. Аринина. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. – 460 с.
3. **Старостенко, В. В.** Власть и религия: светское государство и обеспечение свободы совести в Республике Беларусь / В. В. Старостенко // Христианство в Беларуси: история и современность : сб. научн. ст. / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2014. – С. 11–17.
4. **Дьяченко, О. В.** Свобода совести и неокульты / О. В. Дьяченко // Неокульты: «новые религии» века? / Е. С. Прокошина [и др.]. – 3-е изд., доп. – Минск : Четыре четверти, 2000. – С. 135–147.
5. Права человека : сборник международно-правовых документов. – Минск : Белфранс, 1999. – 1146 с.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Свиб Анжелика Феликсовна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Религиозное равенство исторически являлось одной из важнейших проблем на территории Беларуси в силу геополитических причин. Проблема решалась неординарно с правовой точки зрения. Особенно это проявлялось при проведении каких-либо реформ. Статья затрагивает, в частности, проведение судебной реформы 1864 г. на территории Беларуси и связанные с этим проблемы прав человека в религиозных сообществах.

Важнейший фактор социальной стабильности и соблюдения прав человека – межконфессиональное взаимодействие – особенно важен в такой конфессионально сложной стране, как Беларусь. Противостояние католицизма и православия на протяжении многих не лет, а даже веков отражалось во всех социальных сферах. Это коснулось также проведения судебно-правовой реформы 1864 г., наложив специфику на процесс ее проведения.

Осуществление судебной реформы на территории Беларуси претерпело еще больше изменений, чем в центральных губерниях Российской империи, не говоря уже о том, что она была введена здесь по времени гораздо позднее и медленнее.

Царское правительство открыто отвергало важнейшие принципы реформы на территории белорусских губерний. Мировая юстиция была введена отдельно от общих судебных установлений, мировые судьи назначались, серьезно ограничивалась компетенция присяжных заседателей, из числа которых было изъято нерусское население неправославного вероисповедания. Были ограничены принципы состязательности и гласности. На должность мирового судьи правительством назначались лица исключительно русского происхождения и православного вероисповедания, был изменен порядок кассационного производства, судебная власть подчинялась административной [1, с. 15].

На территории Беларуси судебная реформа вводилась в два этапа: с 1872 г. были введены мировые суды, а с 1882 г. уже были образованы окружные суды, судебные палаты, прокуратура, нотариат, адвокатура. Такой порядок был вызван недоверием царизма к польско-католическому населению, которое проживало здесь гораздо в большем количестве, чем русское.

Политические замыслы самодержавия при проведении судебной реформы 1864 г. в Беларуси были направлены на прекращение обособленности польской национальности и одновременно на распространение русского языка, русской народности и православия, но одной из главных политических задач было воспитание верноподданнических отношений к закону и правительству.

Следуя политике русификации, царское правительство стремилось усилить русский православный элемент в Беларуси, сохраняя за ним в деле суда предпочтительное влияние на все сословия края. Это было связано и с длительным периодом действия Статута ВКЛ 1588 г., который, будучи передовым по своему характеру документом, во многом предвосхитил судебную реформу 1864 г. Однако царское правительство стремилось не только отменить его действие, но и вычеркнуть из памяти населения.

Но самым отрицательным фактором являлось отсутствие избираемости мировых судей, назначение почетных мировых судей из более крупных местных землевладельцев и домовладельцев русского происхождения и православного вероисповедания, назначение правительством Председателей съездов Почетных мировых судей.

Высказывались мнения и «за» допуск в должности Почетных мировых судей – лиц католического исповедания, но крайне разборчиво и таким образом, чтобы их можно было в любое время уволить с должности, не стесняя трехгодичным сроком пребывания в этой должности.

Мировые судьи из поляков католического исповедания, по мнению правительства, исказили бы учреждения «благодетельной» реформы и были бы положительно вредны не только по отправлению суда, но и принесли бы громадный вред и в политическом отношении [2].

Однако опыт водворения в Беларуси российских чиновников, пользующихся большими льготами, показывал, что не все они были достаточно нравственными и достойными людьми. При этом даже нравственная оценка личностей кандидатов на должности мировых судей из русских людей православного вероисповедания была подчинена одной цели – русификации территории Беларуси. В мировые судьи здесь должны были быть преимущественно приглашаемы мировые судьи великороссийских губерний и в особенности те из них, которые служебными достоинствами обратили на себя внимание правительства, а равно те из местных русских деятелей, труды которых по крестьянскому делу немало способствовали к водворению в Беларуси начал русской народности. Последние могли за счет своего авторитета и влияния утвердить судебную реформу 1864 г. на началах чисто русских и православных, что вполне бы отвечало интересам царского правительства на территории Беларуси.

В целом всему институту мировых судей здесь придавался политический характер, т. к. таковой носили многие разрешаемые ими уголовные дела.

А выборность судей даже из местного населения русского происхождения не допускалась, поскольку царское правительство опасалось, что поляки постараются выдвинуть недостойные личности, чтобы показать правительству их неспособность к деятельности [3].

Второе, наиболее существенное, отступление от положений судебной реформы 1864 г. на территории Беларуси касалось института присяжных заседателей, которые здесь также должны были быть православного вероисповедания и хорошо уметь читать и писать по-русски.

Политика повсеместного насаждения русского языка приводила подчас к тому, что подсудимый, плохо знающий русский язык, не мог принимать деятельное участие в судебном процессе, т. к. не понимал ни судоговорения, ни приговора. Вопрос о языках применительно к судебной системе поднимали в своих произведениях и видные белорусские деятели, ученые, поэты и писатели. Они требовали, чтобы все лица, служащие по судебной части в Беларуси, обязательно знали польский, русский и малороссийский языки. Думается, такое решение вопроса о языках в суде царским правительством было бы наиболее оптимальным. При этом абсолютно не пострадала бы ни судебная реформа, ни политика, а рейтинг государства возрос. Полагаю, что при введении судебных уставов 1864 г. в Беларуси, правительство должно было оставить великодержавные амбиции и разрешить употребление наряду с русским и польского языка. Это тем более актуально в сфере прав человека, т. к. язык – неотъемлемая часть личных прав и свобод, в том числе в религиозных сообществах. А на территории Беларуси традиционно существовало и существует много религиозных сообществ, из которых крупнейшие – православие и католицизм.

Следующим, не менее важным моментом, является вопрос о присяжных поверенных. Они также должны были быть православного исповедания и хорошо уметь читать, писать и говорить по-русски. Евреев вообще нельзя было допускать до службы.

Царское правительство боялось усиления польского влияния на русский элемент, что могло бы отразиться неблагоприятным образом на политике русификации. Прислать чиновников из великороссийских губерний не представлялось возможным, т. к. они не получали от казны никакого вознаграждения. Поэтому требования судебной реформы к присяжным поверенным на территории Беларуси были изменены и в этом качестве стали допускать даже лиц, не получивших юридического образования, но имевших стаж работы по судебной части.

Однако, проводя политику недопущения лиц католического вероисповедания к занятию судебных должностей, царское правительство старалось не обострять религиозный вопрос. Белорусским губернаторам предписывалось осторожно подходить к наказанию за религиозные преступления, чтобы не по-

дать повода к нареканиям на администрацию в преследовании католической веры [4].

Таким образом, права человека в религиозных сообществах и их соблюдение всегда имеет политико-правовой аспект и также учитывается при проведении различных социальных реформ. Особенно это прослеживалось и прослеживается на территории Беларуси.

Список источников

1. **Галай, Ю. Г.** Российская администрация и суд во 2-й половине 19 века (1866–1879 гг.) / Ю. Г. Галай. – Минск : БГУ, 1980. – 409 с.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГрО). – Ф. 1. Оп. 6. Д. 451. Л. 28.
3. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 35111. Л. 2. Подлинник.
4. НАРБ. – Ф. 446. Оп. 5. Д. 1. Л. 21. Подлинник.

УДК 94 (47 + 57) «17/18»

О КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Опиок Тамара Владимировна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

На основе сравнительного анализа налогового законодательства Российской империи конца XVIII – первой половины XIX вв. выявляется его направленность, характер и конфессиональные особенности в отношении еврейского населения.

В Российской империи в XVIII в. евреи постоянно жили только в некоторых регионах – в Малороссии, на Смоленщине, в Лифляндии. Несмотря на небольшое количество еврейского населения этих территорий (в 1739 г. по переписи евреев в Малороссии, например, было только 573 человека), российские власти предпринимали неоднократные попытки вытеснения евреев за пределы страны. Не было исключением и Екатерина II, при которой любой иностранец мог беспрепятственно поселиться на территории Российской империи, было только одно ограничение – «кроме жидов» [1, с. 8].

Очевидно, что после разделов Речи Посполитой политика вытеснения евреев за пределы Российской империи становилась нереальной и теряла всякий смысл. Только в восточной Беларуси во время первого раздела еврейское

население составляло около 100 тысяч человек. По приблизительным подсчетам, в конце XVIII в. в Российской империи оказалось 700-800 тысяч евреев. Следует отметить, что статистические данные о численности еврейского населения на присоединенных землях в разных исследованиях значительно разнятся [2]. В целом, в Российской империи после разделов Речи Посполитой проживало около одной трети еврейского населения всего мира, и это было больше, чем в какой бы то ни было другой стране.

В соответствии с манифестом Екатерины II после включения белорусских земель в состав Российской империи за еврейским населением сохранялись прежние права, в том числе свобода вероисповедания и право на собственность «ибо человеколюбие Ея Императорского Величества не позволяет их одних исключить из общей всем милости и будущего благосостояния под благословенною Ея Державою» [3, с. 663, 664].

Основным законодательным актом, который регулировал положение еврейского населения Российской империи с конца XVIII в., был указ от 23 декабря 1791 г., по которому оно «удерживалось в границах своего природного и исторического расселения, где им гарантировались права гражданства и мещанства» [4]. В «Положении о евреях» 1835 г. в эти границы включались территории 15 губерний, в том числе – Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская. В документе официально использовался термин «черта постоянной еврейской оседлости» [5].

Конфессиональный (равно как и региональный) аспект налогообложения в Российской империи прослеживается уже в налоговой реформе 1797 г., по которой все губернии империи были разделены на четыре класса. Основанием отнесения Белорусских губерний к третьему классу служило преобладание на этих землях католического, греко-католического, иудейского и лютеранского населения. При этом от класса губернии зависел размер подушного налога и дополнительного оброка для государственных крестьян.

Кроме того, важно иметь в виду, что для некоторых конфессий устанавливался особый порядок налогообложения и налоговых льгот. Эти особенности конфессионального характера налогообложения в полной мере относились к еврейскому населению и были закреплены законодательно в конце XVIII – первой половине XIX в.

После первого раздела Речи Посполитой еврейское население присоединенных земель с 1773 г. должно было платить подушную подать в размере одного рубля и дополнительный сбор, сумма которого составляла один рубль пятьдесят копеек. С 1783 г. в отношении еврейского населения при налогообложении действовал принцип сословной принадлежности. Именным указом от 3 мая 1783 г. «О податях с купечества, мещан, крестьян и других обывателей губерний Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Харьковской, Полоцкой, Могилевской, Рижской, Ревельской и Выборгской»

было установлено, что «евреи, в белорусских губерниях проживающие, должны быть обложены податями по состоянию, в которое они запишутся, без различия закона и народа». Но уже с 1794 г. еврейское население на присоединенных территориях должно было платить подать в двойном размере. В других губерниях принцип двойного налогообложения в отношении еврейского населения не вводился. Одной из причин такой налоговой политики было стремление властей стимулировать переселение евреев на неосвоенные земли Новороссии. Следует заметить, что расчеты правительства на переселение евреев не оправдались.

В пределах черты еврейской оседлости, в том числе во всех белорусских губерниях, сбор всех податей осуществлялся кагалом, которые официально продолжали существовать до 1844 г. Кроме общегосударственных налогов в еврейских общинах взимались внутренние сборы: коробочный, свечной, книжный, за ношение традиционной еврейской одежды. Размер последнего ранжировался в зависимости от регионального и сословного положения. Следует отметить, что ограничения, связанные с существованием черты еврейской оседлости, а также особенности налогообложения не распространялись на евреев, перешедших в одно из христианских вероисповеданий. Налоги и сборы в этом случае взимались в соответствии с их сословной принадлежностью и теми налоговыми льготами, которые предусматривались российским законодательством для новообращенных христиан [6, с. 51–53].

Список источников

1. **Кандель, Ф.** Очерки времен и событий. Из истории российских евреев / Ф. Кандель. – Иерусалим, 1990.
2. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грагор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск, 1998. – С. 135; Анищенко, Е. К. Черта оседлости (Белорусская синагога в царствование Екатерины II) / Е. К. Анищенко. – Минск. – С. 29; Шкутько, Л. Евреи Могилёвской губернии в последней четверти XVIII–XIX ст. (историко-социальный аспект) / Л. Шкутько // Евреи Беларуси. – Минск, 1998. – № 2. – С. 7.
3. **Эттингер, Ш.** Россия и евреи / Ш. Эттингер. – Иерусалим, 1993.
4. Полное Собрание Законов (ПСЗ) – I. Т. XXIII. № 17605. – Санкт-Петербург, 1830.
5. ПСЗ – II. Т. XIX. № 18546. – Санкт-Петербург, 1845.
6. **Назаров А. А.** Экономика и религия Российской империи. Конфессиональная политика в системе экономических реформ (по материалам законодательства XVIII–XIX вв.) / А. А. Назаров. – Москва : Парадиз, 2006.

ИСЛАМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ, ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

Котляр Иван Иванович,

Республиканское общественное объединение защиты прав человека
(секция Международного общества прав человека) (г. Брест, Беларусь)

Имеет место актуальность рассматриваемой проблемы. Интерес среди общества и ученых возрастает в силу влияния событий, происходящих в современном мире и в Европе в частности. В докладе рассмотрены концептуальные основы прав человека в исламе, указаны особенности и тенденции в развитии современной исламской теории прав человека, ее отличия от западной. Материал, представленный в докладе, представляет интерес не только для специалистов, но и для широкой аудитории.

Исследование проблематики прав человека – относительно новое направление мусульманско-правовой науки, которое разрабатывает эту тему преимущественно в сравнительном плане. Компаративистский подход вполне закономерен, поскольку исламская концепция прав человека в значительной мере мыслится в качестве альтернативы либеральным взглядам и в силу этого нацелена на обоснование превосходства исламского видения прав человека над западными теориями, а шариата – над международно признанными стандартами либо, в крайнем случае, совместимости мусульманского права с этими идеями и принципами. Такая общая направленность исламских разработок по данной теме во многом объясняется тем, что выдвигаемые против ислама обвинения в нарушении прав человека воспринимаются в мусульманском мире как упрек в адрес шариата в целом, негативная оценка его как правовой системы, которая не соответствует современному пониманию права и справедливости.

Ислам буквально означает «покорность». Ислам не только определенное религиозное учение. Это – особая культура, цивилизация, образ жизни, поведения людей. Формирование такого образа общественной жизни, регулирование различных ее сторон осуществляется шариатом – сводом узаконенных предписаний. Шариат означает «путь», «следование». По утвердившемуся в исламской литературе мнению, шариат определяется как совокупность обращенных к людям предписаний, установленных Аллахом и преданных им через Пророка. Шариат – это тщательно разработанный кодекс поведения, содержащий в себе обрядовые нормы богопочитания, нравственные законы семейной и общественной жизни, различные разрешения, предписания и запреты, призванные урегулировать отношения мусульман к Богу, к человеку и к обществу в целом.

Основными источниками шариата, или мусульманского права, являются Священные писания Коран и Сунна, которые согласно исламской традиции являются богоданными, а потому не могут изменяться человеком.

Исламу как одной из трех величайших религий присущи определенные ценности, на отстаивание, обеспечение нормального функционирования которых направлены нормы шариата. В исламе выделяются и подлежат защите следующие основные ценности: религия, жизнь, разум, продолжение рода, собственность.

В системе иерархии ценностей ислама религия занимает первое место. И это не случайно. Ведь религия составляет основу ислама. Именно религия, пять ее столпов – основные правила ислама – закладывают и в последующем определяют и развивают отношение человека к другим важнейшим ценностям, в том числе к правам и свободам человека.

Точка зрения ислама на права человека изложена в ряде документов и, прежде всего, в Арабской хартии прав человека [1].

Арабская хартия прав человека отражает традиции, ценности и нормы всех исламских обществ. В них действуют нормы шариата или мусульманского права. Права и свободы человека в исламе рассматриваются как часть мусульманской религии, они дарованы богом, поэтому не подлежат нарушению и изменению. В мусульманском праве закреплены: право человека на жизнь, свободу мысли и мнений, право на образование и максимальное получение знаний, право каждого на труд и уважение к труду, право на социальную защиту и помощь, а также гарантии прав немусульманских меньшинств и прав коллективизма. Содержание прав и свобод, закрепленных в Арабской хартии, в основном совпадает с содержанием Всеобщей декларации прав человека, Международных пактов о гражданских и политических, экономических, социальных и культурных правах. Вместе с тем в числе особенностей хартии выделяется то обстоятельство, что предоставление определенных прав и свобод человеку, гарантии их соблюдения связывается с гражданством. В ней нет прямого указания на запрещение рабства, хотя принудительный труд запрещен. Все положения Арабской хартии прав человека могут действовать в пределах норм шариата. Однако многие положения шариата находятся в явном противоречии как с нормами Хартии, так и с международными документами по правам человека. В их числе: права женщин и права мужчин, в частности, права, которые имеют мужья, другие. В общем:

1. Можно констатировать формирование достаточно развернутой концепции прав человека в исламе, разработка которой стала относительно самостоятельным направлением ее современной мусульманско-правовой мысли. Стоит подчеркнуть опережающую роль в этом процессе не государственного нормотворчества, а самой юридической науки, которая сумела выработать собственный подход к толкованию положений Корана, переводя их на язык прав и свобод человека [2, с. 31–38].

2. Идея верховенства шариата и связанности прав человека его принципами и нормами последовательно проводится современной мусульманско-правовой мыслью. Этот момент необходимо учитывать при оценке мнения о том, что шариат соответствует потребностям каждого народа и условиям любой исторической эпохи, поскольку опередил Запад на 14 веков в признании и закреплении принципов свободы и равенства людей, основных прав и свобод человека, включая такие, которые международное право не упоминает (например, защиту чести и достоинства усопших). Данный постулат позволяет некоторым мусульманским странам, не отказываясь от своих ценностей, принимать международные стандарты прав человека и делать акцент на том, что за редким исключением они вполне созвучны исламским подходам. Египет, к примеру, поддержал Всеобщую декларацию прав человека при голосовании в ООН. И все же подчеркиваю, что абсолютизация шариата остается важнейшей проблемой Деклараций 1990 и 1991 гг. Проблема не только в превознесении шариата над всеми законами, а также в умалчивании по поводу указанных в Шариате телесных наказаний, таких как ампутация руки или ноги за воровство, порка или забивание камнями за разврат.

3. В развитии современной исламской теории прав человека налицо две тенденции: линия на культурно-цивилизационное своеобразие, уникальность шариата и движение по пути глобализации в направлении сближения исламской правовой мысли с общемировыми подходами к правам человека. Обе указанные тенденции переплетаются и часто конкурируют друг с другом, предавая неоднозначный характер осмыслению прав человека в мусульманском мире. Соотношение между ними зависит от конкретных условий и, прежде всего, от уровня влияния ислама на общественно-политическую жизнь, а шариата – на национально-правовую систему.

Формируется концепция совместимости ислама и прав человека, представительницей которой стала Ширин Эбади. Приведем выдержки из ее нобелевской лекции: «Люди отличаются между собою, отличаются и их культуры. Люди живут по-разному, и свою особенность имеет каждая цивилизация. Люди разговаривают на множествах языков. Люди руководствуются разными религиозными убеждениями. Люди рождаются с разным цветом кожи, и многие культурные традиции ставят их жизнь в зависимости от цвета и оттенка кожи. Люди одеваются по-разному, и каждый по-своему приспосабливается к своему окружению. Люди по-разному самовыражаются. Музыка, культура и искусство тоже распадаются на разные стили. Но, несмотря на эти отличия, все люди имеют нечто общее: все они – человеческие существа, ни больше, ни меньше. И как бы сильно они не отличались между собой, но все культуры пронизаны определенными общими принципами:

- ни одна культура не допускает эксплуатации человеческих существ;
- ни одна религия не разрешает убивать невинных;

- ни одна цивилизация не принимает издевательства и террора;
- издевательства противоестественны человеческому сознанию;
- жестокость и беспощадность считаются неприемлемыми явлениями в любой культурной традиции.

Иначе говоря, эти общие принципы, характерные всем цивилизациям, есть отражение наших фундаментальных прав человека. Таким образом, культурные основы никогда не смогут использоваться как предлог для нарушения прав человека, потому что эти права воплощают собою самые основные ценности человеческих цивилизаций. Всеобщая декларация прав человека умеет вживаться универсально как на Востоке, так и на Западе. Она совместима с любой верой и религией. Неуважение к нашим человеческим правам уничтожает основы нашей человечности. Не уничтожим же этой фундаментальной правды, ибо, когда мы сделаем это, слабым не будет к чему прикоснуться» [3, с. 160–161].

Исходя из норм и ценностей шариата, их иерархии, представители исламского мира считают, что исламская цивилизация должна иметь собственную концепцию прав человека, отличающуюся от либеральной. Более того, мусульманские ученые утверждают, что основополагающие источники шариата (Коран и Сунна) признали и закрепили принципы свободы и равенства людей почти 14 столетий назад, то есть задолго до принятия международно-правовых актов современным мировым сообществом. Некоторые исследователи утверждают, что западные доктрины прав человека просто копируют традиции и идеи ислама, так как цивилизация и права человека вышли именно отсюда. Причем, подчеркивают они, все основные права и свободы человека были не только декларированы, но и реализованы на практике с самого возникновения ислама. По мнению многих ученых, именно ислам установил универсальные, фундаментальные права человека в силу его статуса как разумного человеческого существа.

Западные же исследователи считают, что такие притязания исламских исследователей являются необоснованными. Более того, они противоречат общепризнанной концепции прав человека, сформированной в рамках Организации Объединенных Наций, а поэтому не имеют права на существование.

В чем же отличие исламской концепции прав человека от западной?

Во-первых, природа прав человека трактуется как божественная, в то же время, как в западной, – как естественная. Права человека в исламе – это привилегия Бога-Аллаха, а не права человеческих существ. Европейцы возражают: права, которые являются привилегиями Аллаха, а не правами индивида, – это не концепция прав человека.

Во-вторых, основное же различие между концепциями прав человека западных и восточных цивилизаций заключается в приоритете человеческой индивидуальности в системе их ценностей. В западной концепции личность

рассматривается как высшая ценность государства и общества, в исламской – над правами человека возвышаются Бог и права различных сообществ. Правовой статус человека в исламском мире регулируется мусульманским правом и шариатом, которые находятся в определенном противоречии с нормами международного права. Исламская концепция прав человека мыслится в качестве альтернативы западным либеральным взглядам, положенным в основу международно-правовых документов в области прав человека.

Естественно, исламская концепция прав человека, оставаясь самой собой, не может отказаться от тех, хотя и не многочисленных, принципов и норм, которые однозначно установлены Кораном и Сунной. Но по другим вопросам, касающимся большинства прав и свобод человека, ее сближение с разделяемым мировым сообществом пониманием вполне реально, хотя оно идет к противоречию и не без конфликтов внутри самой исламской мысли. Главное, что этот процесс продолжается и пределы отмеченного сближения еще не достигнуты. Такое направление исламской теории прав человека приобретает особую актуальность в современном мире с его обостряющимися политическими и идейными конфликтами, в которых исламу принадлежит не последняя роль. Можно сказать, что соотношение западной и исламской концепций прав человека подтверждает и одновременно опровергает известную теорию столкновения цивилизаций.

Список источников

1. **Ан-Наим, А. А.** На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право) / А. А. Ан-Наим ; пер. с англ. О. Фадиной ; отв. ред. и автор послесловия Д. Фурман. – М. : Музей и общественный центр имени А. Сахарова, 1999. – 288 с.
2. **Schirmacher, C.** Heterogen und Kontrovers: die innerislamische Debatte zum Thema Menschenrechte / C. Schirmacher // Научно-методические аспекты образования в области прав человека : сб. материалов Республиканского науч.-методолог. семинара, Брест, 28–29 мая 2014 г., Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина / науч. ред. И. И. Котляр. – Брест : БрГУ, 2014. – 128 с.
3. **Котляр, И. И.** Права человека и высшая школа: концептуальные основы преподавания, изучения и воспитания, управленческие решения : монография / И. И. Котляр. – Минск : Тесей, 2007. – 232 с

СПЕЦИФИКА ИДЕОЛОГИИ ДЖИХАДИЗМА ГРУППИРОВКИ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»

Агеенкова Екатерина Кузьминична,

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка (г. Минск, Беларусь)

На основе анализа аутентичных материалов «Исламское государство» выделены специфические особенности джихадистской пропаганды этой террористической группировки.

Имеются разные подходы для анализа причин формирования джихадистских настроений в современном исламе. Западная традиция для понимания этого явления чаще всего использует анализ геополитических факторов: экономическое положение в регионе; напряженные отношения между различными кланами; ущемление прав последователей отдельных исламских течений в данном регионе, несостоятельность власти и ее коррупция, социальные катализмы постколониальной эпохи [1; 2; 3].

Не отрицая важности этих аргументов для понимания причин социальной напряженности в ближневосточном регионе, мы полагаем, что необходимо учитывать фактор специфики религиозной картины мира мусульман. Она опирается на убеждение, что все формы их поведения и деятельности определены Аллахом, который передал их людям через пророка Мухаммада, и зафиксированы в священных текстах Корана, которые являются для них одновременно конституцией, сводом общественных законов и правилами повседневной жизни. У суннитов такими же священными текстами являются хадисы, которые составляют Сунну. Поэтому любые поступки мусульман, а также вовлечение в ту или иную деятельность проверяются на соответствие Корану и Сунне, потому что мусульманин своим поведением старается вызвать «довольство Аллаха» и боится быть не угодным ему. На этом настаивает также И.Л. Алексеев, который указывает, что в исламе существует свой особый дискурс, который описывает окружающую реальность, в том числе и социально-политического порядка. К данному дискурсу относится и явление обновления ислама, или то, что обозначается как фундаментализм или исламизм, или даже как салафизм и радикализм. По его мнению, исламизм в мусульманской культуре, представляет собой базовую модель, обеспечивающую сохранение и развитие духовной традиции и социально-религиозного самосознания. Причем, к одной из базовых концепций собственно исламского фундаментализма он относит идею «исправления» социальной и религиозной жизни мусульманского общества, осуществляемого посредством «обновления» через отказ от следования тра-

дициям, закрепляющим «недозволенные новшества», и обращения к первоисточникам и опыту «благочестивых предков» [4].

Эти факторы важны для понимания эффективности джихадистской пропаганды идеологов группировки ИГ, которая вызвала увлеченность ее идеями у многих мусульман, широчайший их приток со всего мира в его ряды, участие их в его военных действиях и готовность умереть за его идеалы. Для понимания особенностей джихадистской пропаганды ИГ использовались аутентичные видеоматериалы его медиаагентств («Furat», «Al Furkan», «Alhayat», «I'tisaam» и др.), аудиоматериалы медиацентра «Al-Bayan» и новостного агентства «Shamtoday: Новости халифата», которые предназначались для распространения среди русскоговорящей аудитории и сопровождалась переводом на данный язык в медиацентрах ИГ. Основным материалом исследования явились: программные заявления лидера («халифа») ИГ Ибрахима Абу Бакра Аль-Багдади и официального представителя ИГ Абу Мухаммада Аль-Аднани, которые излагали основные идеологические принципы функционирования этой организации; проповеди имамов и других пропагандистов данной организации; заявления создателей видео- и аудиоматериалов, задачей которых было ретрансляция взглядов идеологов ИГ средствами религиозного и медийного дискурсов.

Для доказательства истинности их призыва к вооруженному джихаду программные заявления лидеров ИГ опираются на хадисы и аяты Корана, что придает им оттенок истинности. Однако это достаточно ограниченный и часто повторяющийся их список. Например, единственным доводом, на основании которого в ИГ причисляют созданный ими «халифат» к тому, о котором говорилось еще во времена пророка Мухаммада, является хадис «Ахмад 4/273». В пропагандистском дискурсе группировки ИГ его боевики представляются как «воины Аллаха» или как «мужи, верные завету», который они, якобы, заключили с самим Аллахом и выполняют свои обязательства перед ним (аят «Аль-Ахзаб: 23»). Часто используется ссылка на аяты «Ас-Соффат: 171-173», «Ат-Тауба: 36», «Ас-Сафф: 13», «Аль-Анфаль: 12», в которых Аллах обещал даровать победу его искренним рабам и богобоязненным и призывал быть суровыми по отношению к неверным, с которыми в то время воевали его первые последователи. При этом расстановка сил в тех сражениях в идеологии ИГ проецируется на современность, где под войском Аллаха понимаются муджахиды данной организации. Важной составляющей пропаганды ИГ является формирование мотивации «стремления к шахаде» («шахада» или «стать шахидом» – погибнуть в сражении за ислам), что, с точки зрения его проповедников, гарантирует попадание в рай боевиков ИГ. Для этого обычно цитируется аяты «Ат-Тауба: 52», «Мухаммад: 4-6», хадисы «Муслим, 1876» и «аль-Бухари, 237», а также хадис «Ахмад – Хаким». Например, проповедующий на русском языке член ИГ Ахмад Мединский призывал к шахаде так: «Посмотрите на эту мечту посланника ... Лучшие из людей мечтают умереть и получить шахаду на пути Аллаха ... Ведь

весь смысл этой жизни – умереть и встретить Аллаха ... Ведь весь смысл этой жизни в разлуке от этого мира и переход в другой мир». Некто «Abdullah Badr» в своей проповеди, сделав ссылку на аят «Аль-Анфаль: 12», призывает боевиков ИГ «не оставлять кафиrow»: «догоняйте их, выслеживаете их, подрывайте их, режьте их ... распространяйте в сердцах этих нечистей страх ... братья, вооружитесь ножами ... рубите им головы и рубите им все пальцы ... Мы вселим ужас в сердца неверующих, которые приобщили к Аллаху сотоварищей ... их пристанищем будет огонь». При этом он их убеждает, что «Аллах с нами», что ангелы покровительствуют душе, которая стремится к джихаду и шахаде. В последнем примере можно отметить характерный прием пропагандистов ИГ – вплетение в их собственную речь фраз из Корана, т.е. сообщений самого Аллаха.

В идеологии ИГ четко определены следующие группы населения, которые объявлены врагами ислама и которые подлежат или уничтожению, или подчинению: «кафиры» (люди, которым присущ «куфр» или неверие в исламскую догматику, к которым относят «крестоносцев», иудеев, шиитов и представителей иных религиозных групп); «тагут» или «тагуты» (лица, «поклоняющиеся» правовым принципам организации общества), «муртады» (мусульмане, выступающие или воюющие против ИГ), «мушрики» («многобожники» или язычники), атеисты и мусульмане, которые не вовлекаются в вооруженный джихад и погружены в материальные заботы («дунью»). Можно сделать вывод, что ИГ объявило религиозную войну всем, кто не с ними. Причем, войну до полной победы ислама в той версии, которая пропагандируется в ИГ. Даже вооруженные группы, воюющие не на стороне ИГ, обозначаются религиозными терминами: «сахаваты» (суннитские вооруженные формирования); «рафидиты» (шииты Ирака); «нусейриты» (шииты Сирии). Часто в видеороликах все они называются «воинами Шайтана» или «Сатаны». Интересным является тот факт, что в пропагандистском дискурсе ИГ практически отсутствуют указания на освободительный характер войны ИГ, что было характерно для призывов, например, в Афганистане после вступления на ее территорию советских войск [4].

Для понимания джихадистской идеологии ИГ можно сослаться на типологию политизированного религиозного сознания А.В. Малашенко, который выделил три его уровня. К «фундаменталистам» он отнес тех, кто теоретически рассуждает о перспективах создания исламского государства; к «радикалам» – тех, кто принимает радикальную политическую идеологию для достижения этих целей; к «экстремистам» – тех, кто борется за данные идеалы с оружием в руках [цит. по 4]. Несомненно, в этой типологии ИГ опирается на экстремистскую идеологию. При этом Совет Безопасности ООН признал эту организацию террористической группировкой» [5], отмечая таким образом тот факт, что способ достижения идеалов исламского общества в ИГ нарушает интересы других государств, других религиозных и социальных групп, и приносит страдания рядовым гражданам.

Таким образом, к специфическим особенностям джихадистской пропаганды ИГ можно отнести: присваивание себе права на истинное понимание Корана и Сунны; использование в пропаганде только ограниченной части священных текстов и игнорирование других; объявление тотальной войны против тех, кто не согласен с пониманием священных текстов идеологами ИГ; война ИГ носит наступательный характер. Можно также отметить, что терроризм является лишь одной из стратегий ведения войны организацией «Исламское государство».

Список источников

1. **Федорченко, А. В.** Феномен «Исламского государства» / А. В. Федорченко, А. В. Крылов // Вестник МГИМО-Университета. – № 2(41). – 2015. – С. 211–220.
2. **Вавилов, А. И.** «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы / А. И. Вавилов [и др.] // Аналитические доклады. – М. : ИМИ МГИМО МИД России, 2016. – Вып. 1(45). – 43 с.
3. **Антонович, И. И.** Радикальный джихадизм – геополитическая угроза цивилизационным основаниям современного миропорядка / И. И. Антонович // Социология. – 2015. – № 4. – С. 30–37.
4. **Алексеев, И. Л.** В поисках «хорошего Ислама»: Ислам и исламоведение между диалогом культур и «столкновением цивилизаций» / И. Л. Алексеев. // Ислам в современном мире №5-6 (2006). [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?394>. – Дата доступа: 23.08.2017.
5. **Рабуш, Т. В.** Джихад и пропаганда в афганском вооруженном конфликте (1979–1989 гг.) / Т. В. Рабуш // Исламоведение. – 2016. – Т. 7. – № 3. – С. 17–25.
6. Резолюция 2249 (2015), принятая Советом Безопасности на 7665-м его заседании 20 ноября 2015 года // Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. – [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sc/documents/resolutions/2015.shtml>. – Дата доступа: 26.04.2017.

УДК 284 (476)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ПОЗДНЕМ ПРОТЕСТАНТИЗМЕ БЕЛАРУСИ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Дьяченко Олег Викторович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Тенденции развития современных религиозных и государственно-конфессиональных процессов, политизация религиозной деятельности отдельных организаций позднего протестантизма, актуализируют задачу изучения религиозного экстремизма, предупреждения его возникновения и распространения в белорусском обществе.

В статье 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г. дано определение экстремизма как социального, политического и религиозного явления с указанием его основных признаков, к которым отнесены, во-первых, «разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни»; во-вторых, «организация и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды»; в-третьих, «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности»; в-четвертых, «распространение экстремистских материалов, а равно на изготовление, издание, хранение или перевозку в целях распространения таких материалов»; в-пятых, «финансирование экстремистской деятельности, иное содействие в ее осуществлении, в том числе путем предоставления недвижимого имущества, средств электросвязи, учебных, полиграфических, других материально-технических средств или информационных услуг» [1].

По состоянию на октябрь 2017 г. ни одно из действующих в Беларуси религиозных сообществ не было признано экстремистским в судебном порядке. Иными словами, в деятельности религиозных групп или объединений не было выявлено признаков экстремизма, следовательно, этот вопрос имеет скорее не правовой, а научный характер, рассматриваемый не юристами, а экспертами религиоведами и обсуждаемый в академической среде. В экспертном сообществе определились следующие подходы к этой проблеме.

1. Протестантские организации являются наследниками классического протестантизма, традиционны для Беларуси, лояльны по отношению к государству. Этой точки зрения придерживаются представители правозащитных организаций и светские ученые, которые не критично используют предоставляемые религиозными сообществами информационные ресурсы, либо относятся к числу исследователей, исповедующих ту или иную религию. В создаваемом ими информационном пространстве протестантизм позиционируется в качестве единой «христианской церкви», способной к мобилизации общества для решения актуальных социально-экономических задач, подобно тому, как это происходило в период Реформации в европейских странах.

2. Протестантизм относится к чужеродным религиозным явлениям, навязываемым из-за рубежа определенными политическими силами в целях изменения менталитета белорусского народа, его традиционной духовной культуры, системы религиозных ценностей, основанных на православной религиозной идеологии. В этом контексте практически все протестанты рассматриваются как потенциальные экстремисты, независимо от наличия документированных фактов. Исключения составляют общины, позиционирующие

свою связь с лютеранством и кальвинизмом, воспринимаемые общественным мнением скорее позитивно, чем сквозь призму социальных страхов и религиозных рисков. На большинство же других протестантских организаций необоснованно навешиваются оскорбительные и возбуждающие межконфессиональную рознь ярлыки «сект», «тоталитарных сект», «культов», «деструктивных культов». Например, в настоящее время очень пристальное внимание обращается на миссионерскую деятельность Свидетелей Иеговы. Благодаря антикультовой пропаганде, прежде всего российской, в общественном сознании сформировался устойчивый стереотип этой организации как «секты». Активное распространение религиозной литературы, проведение интервью с потенциальными членами, системная работа по привлечению в свои ряды новых сторонников по методу «от двери к двери», поквартирные обходы в ряде случаев вызывают негативную реакцию у населения, что в совокупности с иными факторами порождает подозрения в экстремизме и обвинения в антиобщественной деятельности. Взгляд на иеговизм, в целом на протестантизм как на «иностранный религию», которой нет места в традиционной конфессиональной структуре общества, наиболее характерен для конфессиональных исследователей, работающих в церковных учреждениях, а также идеологически ангажированных светских ученых, связанных с государственными организациями и исследовательскими центрами.

3. Протестантизм неоднороден и представляет собой религиозное движение, в котором сосуществует в различных статусах бесконечное множество субъектов религиозной деятельности. Он объединяет религиозные институты классического протестантизма, сохранившиеся до настоящего времени «средневековые ереси», христианские деноминации эпохи Просвещения, американские христианские культы и т. п. Привычной для христианства феодального периода централизации в протестантизме нет, отсюда утрачивает свою актуальность проблема расколов, характерная для православия и католицизма. Высокий уровень активности субъектов религиозного процесса, соперничество, борьба за потребителя религиозных услуг в условиях идеологической и чрезмерной правовой регламентации религиозной жизни со стороны государства создает предпосылки к нарушению норм, что неизбежно возбуждает подозрения в экстремизме. Так было в советский период, когда деятельность организаций евангельских христиан баптистов, иеговистов, адвентистов-реформистов, пятидесятников, истинных православных христиан в ряде случаев трактовалась как экстремистская и антигосударственная, а религиозные лидеры и активисты широко привлекались к административной и уголовной ответственности. Либерализация законодательства, учет государством реальных интересов религиозных сообществ снимает в большинстве случаев вопрос о религиозном экстремизме протестантских организаций, что отнюдь не означает отсутствия элементов экстремизма в идеологии и деятельности отдельных

маргинальных религиозных групп. Однако их проявления минимальны и зарубежный, в первую очередь, американский опыт содержит апробированный механизм разрешения возникающих проблем. Итак, в позднем протестантизме возможно проявление экстремизма, более того, на определенных исторических этапах своего развития религиозные группы могут быть подвержены этому негативному явлению в больших масштабах. Вместе с тем, как показывает историческая практика, эти явления носят временный характер. Поэтому анализ и интерпретация полученных исследовательских результатов требуют строго индивидуального подхода, основанного на принципах историзма и диалектики. Эта исследовательская парадигма свойственна религиоведам, рассматривающим религию как социокультурный процесс, взаимосвязанный с другими протекающими в обществе процессами.

Исследование позднего протестантизма на предмет выявления экстремистских тенденций имеет ряд особенностей. Не будет преувеличением утверждение о том, что религиозная идеология позднего протестантизма включает в себя комплекс социально-политических идей, базирующихся на библейских текстах и интерпретируемых с точки зрения интересов отдельно взятых религиозных групп и объединений, которая в конкретных условиях может порождать экстремистские настроения.

Так, в условиях социально-политической среды, воспринимаемой религиозными лидерами в качестве «мирской», «греховной», противостоящей исповедуемым религиозным ценностям, в глубине религиозного сознания медленно вызревает протест против этой системы, несогласие с императивами обыденного поведения и целеполагающими жизненными установками, которые предлагаются обществом. При этом протестный процесс протекает латентно, внутри религиозного сообщества и на ранних этапах развития не имеет видимых индикаторов. Процесс становится очевидным, когда психическое состояние религиозных лидеров и активистов, недовольных своим социальным, либо экономическим статусом, подогреваемое соответствующей пропагандой, индуцируется в сознание религиозной массы. Внешне это проявляется в частичном или полном игнорировании светских нормативных правовых норм, в религиозных манифестациях, агрессивной религиозной пропаганде идей апокалипсизма и эсхатологии, в культивировании мученичества, формировании образа преследуемого по религиозным мотивам сообщества и навязчивом привлечении к себе внимания различных национальных и международных правозащитных институтов. По мере нарастания этих настроений, нагнетания истерии, религиозными лидерами и активистами утрачивается контроль над процессами, и религиозное сообщество вступает в открытую конфронтацию с социальной системой и ее управленческими институтами, которые усматривают в подъеме религиозного движения возможные политические риски и воспринимают его в качестве реальной угрозы своим интересам. Реакция

на это включает в себя применение различных мер воздействия, в том числе, пропаганду и психологическую обработку целевой религиозной аудитории с помощью средств массовой информации, введение в действие новых норм правового регулирования, прямое репрессивное воздействие на радикально мыслящих активистов.

Можно определить ряд причин, способствующих возникновению религиозного экстремизма. Во-первых, это низкий экономический статус участников религиозного сообщества; бедность, отсутствие перспектив индивидуального экономического роста. Во-вторых, государственная политика в сфере этноконфессиональных отношений, направленная на политическую и финансовую поддержку одних религиозных сообществ, и ограничение элементарных прав других под предлогом их «нетрадиционности», «деструктивности», «иностранного происхождения», специфики миссионерской работы и т. д., которая сопровождается интенсивной пропагандой, формированием негативного образа религиозных меньшинств. В-третьих, отсутствие религиозоведческих компетенций у должностных лиц, регулирующих процессы в сфере государственно-конфессиональных отношений, непонимание сущности религии, ее детерминант и функций. В-четвертых, высокая концентрация в религиозных сообществах лиц, склонных к девиантному поведению. В частности, такие лица склонны к игнорированию норм законодательства, регулирующих деятельность религиозных организаций, предлагают свое собственное толкование нормативных правовых актов, проводят агрессивную информационную политику в отношении своих оппонентов, что неизбежно способствует возникновению конфликтов.

Проявления экстремизма в деятельности религиозных сообществ являются эпизодическими и касаются в основном совершения правонарушений в части функционирования религиозных организаций без государственной регистрации в органах государственной власти. За нарушение законодательства, регулирующего государственно-конфессиональные отношения, предусмотрена административная и уголовная ответственность, однако, на практике правовые нормы не применяются в связи с отсутствием возможности обеспечить документирование противоправной деятельности религиозных объединений и их представителей. Собранная информация о фактах нарушения законодательства не является достаточной доказательной базой для вынесения по административным и уголовным делам правомерных судебных решений и судами к рассмотрению не принимается. Только в отдельных случаях руководители таких организаций привлекаются к административной ответственности. К уголовной ответственности по статьям 193, 193-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь активисты и руководители религиозных организаций, как известно, не привлекались.

Также следует отметить, что в Республике Беларусь отсутствует практика включения в Республиканский список экстремистских материалов ин-

формационной продукции, издаваемой и распространяемой протестантскими религиозными центрами [2]. В этом отношении ситуация коренным образом отличается от Российской Федерации, в которой правоприменительная практика усматривает в религиозных текстах признаки проявления религиозного экстремизма и где к экстремистским материалам отнесены литературные произведения иеговистов, мусульман, неоязычников, а их перечень регулярно обновляется в федеральном списке экстремистских материалов на вебсайте Министерства юстиции Российской Федерации [3].

В заключение необходимо отметить, что в Республике Беларусь процессы развития религиозного экстремизма протекают латентно и не выходят за пределы допустимого формата. Тем не менее, деятельность религиозных объединений, их отдельных представителей, которая в ряде случаев приобретает противоправный характер, актуализирует необходимость постоянного мониторинга этно-конфессиональной системы с целью выявления деструктивных тенденций и своевременной профилактики распространения экстремистских настроений среди населения.

Список источников

1. Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» от 4 января 2007 г. № 203-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. 2017. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?gclid=3871&p0=H10700203>. – Дата доступа: 02.09.2017.
2. Республиканский список экстремистских материалов // сайт Министерства информации Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/ru/extremism-ru>. – Дата доступа: 13.10.2017.
3. Федеральный список экстремистских материалов // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/extremist-materials>. – Дата доступа: 02.09.2017.

УДК 297:396

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Толпыго Антонина Владимировна,

ГУО «Средняя школа № 2 г. Мстиславля» (г. Мстиславль, Беларусь)

Статья посвящена анализу положения, прав, свобод и обязанностей женщины в исламском обществе. В данном исследовании уделено внимание введению ислама представителями иных культур и конфессий, а также дана оценка стереотипным представлениям людей о мусульманах как носителях некоей совокупности традиционных

ценностных установок, которая совершенно не вписывается в систему ценностей современного общества.

В современном обществе бытует убеждение в абсолютной несовместимости исламской и западной систем ценностей, в частности, это касается положения о равноправии мужчин и женщин, которое якобы совершенно чужое исламу, суть которого – подчинить женщину, ограничить ее свободу. О существовании подобных устоявшихся стереотипных мнений упоминается в целом ряде исследований.

К примеру, социолог из Университета Суссекса (Великобритания) Иман Хашим отмечает, что хотя в авраамических религиях именно за мужчинами традиционно закрепляется доминирующая позиция в обществе, только ислам обрел репутацию религии, направленной против женщин, служащей для поддержания системы социальной сегрегации, при которой женщины оказываются изолированы – и социально, и экономически. Профессор Независимого Университета Бангладеш Тадж ал-Ислам Хашми указывает на негативные коннотации, связанные с исламом, как на общепризнанный на Западе и Востоке факт, т. к. предполагается, что ислам санкционирует полигамию и ставит женщин в зависимое от мужчин положение во всех сферах жизни – социальной, политической и экономической. Теоретик феминизма и общественный деятель Чандра Талпад Моханти, анализируя одно из основных понятий западного феминистического дискурса «женщины третьего мира» (Third World Women), отмечает, что под ним подразумевается некая гомогенная «бессильная» группа, которая объединяет женщин как жертв определенных социально-экономических условий, в частности, т. н. исламского дресс-кода. Профессор Университета Джорджтауна (США) Ивонна Хаддад отмечает, что традиция рассуждать о «бедственном положении» («miserable status») женщин-мусульманок – изолированных от общества, необразованных, закутанных в чадру, страдающих от жестокого общества и нуждающихся в спасении, – берет начало со времен европейской колонизации исламских территорий. Можно, конечно, и далее продолжить цитирование различных исследований на данную тему, но уже сейчас их общий смысл вырисовывается достаточно четко – в рассуждениях о статусе женщин чаще всего именно ислам оказывается в числе ключевых факторов, определяющих исключительное низкое положение женщины в мусульманских сообществах.

Если же говорить о «женском вопросе» в исламе, то широко распространенное до сих пор представление об «униженных и оскорбленных» женщинах коренится в советском прошлом, когда в мусульманке видели, прежде всего, робкое существо, которого с рождения воспитывали в покорности: сначала – Богу, а с наступлением зрелости – мужу [1, с. 145].

В США и странах западной Европы сложилась принципиально иная ситуация, как в восприятии мусульман, которые никогда не были органичной

частью европейского/американского социального организма, так и в организации взаимоотношений мусульман с коренным населением.

На западе собирательным портретом мусульманской женщины служит стереотипное представление о женщине, скрытой за покрывалом, некоем безмолвном силуэте, лишенном прав. Эта картина знакома всем нам в значительной степени потому, что именно так западные СМИ чаще всего изображают исламских женщин.

Трудно не согласиться с данным замечанием, тем более, что его неоднократно подтверждали социологические исследования. К примеру, в США был проведен специальный опрос среди постоянно приживающихся там практикующих мусульманок-иммигранток. Основной целью социологического исследования было стремление выявить их мнение о том, коков он, образ мусульманских женщин, представленный в ведущих американских СМИ, и насколько он соответствует реальности. По результатам опроса выяснилось, что 81% респонденток видят собирательный стереотипный портрет мусульманки следующим образом: она во всем уступает мужчине, необразованная, угнетаемая, зависимая, отсталая. В оценке гендерных ролей в исламской культуре, почти все участницы опроса использовали слово «уважение», описывая отношения мужчин и женщин. Кроме того, они отмечали, что фундаментальное моральное качество «хорошего» мусульманина заключается в «почтительном» отношении к той границе, которая обозначает гендерные роли в обществе.

Тем не менее, на страницах печатных изданий, в интернете и на телевидении неизменно приводятся многочисленные факты «подавливания» женщины-мусульманки как самостоятельной личности, ущемления ее социальных и политических прав. Причем, это «подавление» может принимать различные формы, что выражается и в требовании ношения хиджаба, и невозможности участвовать в выборах наравне с мужчинами. Сюда же относят и ряд ограничений в передвижении (специальные вагоны для женщин в составах метро, а также отдельные входы и выходы из магазинов в ряде исламских стран), и трудности с получением образования по желанной специальности, и проблемы с трудоустройством. Но действительно ли настолько незавидна участь мусульманки, как это выглядит со стороны?

Антрополог из Колумбийского университета (США) Лейла Абу-Луход в одной из статей задается интересным вопросом: «Действительно ли нужно спасать мусульманских женщин?» и отмечает, что говоря о «спасении» мусульманок, мы непременно должны понимать, от чего и во имя чего их необходимо спасать? От ношения хиджаба – как главного внешнего атрибута угнетения ради обретения свободы? Но возможно ли освобождение, которое будет исламским? Безусловно, нельзя навязать представителю другой культуры или конфессии свое мировидение, свое понимание того, что такое угнетение и что значит быть свободным.

Невозможно «освободить» и «осчастливить» всех мусульманок сняв с них хиджаб. Важно понимать, что чаще всего хиджаб ассоциируется с притеснением у тех, кто имеет весьма отдаленные представления об исламе, а для самих мусульманок он всегда был и остается символом защиты их чести и достоинства. Согласно предписаниям Корана, тело женщины-мусульманки, за исключением лица и кистей рук, для постороннего мужчины – запретно (харам) [2, с. 128].

Еще один аспект дискуссий о статусе женщины в исламе касается проблематизации понятия «равенство». В основе исламской концепции равенства лежат три основных принципа. Во-первых, равенство людей проистекает из их общего происхождения: являясь творениями единого и единственного Бога и имея общего прародителя – Адама, люди равны в своем онтологическом статусе. Во-вторых, каждый человек в равной степени несет личную ответственность за строгое соблюдение предписаний шариата. В-третьих, каждого человека ожидает справедливое воздаяние: за благочестивый образ жизни и благие дела – вознаграждение, за греховные поступки и преступления – наказание.

В Исламской Декларации прав человека от 1990 г. содержится следующая формулировка положения о равенстве мужчин и женщин: «Женщина обладает равенством с мужчиной в человеческом достоинстве; она имеет права в той же мере, в какой несет обязанности; она пользуется гражданской правоспособностью, обладает самостоятельным имущественным статусом и имеет право на сохранение своего имени и происхождения по рождению [3, с. 154].

Мы видим, что согласно, тексту Исламской Декларации мужчина и женщина равны с точки зрения защиты и уважения их человеческого достоинства. А в правовой сфере акцент с равенства смещается не в пользу равноправия с женщиной, а в сторону соответствия прав женщины исполняемым ею обязанностям.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в современном исламском обществе все очень индивидуально, далеко не все мусульманки разделяют позиции европейских либеральных активистов, стремящихся вырвать их из «оков» традиционного уклада жизни.

Представление о том, все мусульманки в мире страдают от правовой дискриминации сильно преувеличено. Зачастую оно возникает при причине незнания исламской культурной традиции, особенностей вероучения и социального устройства, а также в силу привычки судить о представителях иных культур «по себе».

При ближайшем рассмотрении выясняется, что многие рядовые мусульманки не считают, что существующие в исламе традиции как-то ущемляют их права, не считают социальной дискриминацией то обстоятельство, что главой семьи является мужчина, в котором женщина, в свою очередь, видит опору и защитника. Мусульманки убеждены, что это и есть наилучший вариант счастья.

ливой, благополучной и спокойной жизни, когда не нужно самой себя обеспечивать, выбирая между семьей и карьерой, лишая себя радости материнства из-за элементарной бытовой неустроенности.

Истинной причиной того, что в некоторых странах не всегда обеспечиваются права и свободы женщин, является вовсе не ислам. Как показывает практика, часто упускают из виду или попросту предпочитают не замечать тот факт, что социально-экономические факторы (затянувшийся экономический кризис, бедность, война, низкий уровень жизни) оказывают куда более заметное, а порой, и губительное воздействие на жизнь мусульманских женщин, нежели требование следовать определенным религиозным предписаниям.

Список источников

1. Сизов, Ю. И., Курбанова З. А. Социально-правовой статус женщин в мусульманском обществе // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – № 2(23). – 2014. – С. 145–149.
2. Мутаххари, М. Вопрос о хиджабе / пер. с перс. М. С. Махшулова. – М. : Исток, 2009. – 208 с.
3. Исламская декларация прав человека, одобренная на конференции министров иностранных дел стран-членов Организации «Исламская конференция» в Каире 5 августа 1990 г., 6 (а) // Цит. по Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. – М. : ООО «Садра», 2014. – 190 с.

УДК 94 (470) «19/316.346.2»

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Воробьев Александр Александрович,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Публикация посвящена истории проблемы гендерного равенства на территории северо-западных губерний России в начале XX ст. В ней отмечается, что данная проблема возникла, как в целом во всей России, так и в ее северо-западных губерниях в самом начале XX в., однако в период первой российской революции 1905–1907 гг. не была решена. Данная проблема была решена только в ходе второй российской революции 1917 г., по итогам которой женщины России и ее северо-западных губерний получили равные права с мужчинами на законодательном уровне.

Россия к началу XX в. оказалась по многим направлениям в роли страны, догоняющей государства Западной Европы и, отчасти, Соединенные Штаты

Америки. Так, женщины мира имели избирательные права только в Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Дании, Финляндии и нескольких штатах США. Проблема гендерного равенства на территории России впервые появилась на повестке дня в ходе первой российской революции 1905–1907 гг. В ходе этой революции в России появился свой парламент – Государственная Дума. Правда, вопрос равноправия мужчин и женщин Государственная Дума не решила, ибо в самом законодательстве Российской империи содержалось огромное количество ограничений избирательных прав населения. Гендерное равноправие в России было установлено только после свержения в стране абсолютной монархии, когда для разработки будущего государственного устройства было объявлено о подготовке выборов в новый парламент – Всероссийское Учредительное собрание. Единственным ограничением при выборах в Учредительное собрание являлся возрастной ценз. Однако и в данном случае имелись большие отличия от других стран мира. Так, возрастной ценз для гражданского населения России составлял 20 лет и был самым низким на тот момент времени во всем мире. В Англии, США, Италии и Франции он составлял 21 год, в Австрии и Швеции – 24 года, а в Бельгии, Германии, Голландии, Испании и Норвегии он равнялся 25 годам. Военные вообще нигде, кроме России, на тот момент избирательных прав не имели. Кроме того, для военных возрастной ценз был снижен до 18 лет, не исключая и лиц женского пола [1, с. 15; 2, с. 62]. Весьма важным аспектом выборов во Всероссийское Учредительное собрание являлось наделение избирательными правами женщин, которые до того в выборах не участвовали. Демократизм избирательного законодательства при проведении выборов в Учредительное собрание был отмечен в начале декабря 1917 г. и лидером большевистской партии В.И. Лениным: «Если брать Учредительное собрание вне обстановки классовой борьбы, дошедшей до гражданской войны, то мы не знаем пока учреждения более совершенного для выявления воли народа» [1, с. 140]. Женщины северо-западных губерний России в полной мере воспользовались полученными ими избирательными правами в ходе выборов в Учредительное собрание. В Псковской губернии они даже сумели выдвинуть на этих выборах свой кандидатский список. Всего на выборах во Всероссийское Учредительное собрание в Псковской губернии было представлено девять кандидатских списков: № 1 – трудовой народно-социалистической партии (энесов) и трудовых крестьян; № 2 – конституционно-демократической партии (кадетов); № 3 – Псковской губернской организации партии социалистов-революционеров (эсеров) и Псковского губернского Совета крестьянских депутатов; № 4 – объединенной Российской социал-демократической рабочей партии; № 5 – Псковского губернского союза землевладельцев; № 6 – большевистской партии; № 7 – Псковской объединенной демократической группы горожан, крестьян и рабочих; № 8 – Латышского крестьянского союза и латышской радикально-демократической партии; № 9 – Островско-

го отдела Всероссийской лиги равноправия женщин. В список № 9 входили: 1. Шишкина-Явейн П.Н., Петроград; 2. Журавская З.Н., Петроград; 3. Ефименко А.Я., Петроград; 4. Закута О.Г., Петроград; 5. Щепкина Е.Н., Петроград [3; 4; 5; 6]. Для производства выборов во Всероссийское Учредительное собрание в Псковской губернии была создана Псковская окружная избирательная комиссия. Ее председателем был избран член Псковского окружного суда С.М. Шиллинг, а ее членами – Н.С. Арбузов и А.В. Проников (от губернского земства) и В.Л. Горн (от Псковской городской управы). На запрос Шиллинга во Всероссийскую избирательную комиссию о том, входит ли Псковская губерния в войсковой район, председатель Всероссийской избирательной комиссии Авинов сообщил, что Псковская губерния в войсковой район не входит [7, л. 11, 25, 32]. Это означало, что солдаты Северного фронта должны были голосовать отдельно от гражданского населения. Данный факт имеет большое значение, ибо на территории прифронтовой Псковской губернии находилось большое количество частей Северного фронта русской армии, а штаб фронта был расположен в губернском центре – городе Пскове. К этому необходимо добавить, что солдаты русской армии, где бы они не находились, всегда стремились голосовать вместе с гражданским населением, внося хаос и неразбериху в ход выборов на гражданских избирательных участках. В последующем нам придется иметь дело с подобными фактами. Проведение выборов во Всероссийское Учредительное собрание на всей территории страны было назначено на 12–14 ноября 1917 г. и в Псковской губернии выборы прошли в установленные сроки. Правда, в их ход активно вмешивались солдаты Северного фронта русской армии. Так, в Пскове 11 ноября 1917 г. шестеро солдат срывали агитационные плакаты избирательных списков № 3 (эсеров) и № 4 (объединенной Российской социал-демократической рабочей партии). В другой части города срывались, или же заклеивались большевистскими агитационными плакатами плакаты других политических партий [8]. В Порховском уезде руководителями выборов было оказано давление на избирателей, ввиду чего выборы оказались не тайными, а явными. В частности, в Тишинской волости данного уезда выборами руководил матрос, приехавший из Кронштадта, а всех избирателей заставляли голосовать за списки № 6 (большевиков) и № 3 (эсеров). В Бараново-Озерецкой волости Порховского уезда во время выборов в Учредительное собрание был убит местный священник (глава участковой избирательной комиссии) и тяжело избит сельский учитель (член комиссии). При этом не сообщалось, кто это сделал [9]. В Макаровской волости Новоржевского уезда Псковской губернии солдаты Никитин и Тимофеев во главе толпы заняли избирательный участок, отобрали урну и потребовали от всех явившихся, чтоб они голосовали за большевиков [10, с. 186]. Островская уездная избирательная комиссия рассмотрела два случая насильственных действий солдат, когда те занимались противоправной деятельностью. В первом случае

они оскорбляли и не давали расклеивать предвыборные плакаты представительнице лиги равноправия женщин, а во втором случае они отобрали у представителей партии кадетов ведро с клеем, а также их агитационные плакаты, которые потом уничтожили. В селе Заборовье Лисинской волости Островского уезда избирателям раздавались только бюллетени списков № 6 и № 3, при этом усиленно призывали голосовать за список № 6, ввиду чего часть жителей села, в знак протеста против подобных действий, отказалась голосовать совсем [11, л. 168, 172]. Газета «Псковская речь» отмечала, что во многих случаях большинство безграмотных крестьян и женщин доверяли класть бюллетени за список № 3 солдатам, а те брали, но бросали в урны бюллетени за список № 6. Свои действия они объясняли так: «Мы – народ темный, что скажут, то и делаем. Солдаты сбивают. За список № 6, говорят, опускай. Ну и слушаешь их. Чай не враги. Земля, говорят, крестьянам отойдет» [12]. Итоговые данные по выборам во Всероссийское Учредительное собрание в Псковской губернии таковы: список № 1 получил 4059 голосов избирателей; № 2 – 25961 голос; № 3 – 295012; № 4 – 4870; № 5 – 3209; № 6 – 173631; № 7 – 2337; № 8 – 3859 и № 9 – 2366 голосов. Всего окружной комиссией было признано действительными 515304 бюллетеня [12]. В процентном соотношении результаты выборов следующие: список № 1 – 0,8%; № 2 – 5%; № 3 – 57,3%; № 4 – 0,9%; № 5 – 0,6%; № 6 – 33,7%; № 7 – 0,4%; № 8 – 0,8%; № 9 – 0,5% голосов избирателей.

В заключение можно сделать выводы о том, что: 1) проблема равенства между мужчинами и женщинами в России впервые обозначилась в начале XX в.; 2) в ходе первой российской революции 1905–1907 гг. эта проблема не была решена; 3) реально гендерный баланс был установлен по итогам Великой российской революции 1917 г.; 4) однако ни в ходе революции 1917 г., ни позже, полного равноправия между мужской и женской частями населения России так и не появилось, что очень хорошо показали выборы во Всероссийское Учредительное собрание; 5) говорить о гендерном балансе на всем постсоветском пространстве можно, по нашему мнению, только применительно к началу нынешнего, XXI столетия, да и то не в полном объеме.

Список источников

1. **Знаменский, О. Н.** Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и политического крушения / О. Н. Знаменский. – Л. : Наука, 1976. – 364 с.
2. **Солнцева, А. С.** Мы, солдаты-окопники, приветствуем Учредительное собрание / С. А. Солнцева // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 3. – С. 60–68.
3. Псковская речь, 1917, 15 октября.
4. Псковская жизнь, 1917, 19 октября.
5. Псковская жизнь, 1917, 21 октября.
6. Псковская жизнь, 1917, 24 октября.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 1810, оп. 1, д. 342

8. Псковская речь, 1917, 15 ноября.
9. Псковская речь, 1917, 19 ноября.
10. **Протасов, Л. Г.** Всероссийское Учредительное собрание: история созыва и крушения / Л. Г. Протасов. – М. : Наука, 1997. – 367 с.
11. ГАРФ, ф. 1810, оп. 1, д. 343
12. Псковская речь, 1917, 30 ноября.

УДК 316.356.2

СЕМЕЙНОЕ НАСИЛИЕ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО КОНФЛИКТА В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

Выборный Виталий Дмитриевич,
Могилевский институт МВД Республики Беларусь
(г. Могилев, Беларусь)

В статье на основе данных социологического исследования дается анализ семейно-бытового насилия как формы проявлений гендерного неравенства в современном белорусском обществе. Раскрываются причины и масштабы распространения насильственных практик. Определяются носители и жертвы насилия и стратегия реагирования потерпевших.

Белорусское законодательство определяет домашнее насилие как любые формы жестокого обращения в семейно-бытовой сфере (умышленные действия физической, психологической, сексуальной направленности одного члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания) [1].

Специфика насилия в семье, как проявление гендерного конфликта, совершается, как правило, дома или в рамках семьи. Оно предполагает наличие близких, но противоположных по полу отношений между жертвой и правонарушителем. Домашнее насилие это и своеобразный образ гендерного поведения в семье. И находит оно свое выражение не только в побоях, но и в эпизодах одного действия унижающих честь и достоинства представителей противоположного пола.

Как же понимают могилевские респонденты домашнее насилие как формы проявления гендерного конфликта? Основная часть могилевских респондентов, по данным опроса УКП МИРСПИ, относят к домашнему насилию, прежде всего, физическое насилие (побои и издевательства 73,3/61,0%). 48,3/47,4% видят в этом только насильственные сексуальные действия и оскорбления. 46,2% указали на запугивание и угрозы физической расправы.

Затруднились ответить на этот вопрос 4,6% [2, с. 41–42]. Все это свидетельствует о том, что это негативное явление не достаточно глубоко понято и оценено респондентами. Проявление домашнего насилия более многолико. И проявляется, не только в физических действиях, но и в психологической форме (тактика экономического контроля, диктат, ограничение свободы личности и др.).

Респонденты и по-разному оценивают масштабы распространения насильственных практик. 37,7% указали на то, что насильственные практики имеют место быть в 1-2 семьях из числа их окружения, а в 3-х и более семьях (12,8%). Около половины опрошенных отметили, что не знают о подобных проявлениях в семьях друзей, знакомых и родственников. Здесь присутствует во многом латентный характер этого явления.

Семейное насилие, проявившись хоть раз, осуществляется и в дальнейшем. В каждой третьей семье Могилевской области (34,6%) имеют место проявления семейно-бытового насилия с определенной периодичностью. На то, что насилие проявляется реже одного раза в год, указало 46,5% опрошенных респондентов. Несколько раз в год (34,7%). Практически ежемесячно указало (6,9%). Совершается, практически еженедельно и ежедневно, указало (8,9/3,0%) респондентов [2, с. 42–43].

Любой гендерный конфликт базируется на половой дифференциации. Жертвами конфликта чаще всего являются супруги (74,4%). В большинстве случаев супружеского насилия жертвой является супруга (53,5%). Чаще всего в роли агрессора выступает муж (57,5%). На фоне растущего вытеснения женщин из экономической и политической сферы насилие в отношении женщин остается хроническим и повсеместным явлением. Женщины в большинстве имеют угнетенную позицию. Реже жертвой насилия становится супруг (25,2%) случаев. Они становятся мишенью для физических и словесных нападок за нарушение представлений о мужественности, «кормильце семьи», мужской чести и т. д. А в каждой пятой семье муж и жена практически в равной мере становятся жертвами гендерного конфликта (21,2%) [2, с. 42–43].

Какие причины появления гендерного конфликта? Среди основных причин респонденты выделили бытовые и денежные проблемы (45,0/41,1%), характер распределения ролей в семье между мужчиной и женщиной при выполнении домашних работ (16,8%); разногласия в воспитании детей и разные взгляды на проведение свободного времени (11,4/10,4%); лидерство супруги, партнерши (4,0%). Женщины-респонденты отмечают, что повышенная агрессивность мужчин зачастую является следствием чувства комплекса социальной неполноценности на фоне их успешности [3, с. 2–3].

Жертвы конфликта реагируют на его совершение неоднозначно. Ничего не делают и просто терпят (32,7%). Стараются сгладить ситуацию любым путем (31,7%). Отвечают аналогичными действиями почти 29%. Ищут защиты у членов семьи и соседей 12,9%. Почти 11% жертв гендерного конфликта уходят

из дома. Только 8,9% обращаются за помощью в милицию. А 5,0% выгоняют обидчика из дома. Реакция жертвы насилия гендерного конфликта зачастую связана с пассивным восприятием гендерного конфликта (32,7%). Вызывает удивление, что жертва насилия реже всего обращается за должной социально-психологической помощью в соответствующие органы. Хотя, на первый взгляд, такая стратегия кажется нам наиболее очевидной.

Мужчины отстаивают свои позиции, игнорируют модели поведения женщин, прибегая к крепким выражениям, ругательствам и нецензурной брани. Женщины больше склонны к терпимости и компромиссам, но чаще вспоминают прошлые обиды и грехи. Женщины чаще стараются максимально сгладить ситуацию гендерного конфликта. Почти 60% от числа опрошенных женских представителей, просто прощают обидчику. Около 15% – меняют свою тактику поведения в будущем, ищут поддержки у друзей 22,3%, скрывают факты насилия (10,4%). И только 1,5% женщин жертв насилия обращается к психологу или психотерапевту.

Опасной является стратегия реагирования жертвы гендерного конфликта с применением ответных действий в адрес обидчика (30%). 5,4% пытаются просто мстить своему обидчику. В результате образуется замкнутый цикл гендерного конфликта. Осознав свою безнаказанность, насильник продолжает осуществление своих насильственных практик.

В семьях, где имели место проявления гендерного конфликта, принятая его жертвой стратегия реагирования на жестокость в свой адрес приводила к тому, что ситуацию полностью удавалось решить у 31,7% респондентов. Одновременно почти 36% указали, что ситуация улучшалась лишь частично. В тоже время в четверти случаев (25,7%) ничего не изменилось. У 5,4% респондентов ситуация значительно усугублялась [4, с. 43–50].

Таким образом, дальнейшее игнорирование проблемы семейного насилия повлечет за собой рост его негативных последствий и будет способствовать в дальнейшем деструктивной внутрисемейной социализации. В свою очередь, это будет приводить к воспроизводству подобных моделей насильственных практик взаимоотношений в белорусских семьях.

Список источников

1. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г. № 122-3 : в ред. от 18.07 2016 г. № 401-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 11 янв. 2014 г. № 2/2120.
2. Социологический анализ проблем семейно-бытового насилия в современном белорусском обществе : отчет о НИР (заключ.) / УКП МИРСПИ ; рук. И. Г. Купцова. – Могилев, 2012. – № ГР 201213244. – С. 51–57.
3. Социологический анализ проблем семейно-бытового насилия в современном белорусском обществе : аналитическая записка / Могилев: УКП МИРСПИ, 2012. – С. 1–4.

4. Жизненные ориентации и социальные ценности молодежи Могилевщины в условиях трансформирующего общества : отчет о НИР (заключ.) / УКП МИРСПИ ; рук. Н. Е. Лихачев. – Могилев, 2012. – № ГР 20121639. – С. 41–51.

УДК 316.346.2 (476)

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Меркулова Ольга Николаевна, Роговцов Дмитрий Александрович,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В тексте дано определение дефиниции «гендерное равенство» с точки зрения современных политико-правовых теорий. Анализируются основные составляющие элементы национального механизма реализации гендерной политики в Республике Беларусь.

Категория «гендерное равенство» подразумевает ситуацию в обществе, в котором женщины и мужчины обладают равными возможностями, правами и обязанностями во всех сферах общественной жизни. Перечень прав женщин, существующий на сегодняшний день можно считать результатом процесса исторического формирования международных стандартов и эталонов в области прав человека.

По мнению Н.А. Шведовой, гендерное равенство можно определить как равную оценку обществом схожести и различия между женщинами и мужчинами, различных социальных ролей, которые они играют [3, с. 4]. В таком понимании гендерное равенство имеет особенность исключительно внешнего определения, т. е. является проекцией общественного мнения, того, каким образом общество определяет для себя механизм взаимоотношения полов. Можно сказать, что категория «гендерное равенство» первична в отношении права. Конструкция гендерного равенства раскрывается через категорию прав человека как универсального стандарта, который един для представителей и мужского, и женского пола.

В рамках политико-правовых теорий принято выделять следующие аспекты достижения гендерного равенства:

- равенство превыше закона;
- равная защита законом;
- эффективная защита;
- право на законную защиту против дискриминации.

Для современного общества гендерное равенство – это не просто одно из ключевых прав человека и гражданина, но и та базовая модель социального, экономического и политического взаимодействия, которая нужна для достижения мира и целей устойчивого развития.

Гендерное равенство одним из значимых условий развития современного белорусского общества и одной из ключевых задач по защите прав личности. Гендерная политика всегда составляла одно из приоритетных направлений в деятельности органов государственной власти Республики Беларусь.

Начало ее проведение было связано с участием белорусской делегации на Четвертой всемирной конференции в Пекине в 1995 г. Полностью одобрив так называемую Пекинскую платформу, наша страна приняла на себя вполне конкретные обязательства по практическому осуществлению мер политики, которые были направлены на обеспечение равных возможностей мужчин и женщин. Так же гендерная проблематика стала учитываться при разработке всех национальных государственных программ и стратегических планов.

Основным программным документом, направленным на развитие механизмов внедрения гендерного подхода в процесс разработки и реализации мер государственной политики в различных сферах жизнедеятельности общества стал Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства. Первый такой юридический документ был принят в 1996 г. На сегодняшний день в Республике Беларусь принят и действует пятый Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства, рассчитанный до 2020 г.

Все пять Национальных планов действий предусматривали целую систему правовых, политических и экономических мер, которые позволили бы не только обеспечить равные права между мужчинами и женщинами в белорусском обществе, но и получить равноправие в сфере социально-экономических отношений, социальной защиты и здравоохранения, образования. В каждом из них так же содержится система информационного сопровождения мер, направленных на обеспечение гендерного равенства. Реализацией их занимаются республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы с привлечением научных и религиозных организаций, общественных объединений, финансового и технического потенциала международных организаций. Внедрение на практике в действие указанных документов способствует выполнению государственных программ, касающихся улучшения положения мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности общества, выполнению международных обязательств нашей страны в сфере обеспечения гендерного равенства, страновых программ агентств Организации Объединенных Наций – ПРООН, ЮНИСЕФ и ЮНФПА.

Можно говорить о том, что реализация указанных программных документов по обеспечению гендерного равенства в нашей стране привела к ряду

положительных тенденций как политико-правового, так и социально-экономического характера. Так, начиная с 1996 г. велась целенаправленная работа по совершенствованию белорусского законодательства и приведению его в соответствие с международными стандартами в сфере защиты прав и интересов женщин. Кроме того, была проведена гендерная экспертиза действующих и разрабатываемых нормативно-правовых актов.

На сегодняшний день в действие вступил пятый Национальный план, рассчитанный до 2020 г. Он предусматривает дальнейшие шаги по совершенствованию политических, правовых и экономических механизмов государственной политики в сфере гендерных отношений [2]. Анализ основных мероприятий, которые предусмотрены в данном документе, позволяет говорить о несомненной заинтересованности белорусского государства в области признания и уважения прав женщин в стране.

Необходимо отметить тот факт, что нормы белорусского законодательства не содержат хоть каких-либо положений дискриминирующих женщин и их трудовые права. Действующая Конституция Республики Беларусь строго блюдет принцип равенства между представителями обоих полов. Согласно статье 22 все граждане равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [1, с. 13]. В общем и целом нормы белорусского законодательства можно считать гендерно нейтральными.

Последовательная реализация национальных планов и мероприятий ими предусмотренных позволила белорусскому обществу существенно продвигаться в решении вопросов равных прав и возможностей не только внутри страны, но и за ее пределами.

Таким образом, с момента принятия Пекинской платформы Республика Беларусь существенно продвинулась в обеспечении гендерного равенства. Результатом вышеуказанных процессов стала выработка и формирование национального механизма по разработке и реализации гендерной политики.

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 2016. – 48 с.
2. Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства на 2017–2020 годы в Республике Беларусь // Совет Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/file59fe04a05ce85ea9.PDF>. – Дата доступа: 26.06.2017.
3. **Шведова, Н. А.** Гендерное просвещение: просто о сложном // Н. А. Шведова. – Москва : Антиква, 2002. – 212 с.

ПРИНЦИПЫ ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бураков Виктор Николаевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

Доклад раскрывает принципы права граждан на жилище. Основные направления реализации гражданами своих прав в сфере жилья и гарантии, данные государством, соответствуют международным стандартам в области права прав человека. Республика Беларусь, как социальное государство, в сфере жилья характеризуется институтом, который занимает активную позицию в регулировании жилищных отношений и способствует удовлетворению жилищных потребностей.

Права человека представляют собой важнейший институт, определяющий уровень развития политической системы общества и характеризующий все сферы общественной жизни. В праве прав человека особое внимание уделяется праву на жилище. Это обусловлено тем, что потребность в жилье возникает с момента рождения и сохраняется постоянно. Условия проживания, благоустроенность дома являются первостепенными характеристиками при оценке уровня жизни и социального статуса человека [2, с. 10–11]. Право на жилище является конституционным социальным правом, которое обеспечивает неотъемлемое право на достойный уровень жизни.

Несмотря на актуальность и значимость, право на жилище получило закрепление в международных стандартах прав и свобод человека и на уровне конституционного закона сравнительно недавно. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Всеобщая декларация прав человека в ст. 25 декларирует, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи. Статья 16 Европейской социальной хартии 1961 г., подписанная странами Совета Европы, раскрывает право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту. В ней закрепляется обязательство стран-участниц содействовать экономической, правовой и социальной защите семейной жизни, посредством поощрения строительства жилья, приспособленного к семейным нуждам, помощи молодым семьям и других соответствующих мер. Европейская социальная хартия (пересмотренная) 1996 г. в ст. 31 раскрывает право на жилье через содействие доступу к жилью, отвечающему должным требованиям; предотвращению бездомности и доступности цен на жилье.

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г., в ст. 11 декларирует право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище, и на непрерывное улучшение условий жизни.

На национальном уровне право на жилище в институциональной системе защиты прав человека берет свое начало в 1930-е гг. Впервые оно было декларировано в Конституции БССР 1937 г. положением ст. 103 о неприкосновенности жилища граждан. Как категория «право на жилище» было провозглашено Конституцией БССР 1978 г. В соответствии со ст. 42, граждане БССР имели право на жилье, которое обеспечивалось развитием и защитой государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением под общественным контролем жилой площади, которая предоставлялась по мере осуществления программы строительства благоустроенного жилья, а также невысокой платой за квартиру и коммунальные услуги [2, с. 12].

В Конституции Республики Беларусь право на жилище закреплено в ст. 48, согласно которой это право обеспечивается развитием государственного и частного жилищного фонда, содействием гражданам в приобретении жилья. Основной закон определяет право граждан самостоятельно выбирать способ удовлетворения своих потребностей в улучшении жилищных условий как за счет развития всех видов жилищных фондов, так и содействия государства в приобретении жилья.

Гражданам, нуждающимся в социальной защите, жилище предоставляется государством и местным самоуправлением бесплатно или по доступной для них плате. Никто не может быть произвольно лишен жилья. Выселение граждан в судебном порядке допускается только при наличии установленных законом оснований [1].

Наряду со ст. 48, Конституция раскрывает принципы права на жилище и другими положениями. В частности, ст. 29 гарантирует гражданам неприкосновенность жилища и иных законных владений. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище и иное законное владение гражданина против его воли. Статья 30 декларирует право граждан на свободу передвижения и выбора места жительства. Статья 44 гарантирует каждому право собственности и содействия ее приобретению [1].

Конституционные положения права на жилище раскрываются и дополняются другими принципами, которые определяют характер жилищного законодательства, практику его применения, регламентируют жилищную политику Республики Беларусь. В частности, большое значение имеет принцип целевого использования жилищного фонда. В соответствии с ним, жилые помещения

могут использоваться только для проживания граждан, размещение в них торговых точек, складов и т.д. не допускается.

Принцип доступности пользования жилищным фондом раскрывается предоставлением гражданам равных возможностей для пользования жилым помещением, который предусматривает как механизм приобретения жилья путем гражданско-правовых сделок, так и путем наследования, найма жилого помещения, членства в организации застройщиков, по завещательному отказу и др.

Равенство участников жилищных отношений предполагает беспрепятственное осуществление жилищных прав и равные отношения по владению, пользованию и распоряжению жилыми помещениями. Ограничение жилищных прав могут использоваться только на основании закона.

Государственная поддержка граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, является важнейшей категорией реализации принципа права на жилище в Республике Беларусь. В нашей стране предусмотрен комплекс льгот для строительства и приобретения жилых помещений молодыми семьями, многодетными семьями, военнослужащими, которые могут воспользоваться жилищными субсидиями и льготными кредитами.

Таким образом, право на жилище – это право гражданина иметь жилище для проживания и обязанность государства содействовать гражданам в обеспечении жильем. Данное право относится к группе прав гражданина, то есть его гарантии имеют действие только для граждан Беларуси. Данный критерий носит более узкий характер, чем права человека. Его объективность объясняется тем, что государство занимает активную позицию в регулировании жилищных отношений. Право на жилище – это гарантированная государством и международным законодательством юридическая возможность иметь жилое помещение и проживать в нем, его неприкосновенность, недопущение произвольного лишения жилища, а также совершение с ним различного рода сделок и юридически значимых действий [2, с. 12].

Список источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.
2. Жилищное право: курс лекций : в 2 ч. / Т. Д. Трамбачева, В. Н. Бураков. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. – Ч. 1. – 232 с.

СОЦИОЛОГИЯ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА

Ставский Владимир Николаевич,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье описываются возможности преподавания прав человека в курсе «Социология». Выделяются и анализируются особенности популяризации прав человека при прохождении дисциплины «Социология».

В современном мире права человека рассматриваются как универсальная ценность, как явление мировой культуры. Права человека и его основные свободы были определены в Уставе как одна из целей и принципов в деятельности Организации Объединенных наций. Всеобщая декларация прав человека, принятая объединенными нациями в 1948 г., установила единый закон жизни на Земле – права богатых, и бедных, верующих и неверующих, полноценных и имеющих физические недостатки уравниены [1, с. 15]. Положения Всеобщей декларации прав человека, включены в тексты конституции многих государств, в том числе и в текст Конституции Республики Беларусь.

Важным является популяризация прав человека в системе образования. Особое значение имеют здесь гуманитарные дисциплины, в частности социология и политологии. В ходе преподавания социологии студенты получают знания об обществе, личности, социальных группах, о основах взаимодействия людей друг с другом. Социология формирует у студентов чувства уважения к другим людям и их правам, осознание своих прав и обязанностей. Ценности прав человека присутствуют практически в каждой теме. Усваивая социологические знания, студенты знакомятся с культурой прав человека, как с составной частью духовной культуры. Следует отметить, что в нашем обществе культура прав человека не находится на достаточно высоком уровне, поэтому важно ее развивать, в том числе и на занятиях по социологии.

Усваивая тему «Устойчивое развитие белорусского общества», студенты знакомятся с императивами и компонентами его развития, такими как социальный императив, предполагающий развитие человеческого капитала, достижение высокого уровня жизни, экономический императив и экологический императив. В центре каждого императива находится человек и его права, включая права на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой.

Изучая тему по социальной стратификации, студенты получают знания о проблемах социальной несправедливости и неравенства, о возможностях преодоления возникшего социального разрыва между бедными и богатыми.

Также в процессе изучения социологии студенты изучают социальную политику Республики Беларусь, которая направлена на построение справедливого общества. Студенты получают знания об имеющихся элементах социальной защиты граждан нашего государства.

Существенно дополняют знания о правах человека такие темы, как «Семья как социальный институт», «Религия как социокультурное явление. Религиозная ситуация в Беларуси».

В ходе преподавания социологии в вузе необходимо большое внимание уделять правам человека, способствовать формированию у студентов правовой культуры, ответственности, профилактике девиантного поведения.

Необходимо отметить, что занятия по социологии позволяют в полной мере обсуждать вопросы прав человека. Они могут проводиться в форме дискуссий по темам, например, обсуждая тему «Социальная политика», можно организовать дебаты по поводу пенсионного обеспечения, реформе пенсионной системы. По возможности такого рода занятия можно проводить на базе Центров социальной защиты населения, Дома ветеранов.

Важно уделять внимание нравственным основам усвоения прав человека студентами, формированию у студентов чувства самоуважения и уважения к другим людям. Дальнейшее развитие нашего общества находится в руках молодежи, и во многом оно зависит от того, какие знания она получит, в том числе и в области прав человека.

Список источников

1. 70 лет ООН и пути дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между народами : сб. материалов Респуб. науч.-методол. семинара, Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; науч. ред. И. И. Котляр, В. А. Божанов. – Брест : БрГУ, 2016. – 129 с.

УДК 340

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА И ОБРАЗ ПРАВА

Рожковский Виктор Львович,

Могилевский институт МВД Республики Беларусь (г. Могилев, Беларусь)

В статье рассматриваются проблемы соотношения образа человека и права в период трансформаций.

Антропологический подход к праву предполагает выведение идеи права и содержания правовых учений, исходя из смысла человеческого бытия, спосо-

ба его присутствия. Следует, однако, учитывать, что антропологический подход к праву присущ лишь модерну, до эпохи Ренессанса право соотносилось с конечными причинами мироздания. А постмодерн – новое испытание для правовой антропологии, человек как центр перспективы и источник правовых феноменов в его рамках не предусмотрен. В его рамках человек и право не могут рассматриваться под углом зрения субординации, причины и следствия, а лишь с точки зрения корреляции.

Зависимость между образом человека и образом права прослеживается уже в первых правовых учениях модерна. В частности, один из основателей правовой антропологии Г. Гроций считал влечение к общежитию природной склонностью человека, независимой от идеи пользы. То, что соответствует этой склонности, является моральным, то же, что поддерживает мирное общежитие, – правомерно. Следовательно, идея права является моральной, поскольку основана на природной склонности к общежитию.

Гоббс имел дело уже не с таким покладистым человеком, а с индивидом-эгоистом, стремящимся превратить себе подобного в средство и руководствующимся исключительно своими интересами и личной выгодой. Необходимость правопорядка осознается таким субъектом под страхом насилия со стороны таких же индивидов, что оправдывает механическую силу государства, соединяющую индивидов в одно целое, где правовая реальность подменяется реальностью государственных предписаний.

Ж.-Ж. Руссо строил теорию общественного договора на тех же основаниях, что и Гоббс. Его индивид также мотивирован личными интересами, но его предпочтение правопорядка обусловлено уже страхом перед деспотизмом государства, а не страхом перед себе подобными и не из моральных побуждений. К соблюдению общих норм государство принуждается волей народа, которая стоит выше всякой законности. Иными словами, на «разумном эгоисте» не утвердить примат права по отношению к воле (лица, группы, государства), возведенной в закон.

Злобный эгоцентризм Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и других – это не плод фантазии просветителей, а продукт формирующейся цивилизации (капитализма). На этом фундаменте право с неизбежностью подменяется государственными распоряжениями.

Кантовское учение о человеке как «господине себе самому», не нуждающемся во внешней опеке – новая страница в правопонимании, в котором нет места ни личному, ни государственному произволу. Господин себе – не разумный эгоист, а моральное существо. Категорический императив – исходный момент права, это идеальное свойство человека полагается в качестве природного, а потому является критерием для оценки решений власти. Морально автономный индивид способен **по праву** противостоять экспансии любой чужой воли, возведенной в закон. Следовательно, только образ «человека мо-

рального» способен легитимировать **право** как безусловную **ценность**. Этико-правовая концепция И. Канта является образцом соответствия образа права и образа человека.

Мы должны констатировать: нормативная связь (внешний контроль, позитивное право) утвердилась как один из основных способов бытия современного человека, здесь действует логика факта, попытка же вывести ее из свойств человека – нонсенс. Исходя из человека и его свойств, проблематично обосновать **существование** нормативной связи между людьми и ее необходимость, но обнаружить корреляцию между сущностью человека (способом присутствия) и содержанием правовых норм – по силам правовой антропологии.

Знаменем времени является разделение антропологии на максималистскую и минималистскую в обосновании прав человека, как отражение нового положения человека в мире. Искра потенци антропологического поворота в европейской культуре с его человеком-демиургом. Человек модерна, будучи центром перспективы, создал вторую природу с ее экономико-политическими и правовыми устоями, но сегодня он заложник своих собственных порождений, форм общественной жизни, дискурсов. Максимальная антропология, соответствующая расцвету модерна и чрезмерным ожиданиям, пыталась выработать оптимальную форму бытия человека, исходя из образа человека, каким он должен быть. Образ человека-титана широко представлен в философской литературе XIX – первой половины XX в.: «рыцарь веры» С. Кьеркегора; «хозяин самому себе» И. Канта; «сверхчеловек» Ф. Ницше; «всесторонне развитая личность» марксизма; «человек как ось и направление развития универсума» М. Шелера, П. де Шардена и др.

Минималистская позиция представлена суждением французского философа А. Глюксмана о том, что идея прав человека становится определенной не потому, что мы знаем, каков идеальный человек, каким он должен быть по природе или в качестве совершенного человека, нового человека, человека будущего. Напротив, идея прав человека становится конкретной потому, что все очень хорошо представляют себе, кем человек не должен быть. У европейцев и всего человечества после XX в. достаточно примеров, кем не должен быть человек.

Другими словами, правовая антропология в условиях межвременья (модерн – постмодерн) акцентирует внимание не на самореализации и осмысленном существовании, а на начальных условиях (прирожденные, базовые), делающих человека человеком. Аргументируется переориентация следующим образом: права человека имеют антропологическую природу, и стремление к самосохранению оказывается выше, чем достижение новых жизненных вершин.

К XX в. антропологическая революция завершилась европейским экономико-политико-правовым дискурсом, ставшим кодом воспроизводства од-

ного и того же дискурса и типа человека. Перерождение смысла институтов государства не осталось незамеченным, помимо прямой критики (Г. Маркузе, А. Камю, Ж. Бодрийяр и др.), имеют место косвенные улики: радикализация противостояния позитивистского и естественно-правового мышления; «измельчание» образа человека; появление минималистской правовой антропологии и пр. Вместо человека-демиурга XVIII–XIX в. («господина самому себе», «сверхчеловека», «источника феноменов мира» и пр.) – образы человека из тиража, продукта массового производства XX в. («человек массы» Ортега-и-Гассета, «одномерный человек» Г. Маркузе, «молчаливое большинство» Ж. Бодрийяра, «электорат»). Человеку-клону не по силам дерзания «богоборцев» и творцов новых ценностей, для него уже успех – удержаться в рамках минималистской антропологии права.

При забвении экзистенциальной свободы и отсутствии воли к власти над зверем в себе – соблюдать хотя бы внешние требования позитивного права. Тупику модерна (институты модерна как коды и формы контроля) адекватен электорат, потребитель (никто, социальная функция) и нормативный порядок в качестве права, в котором минимум человеческого присутствия и корреляция с желудком.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Ананенко Антон Анатольевич**, студент 3 курса юридического факультета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова» (г. Витебск, Беларусь).
2. **Арушаньянц Анна Николаевна**, научный сотрудник отдела правовых исследований и экспертизы научно-исследовательского института теории и практики государственного управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).
3. **Богданович Елена Олеговна**, магистр юридических наук, аспирант учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (г. Минск, Беларусь).
4. **Борщевская Анна Эдуардовна**, кандидат юридических наук, старший преподаватель учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).
5. **Бураков Виктор Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
6. **Василевич Григорий Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).
7. **Воробьев Александр Александрович**, кандидат исторических наук, доцент, начальник центра дополнительного образования и профориентации учащейся и студенческой молодежи ИПКиП учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
8. **Воробьева Юлия Николаевна**, студентка 4 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
9. **Выборный Виталий Дмитриевич**, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).
10. **Горшенков Сергей Алексеевич**, магистр юридических наук, индивидуальный предприниматель, партнер юридической группы «Sorkin&Gorshenkov» (г. Могилев, Беларусь).
11. **Грибановский Сергей Петрович**, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилевский государственный университет продовольствия» (г. Могилев, Беларусь).
12. **Грузинский Дмитрий Владимирович**, курсант 5105 учебной группы 3 «Б» курса факультета милиции учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь).
13. **Гуланова Ольга Николаевна**, педагог социальный государственного учреждения образования «Средняя школа № 38 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь).

14. **Демидова Ирина Андреевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь)
15. **Демьяненко Никита Олегович**, студент частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь).
16. **Довыденко Иван Иванович**, старший преподаватель кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
17. **Дурдыев Мекан Бегсахедович**, студент факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
18. **Дьяченко Олег Викторович**, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
19. **Елисеева Галина Валерьевна**, старший преподаватель по направлению подготовки «Юриспруденция» НОУ ВПО Сибирский институт бизнеса и информационных технологий (г. Омск, Российская Федерация).
20. **Емельянова Людмила Владимировна**, учитель истории государственного учреждения образования «Туголицкая средняя школа Бобруйского района» (п. Туголица, Бобруйский район, Могилевская область, Беларусь).
21. **Ермоленко Евгения Валерьевна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и трудового права учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь).
22. **Зачесса Елена Николаевна**, старший преподаватель кафедры административных и финансово-правовых дисциплин АНО ВО «Институт законовведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации» (г. Тула, Российская Федерация).
23. **Иванова Диана Владимировна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).
24. **Кабзова Наталья Васильевна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
25. **Калинин Владимир Николаевич**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Институт законовведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации» (г. Тула, Российская Федерация).
26. **Каранкевич Вероника Игоревна**, студентка частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь).
27. **Кацубо Светлана Петровна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных и правовых дисциплин учреждения

- образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого» (г. Гомель, Беларусь).
28. **Кириллова Елена Юрьевна**, ученый секретарь Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь).
 29. **Клачок Илья Петрович**, курсант 5201 учебной группы 3 курса следственно-экспертного факультета учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (г. Минск, Беларусь).
 30. **Ковалев Андрей Николаевич**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Гимназия г. Мстиславля» (г. Мстиславль, Беларусь).
 31. **Козлова Валерия Дмитриевна**, студентка факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
 32. **Кондратенко Антон Викторович**, учитель истории государственного учреждения образования «Межисетская средняя школа» (а/г Межисетки, Могилевский район, Беларусь).
 33. **Копейченко Андрей Иванович**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа № 25 города Могилева» (г. Могилев, Беларусь).
 34. **Корик Татьяна Витальевна**, студентка факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
 35. **Коршукова Ольга Владимировна**, студентка 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилёв, Беларусь).
 36. **Котляр Иван Иванович**, председатель правления Республиканского общественного объединения защиты прав человека (секция Международного общества прав человека), кандидат философских наук, профессор политологии (г. Брест, Беларусь).
 37. **Кравцов Глеб Витальевич**, студент 1 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
 38. **Крагилева Владислава Борисовна**, преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
 39. **Лавренчиков Александр Сергеевич**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Свислочская средняя школа Осиповичского района» (д. Свислочь, Осиповичский район, Могилевская область, Беларусь).
 40. **Лазутина Людмила Федоровна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

41. **Лапутько Ксения Вячеславовна**, магистр юридических наук, преподаватель кафедры государственного управления юридического факультета Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).
42. **Лихачев Николай Егорович**, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
43. **Лихачева Светлана Николаевна**, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
44. **Маеров Андрей Николаевич**, старший преподаватель кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
45. **Макшгарева Алина Игоревна**, преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
46. **Манько Диана Александровна**, студентка частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь).
47. **Мартынов Владимир Петрович**, студент 2 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
48. **Марфонова Анна Викторовна**, учитель начальных классов государственного учреждения образования «Мазоловский учебно-педагогический комплекс детский сад – средняя школа» (а/г Мазолово, Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь).
49. **Меркулова Ольга Николаевна**, старший преподаватель кафедры политологии и социологии права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
50. **Мизюрькова Светлана Васильевна**, учитель начальных классов государственного учреждения образования «Мазоловский учебно-педагогический комплекс детский сад – средняя школа» (а/г Мазолово, Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь).
51. **Минина Виктория Владимировна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
52. **Михайловская Вероника Юрьевна**, студентка 4 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
53. **Молчан Андрей Васильевич**, учитель истории государственного учреждения образования «Лапичская средняя школа» (а/г Лапичи, Осиповичский район, Могилевская область, Беларусь).

54. **Мурзич Вениамин Иосифович**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
55. **Овсянникова Эльвира Александровна**, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административных и финансово-правовых дисциплин АНО ВО «Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации» (г. Тула, Российская Федерация).
56. **Опарек Владислав Юрьевич**, студент 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
57. **Опиок Тамара Владимировна**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и восточных славян историко-филологического факультета учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
58. **Пагирская Екатерина Вячеславовна**, студентка факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
59. **Пантелеева Наталья Викторовна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
60. **Пахоменко Алеся Игоревна**, председатель Ассоциации защиты интересов организаторов азартных игр (г. Минск, Беларусь).
61. **Пискун Алеся Леонидовна**, магистрант юридического факультета учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» (г. Брест, Беларусь).
62. **Полякова Любовь Григорьевна**, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
63. **Почтовая Галина Петровна**, преподаватель учреждения образования «Мстиславский государственный строительный колледж» (г. Мстиславль, Могилевская область, Беларусь).
64. **Радовская Анастасия Владимировна**, студентка 3 курса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
65. **Роговцов Дмитрий Александрович**, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
66. **Рожковский Виктор Львович**, кандидат философских наук, доцент учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).

67. **Рыжанков Арнольд Юрьевич**, преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
68. **Свиб Анжелика Феликсовна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
69. **Семенов Владимир Иванович**, старший преподаватель кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
70. **Сигаева Татьяна Адамовна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (г. Минск, Беларусь).
71. **Слепцов Андрей Витальевич**, магистр юридических наук, преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
72. **Соркин Геннадий Семенович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
73. **Ставский Владимир Николаевич**, старший преподаватель кафедры политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
74. **Становая Ольга Владимировна**, преподаватель учреждения образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь» (г. Могилев, Беларусь).
75. **Старостенко Виктор Владимирович**, проректор по научной работе, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии историко-филологического факультета учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
76. **Степаненко Дмитрий Михайлович**, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и менеджмента ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет» (г. Могилев, Беларусь).
77. **Сулимова Елена Владимировна**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа № 27 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь).
78. **Толпыго Антонина Владимировна**, учитель обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа № 2 г. Мстиславля» (г. Мстиславль, Беларусь).
79. **Трамбачева Татьяна Дмитриевна**, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общей теории права и гуманитарных дисциплин частного учреждения образования «БИП – Институт правоведения» (г. Могилев, Беларусь).

80. **Ховратова Светлана Николаевна**, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
81. **Чайкин Сергей Николаевич**, заместитель начальника колонии по тыловому обеспечению исправительного учреждения «Исправительная колония № 8» УДИН МВД Республики Беларусь по Витебской области (г. Орша, Беларусь).
82. **Чегерова Татьяна Ивановна**, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
83. **Чечкова Светлана Петровна**, старший преподаватель кафедры гражданского и хозяйственного права факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
84. **Чичина Елена Вацлавовна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (г. Минск, Беларусь).
85. **Шайтарова Елена Ивановна**, старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
86. **Шилович Наталья Леонидовна**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Средняя школа № 27 г. Могилева» (г. Могилев, Беларусь).
87. **Щуро Татьяна Владимировна**, учитель истории и обществоведения государственного учреждения образования «Ходосовская средняя школа» (а/г Ходосы, Мстиславский район, Могилевская область, Беларусь).
88. **Ярошевич Евгения Александровна**, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).
89. **Ясев Владимир Викторович**, проректор по воспитательной работе, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и социологии факультета экономики и права учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова» (г. Могилев, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ЧАСТНОГО ПРАВА

<i>Калинин В.Н.</i> Имущественные аспекты договорных правоотношений	3
<i>Демидова И.А.</i> Правовое сознание: содержательная характеристика.....	5
<i>Лазутина Л.Ф.</i> Теоретико-правовые аспекты особенностей производства по уголовным делам частного обвинения	8
<i>Самусенко Л.А.</i> Признаки чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера	12
<i>Слепцов А.В.</i> Сравнительно-правовой анализ юридического закрепления понятия «охрана недр» в законодательстве Республики Беларусь и стран ближнего зарубежья.....	15
<i>Борщевская А.Э.</i> Обеспечение иска в законодательстве зарубежных стран: позитивный опыт для применения в Республике Беларусь	18
<i>Чичина Е.В.</i> Третейское разбирательство: единство и дифференциация на национальном уровне	23
<i>Михайловская В.Ю.</i> Проблемы развития медиации в Республике Беларусь	27
<i>Демьяненко Н.О., Трамбачева Т.Д.</i> Эмбрион как субъект гражданско- правовых отношений в международном законодательстве	30
<i>Мартынов В.П.</i> Неприкосновенность личной жизни гражданина как самостоятельные объекты гражданско-правовой охраны	33
<i>Каранкевич В.И., Трамбачева Т.Д.</i> Актуальные проблемы объявления гражданина умершим	37
<i>Пискун А.Л.</i> Тактика проведения допроса подозреваемых при расследовании уголовных дел о хулиганстве	40
<i>Рыжанков А.Ю.</i> Актуальные вопросы соотношения основного и дополнительного объекта служебной халатности	43
<i>Манько Д.А., Трамбачева Т.Д.</i> Правовое регулирование использования лекарственных средств как объекта гражданских правоотношений	46
<i>Ховратова С.Н.</i> Договорное регулирование имущественных правоотношений супругов	48
<i>Воробьева Ю.Н.</i> Правовые последствия прекращения брака в Республике Беларусь и странах континентальной правовой семьи.....	52
<i>Кириллова Е.Ю.</i> Основания лишения родительских прав в государствах-членах Европейского союза	55
<i>Чечкова С.П., Радовская А.В.</i> Институт опеки и попечительства в семейном праве Республики Беларусь	59

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

<i>Василевич Г.А.</i> Коллизия норм как основание конституционной жалобы	63
<i>Ананенко А.А.</i> Отсутствие состава преступления как обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу, которое применяется при признании содеянного малозначительным	68
<i>Богданович Е.О.</i> Понятие и содержание завещания	70
<i>Внученкова А.Ю.</i> Общие положения административно-правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь	74
<i>Грузинский Д.В., Ермоленко Е.В.</i> Имущественные права как объекты гражданских прав по законодательству Республики Беларусь.....	77
<i>Дурдыев М.Б.</i> Характеристика заказных убийств	80
<i>Кабзова Н.В.</i> Особенности исследования и оценка достоверности электронных доказательств в цивилистическом процессе	83
<i>Клачок И.П., Ермоленко Е.В.</i> Особенности применения договора хранения в исполнительном производстве	86
<i>Крагилева В.Б., Мурзич В.И.</i> Правовое воспитание лиц, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь	90
<i>Козлова В.Д.</i> Эвтаназия в уголовно-правовом аспекте	93
<i>Корик Т.В.</i> Злоупотребление родительскими правами и право ребенка на защиту	95
<i>Макитарева А.И.</i> Историко-правовой анализ развития конституционного контроля в Республике Беларусь	98
<i>Минина В.В.</i> Содержание наказания общественных работ	101
<i>Молчан А.В.</i> На шляху да незалежнасці і канстытуцыі Рэспублікі Беларусь: гісторыка-правовое станаўленне і развіццё беларускай дзяржаўнасці	104
<i>Пантелеева Н.В., Кравцов Г.В.</i> Смертная казнь в Республике Беларусь: общие вопросы правовой регламентации и обоснование применения	108
<i>Степаненко Д.М.</i> Конституционно-правовые предпосылки инновационного развития Республики Беларусь	111
<i>Чайкин С.Н.</i> Развитие системы мест лишения свободы Могилевской губернии в XIX веке	114
<i>Шайтарова Е.И.</i> Значение вины при определении ответственности за совершение преступления в состоянии опьянения	118

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕГО
СРЕДНЕГО, СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ТЕХНИЧЕСКОГО И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

<i>Почтовая Г.П.</i> Правовое воспитание в системе профессионально-технического и среднего специального образования	122
<i>Грибановский С.П.</i> Правовая культура студенческой молодежи как фактор коррупционных рисков в системе высшего образования Республики Беларусь	125
<i>Гуланова О.Н.</i> Системный подход в работе учреждения образования по формированию правовой культуры обучающихся	128
<i>Елисеева Г.В.</i> Политическая самореализация молодежи в современной России	131
<i>Емельянова Л.В.</i> Практика организации работы по профилактике преступлений и правовому воспитанию в условиях учреждения общего среднего образования, расположенного в сельской местности	134
<i>Кацубо С.П.</i> О некоторых аспектах правового образования и просвещения молодежи	137
<i>Ковалев А.Н.</i> Правовое воспитание в системе общего среднего образования	141
<i>Кондратенко А.В.</i> Элементы правового воспитания в Соединенных Штатах Америки и Республике Беларусь	144
<i>Копейченко А.И.</i> Правовое воспитание учащихся в системе школьного обществоведческого образования	147
<i>Лакрисенко А.М.</i> Правовая культура молодежи: практика формирования и тенденции развития	150
<i>Марфонова А.В., Мизюрькова С.В.</i> Правовое воспитание в системе общего среднего образования	153
<i>Сулимова Е.В., Шилович Н.Л.</i> Правовое воспитание школьников: актуальные проблемы и пути их решения	157
<i>Щуро Т.В.</i> Правовое воспитание в системе общего среднего, среднего специального, профессионально-технического и высшего образования	161
<i>Ярошевич Е.А.</i> Правовое воспитание в системе профилактики виктимного поведения	165
<i>Ясев В.В.</i> Социальные сети как фактор правовой социализации студенческой молодежи	168

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ БИЗНЕСА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

<i>Арушаньянц А.Н.</i> Публичные и частные интересы при оценке регулирующего воздействия на бизнес-среду	171
<i>Зачесса Е.Н., Овсянникова Э.А.</i> Подходы к понятию банковской деятельности	175
<i>Маеров А.Н.</i> Особенности трудовых отношений на малом предприятии	177
<i>Становая О.В.</i> Проблемы и перспективы развития концессионных соглашений в Республике Беларусь	180
<i>Довыденко И.И.</i> Управленческий подход в диагностике банкротства при формировании целей и задач антикризисного управления	184
<i>Иванова Д.В.</i> О некоторых вопросах взыскания компенсации за нарушение исключительного права	187
<i>Лавренчиков А.С.</i> Правовые аспекты развития бизнеса в Республике Беларусь	189
<i>Лапутько К.В.</i> К вопросу о толковании термина «внешнеэкономическая деятельность»	194
<i>Пахоменко А.И.</i> Правовые аспекты развития игорного бизнеса в Республике Беларусь.....	198
<i>Соркин Г.С., Горшеников С.А.</i> Современные тенденции развития рынка юридических услуг г. Могилева и Могилевской области	202
<i>Опарек В.Ю., Коришуква О.В.</i> Правовые аспекты покупки и продажи бизнеса в Беларуси.....	206
<i>Полякова Л.Г.</i> Мониторинг как эффективная форма контроля за предпринимательской деятельностью	208
<i>Пагирская Е.В.</i> Правовое регулирование предпринимательства в Республике Беларусь	212
<i>Сигаева Т.А.</i> Право на защиту в делах, возникающих из договоров перевозки груза железнодорожным транспортом.....	215
<i>Семенов В.И.</i> Процессно-ориентированный подход к управлению бизнес-проектами на основе современных стандартов	217
<i>Чегерова Т.И.</i> Влияние каналов трудоустройства на уровень заработной платы в Республике Беларусь	220
<i>Лихачев Н.Е., Лихачева С.Н.</i> Человеческий фактор в обеспечении безопасности труда в условиях сельхозпроизводства	223

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РЕЛИГИОЗНЫХ СООБЩЕСТВАХ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

<i>Старостенко В.В.</i> Религия и права человека в контексте международных актов о свободе религии и убеждений	226
--	-----

<i>Свиб А.Ф.</i> Проблемы обеспечения прав человека в религиозных сообществах на территории Беларуси: историко-правовой аспект	230
<i>Опиок Т.В.</i> О конфессиональном характере налогообложения еврейского населения Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в.	233
<i>Котляр И.И.</i> Ислам и права человека: концептуальные основы, особенности развития.....	236
<i>Агеенкова Е.К.</i> Специфика идеологии джихадизма группировки «Исламское государство».....	241
<i>Дьяченко О.В.</i> Религиозный экстремизм в позднем протестантизме Беларуси: причины возникновения и тенденции развития.....	244
<i>Толыго А.В.</i> Права человека в религиозных сообществах и проблемы обеспечения гендерного равенства	249
<i>Воробьев А.А.</i> Проблема гендерного равенства на территории северо-западных губерний России в начале XX в.	253
<i>Выборный В.Д.</i> Семейное насилие как форма проявления гендерного конфликта в современном белорусском обществе.....	257
<i>Меркулова О.Н., Роговцов Д.А.</i> Политико-правовые проблемы обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь на современном этапе	260
<i>Бураков В.Н.</i> Принципы права на жилище в Республике Беларусь	263
<i>Ставский В.Н.</i> Социология о правах человека	266
<i>Рожковский В.Л.</i> Образ человека и образ права	267
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	271

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
27 октября 2017 года

Технический редактор *А. Л. Позняков*
Компьютерная верстка *А. Л. Позняков*
Корректоры: *И. И. Толкачева, И. Г. Латушкина*

Подписано в печать 07.06.2018.
Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman Cyt.
Усл.-печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 17,6. Тираж 90 экз. Заказ № 134.
Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», 212022, Могилев, Космонавтов, 1
Свидетельство ГРИИРПИ № 1/131 от 03.01.2014 г.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
МГУ имени А. А. Кулешова. 212022, Могилев, Космонавтов, 1